

Кто испишет имена ваша...

*Из истории политических
репрессий на территории
Зырянского района Томского края*

УДК 908.39(571.16)(082)

ББК 26.891:63.5я43

К87

Редактор:

В.А. Ханевич,

зав. Томским мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД»,
председатель Томского регионального общества «Мемориал»

Кто испишет имена ваша... Из истории политических
К87 репрессий на территории Зырянского района Томского края /
Автор-составитель Н.Е. Флигинских. – Томск. Изд-во Том.
ун-та, 2014. – 136 с.

ISBN 978-5-7511-2271-3

Представлены материалы, повествующие о политических репрессиях, происходивших в 1930-е – начале 1950-х гг. на территории Зырянского района Томской области. В основу книги легли семейные документы, фотографии и воспоминания старожилов, собранные сотрудниками Зырянского районного краеведческого музея, газетные публикации, а также архивные документы из ведомственных архивов Томской области.

Для учителей, школьников, бывших и настоящих жителей Зырянского района, интересующихся историей своей семьи, края, страны.

ISBN 978-5-7511-2271-3

© Н.Е. Флигинских, 2014

© Зырянский краеведческий музей, 2014

От автора-составителя

Кто испишет имена ваша!
Кто поведует миру
вся претерпения вами!

*(Из службы святым новомученикам
и исповедникам Российским)*

Много лишений выпало на долю нашей страны в XX веке. Две мировые войны, Гражданская война, голод и разруха унесли десятки миллионов жизней. На этом фоне страшными страницами нашей истории стали политические репрессии. Самое трагическое, что система изначально боролась с совершенно безвинными людьми, выдумывая врагов, а потом их уничтожая. Любого гражданина можно было отнести к неугодному режиму контингенту, что позволило уничтожить миллионы сограждан за их прошлое, за несоответствие требованиям, выдвигаемым большевистским руководством страны.

Время репрессий давно прошло, немало написано и о крестьянских репрессиях. Время прошло, а боль и обида остались. За списком репрессированных – вселенская трагедия, но за каждой фамилией не видно масштаба горя человека, трагедии семьи, сломанных судеб. Она выясняется только в беседе. И каждый задает один и тот же вопрос: «За что?!»

Н.Е. Флигинских,
руководитель Зырянского краеведческого музея

От редактора

Написать книгу по истории политических репрессий 1920-х – начала 1950-х годов советского периода применительно к какому-либо району нашего сибирского региона (в данном случае – Зырянскому району) – задача неимоверно трудная и сложная. Сложная по многим обстоятельствам. В первую очередь, по тому, что долгие годы об этом нельзя было говорить, писать, вспоминать. Во-вторых, настолько они были масштабными и разнохарактерными, вовлекшими в свой водоворот практически всех жителей района. Если не с одной стороны (чьими руками осуществлялись эти репрессии), так с другой (против кого были направлены репрессивные действия). Фактически долгие годы в нашей стране шла гражданская война, развязанная правящим режимом против собственного народа. Исходя из логики взятой на вооружение в нашей стране теории классовой борьбы, нас все годы советской власти призывали бороться с врагом. Представляя в этой роли то одних, то других, то третьих... врагов внутренних и внешних.

В начале 20-х годов, ещё на заре Советской власти, это были представители всех так называемых эксплуататорских классов и всех крестьян, кто не хотел отдавать свой хлеб даром во время многочисленных продразверсток. В начале 30-х годов в роли классовых врагов были представлены те слои крестьянства, кто не хотел вступать в колхозы и сопротивлялся начавшейся насильственной коллективизации. Во второй половине 30-х годов, в ходе «Большого террора» 1937–1938 годов в разряд «врагов народа» были отнесены представители практически всех слоев общества, от ветеранов ВКП(б) (так называемой ленинской гвардии) до упоминаемых кулаков и «потенциальной пятой колонны» (главным образом живших в СССР поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков и других малочисленных народов). В предвоенный 1940-й год после заключения между СССР и фашистской Германией секретного соглашения о разделе Польши, с началом Великой Отечественной войны и после ее окончания развернулась массовая депортация вглубь страны, в Сибирь и Казахстан, целых «провинившихся

народов» – прибалтов, украинцев, российских немцев и корейцев, калмыков и народов Кавказа... Только со смертью Сталина в стране были прекращены массовые политические репрессии, началась реабилитация значительной части граждан, осужденных по печально известной 58-й статье УК РСФСР, заявлено о ликвидации ГУЛАГа, но все это не означало прекращения политических репрессий как таковых, изменились лишь их масштабы и формы. Власть по-прежнему не допускала и не желала иметь среди своих граждан какого-либо инакомыслия.

История политических репрессий советского периода на томской земле еще не написана. В ней слишком много «белых пятен» – многие годы тщательно скрывааемых фактов жестокого произвола властей, кровавых репрессий, нечеловеческого существования и массовой гибели людей, особенно стариков и детей. Отсутствует даже точная цифра спецпереселенцев, в разные годы и не по своей воле оказавшихся в наших краях. Жертв было слишком много. Истреблены самые лучшие – сильные, смелые, образованные, предприимчивые, свободолюбивые. Уничтожены целые экономические и бытовые уклады, социальные слои: интеллигенция, предприниматели, крестьяне. Прервана связь поколений – нарушена преемственность в передаче знаний, обычаев, традиций. Останки погибших не преданы земле по обычаям предков, а свалены в ямах, неизвестно где. Тысячи людей сегодня не знают, куда надо пойти, чтобы поклониться праху родного и близкого человека...

Если мы действительно стремимся к извлечению исторических уроков, к воспитанию в обществе не репрессивной, демократической морали, мы просто обязаны знать, какие преступления были совершены бесчеловечным режимом, какие представления о совести и морали он оставил нам в наследство. А вооружившись знанием о прошлом, – не допустить его повторения в настоящем и будущем.

Представляемая читателям книга «Кто испишет имена ваша...» – повествование лишь о небольшой части тех человеческих трагедий, что происходили в 1920–1950-е годы на территории одного из районов нашей Томской земли. Это издание – результат большой работы создателя и нынешнего руководителя Зырянского краеведческого музея Нины Егоровны Флигинских, собравшей по крупицам разрозненные факты и свидетельства многих человеческих трагедий на зырянской земле. Самое ценное в этой книге – живые свидетельства участников тех событий, воспоминания ветеранов, только сейчас осмелившихся рассказать о том, что пришлось пережить

им и их родным в годы массовых ссылок и депортаций. До глубины души трогают эти бесхитростные рассказы нынешних ветеранов о своей судьбе и судьбе своих родителей. При этом надо понимать, что в те страшные для них годы, в большинстве своем, они были детьми и в силу своего возраста вспоминают только то, что врезалось в их память. А ведь многое забылось, стерлось из памяти за давностью лет. Что пришлось пережить их родителям, непосредственным участникам тех событий, можно только догадываться, а также кое-что узнать из архивных документов, ставших доступными благодаря кропотливой работе историков, архивистов, членов общества «Мемориал» и сотрудников Томского мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» (отдел ТОКМ им. М.Б. Шатилова), издавших несколько десятков сборников архивных документов в сериях «Народ и власть. Из истории земли Томской» и «Архивы Сибири. Под грифом “секретно”»¹.

Отрадно, что история своей малой родины, своих корней начинает интересовать нашу молодежь, школьников, тех, кому предстоит жить и работать на этой земле. Зримыми и осязаемыми результатами нашей памяти о прошлом являются книги, музеи, памятники... В Зырянском районе в данном направлении уже многое сделано и продолжает делаться: открыт и успешно работает районный краеведческий музей; издаются книги по истории района и краеведению. В 2013 году в районе был открыт и освящен памятник жертвам политических репрессий на зырянской земле. Памятник этот будет напоминать ныне живущим и последующим поколениям о той огромной цене, что пришлось заплатить за наше нынешнее благополучие и право свободно жить и творить на своей земле. Книга же «Кто испишет имена Ваша...» будет не только напоминать об этом, но зримо и убедительно рассказывать её читателям трагическую историю «в лицах и фактах». Остается только пожелать автору-составителю этого издания не останавливаться на достигнутом, а продолжать работу дальше, выявляя новые и пока малоизвестные страницы из жизни района и его вольных и невольных жителей.

В.А. Ханевич,
заведующий Томским мемориальным музеем
истории политических репрессий «Следственная тюрьма НКВД», председа-
тель Томского областного общества «Мемориал».

¹ Часть архивных материалов для данного издания была выявлена в указанных сборниках документов.

1. КРЕСТЬЯНСКИЕ РЕПРЕССИИ И РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ ДЕРЕВНИ В ЗЫРЯНСКОМ РАЙОНЕ

Вскоре после захвата власти большевиками, начиная с 1919 года, на пленумах, конференциях и съездах специально рассматривали вопросы политики в деревне. 1929 год Сталин назвал «годом великого перелома». Исключительную роль в подготовке к этому «перелому» сыграла проводимая большевистской партией политика ликвидации кулачества как класса. Столь сильного удара, нанесенного деревне, история не помнит.

3–6 мая 1920 года ревкомам и волревкомам Сибири пришла телеграмма представителя ВЧК при Сибревкоме о проведении регистрации кулаков. Это был приказ «немедленно приступить к регистрации кулаков, выявлению у них хлеба, правда, пока не приступая к изъятию этого хлеба. Такая регистрация кулаков с точным учетом имеющегося у них хлеба даст нам возможность при выполнении хлебных нарядов провести нажим на кулаков вплоть до конфискации у них всего имущества и заключения их в концентрационные лагеря. Регистрация должна быть произведена в течение месяца.

Дополнение: регистрацию кулаков произвести тайно»¹.

Маховик репрессий был запущен. Томская земля стала одной из территорий этого процесса, в том числе и Зырянский район. Главным отличительным признаком кулачества стал такой показатель, как эксплуатация чужого труда, т.е. использование наемной рабочей силы. Но в период сельскохозяйственной страды к найму прибегали и середняки, и даже бедняки. Когда же позже в колхозе все жители деревень, включая учащихся, учителей и другую сельскую интеллигенцию, должны были работать на обмолоте зерна, уборке льна, заготовке кормов для животноводства, то никто колхозы эксплуататорами не называл.

В 1920-х годах прошли первые массовые репрессии крестьян, когда власть Сибирского края полностью изымала запасы хлеба у крестьян. Продразверстка проводилась самыми жестокими мето-

¹ ГАТО. Ф. Р-425. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

дами, хлебные запасы изымались до последнего фунта, выгребалось даже семенное зерно. Конфисковывались лошади, коровы и другой скот без учета семейного положения крестьян.

Как известно, началом репрессий в Зырянском районе стал 1921 г. Установлено, что тогда был репрессирован житель д. Шиняево Туендатской волости Сергей Галеевич Малышев. Он получил пять лет принудительных работ за невыполнение продразверстки. В 1920 г. ряд районов Западной Сибири постиг неурожай из-за засухи, но задание продразверсток изменено не было. Сопrotивление крестьян насильственной продразверстке выливалось в цепь стихийных крестьянских волнений и даже вооруженных мятежей и восстаний. Как правило, возглавили такие восстания бывшие партизанские командиры, заработавшие авторитет у местного населения в ходе боев с колчаковцами.

В сентябре 1920 г. восстал ряд волостей Мариинского уезда, выступление возглавил бывший партизанский командир, крестьянин деревни Святославка Петр Кузьмич Лубков, один из активных борцов за освобождение Сибири от колчаковщины. С началом восстания для властей он сделался бандитом, карателем, для многих крестьян он по-прежнему был единственным защитником их интересов. Они знали и помнили, что всю свою сознательную жизнь Лубков боролся против тех, кто не желал понять великого труженика – крестьянина. Восстание под руководством П. Лубкова охватило и наши две волости: Зырянскую и Чердатскую. (С 1920 по 1924 г. на территории современного района существовало четыре волости, кроме уже названных, еще Туендатская и Дубровская). Пришедшие к власти большевики симпатий у П.К. Лубкова не вызывали. По деревням и селам уезда распространялась листовка с воззванием Лубкова, которое гласило: *«Товарищи крестьяне и рабочие! Настало время нам соединиться всем вместе и защищать народные интересы, партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Больше так жить нельзя. Поэтому все крестьянство восстало и вступает в народную армию тов. Лубкова и просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода. Мы должны свергнуть власть коммунистов...»*¹. Призыв был услышан, Петру Лубкову удалось собрать в ряды своей так называемой народно-крестьянской армии до двух тысяч крестьян. Восставшие пред-

¹ Садовский С. Петр Лубков: палач или герой? // Сельская правда, 1998. 27 окт.

приняли попытку перерезать Транссибирскую магистраль и несколько часов удерживали в своих руках ст. Ижморскую.

Операцию по ликвидации отряда Лубкова возглавил некто Грицман. К ней были привлечены регулярные части Красной армии, войска внутренней охраны и оперативных подразделений Томской губЧК, что позволило окружить и разгромить восставших. Эта операция по подавлению восстания вылилась в настоящее жестокое избиение голодных и плохо вооруженных крестьян. Решающий бой произошел 29 сентября 1920 года примерно в одном километре от села Михайловка. О жестокости расправы с лубковцами говорит тот факт, что убито в этом бою было более 500 человек. Пленных красные просто не брали. По свидетельству историка Н.С. Ларькова, «поле брани было сплошь усеяно трупами»¹. Часть убитых крестьян была похоронена в деревне Михайловка, часть – в г. Мариинске. Начальник штаба Восточно-Сибирского сектора ВНУС Я.А. Грицман доложил командующему войсками внутренней службы Сибири: «Первое в Сибири чисто кулацкое восстание, не поддержанное белыми офицерами, подавлено. Потеряв убитыми около 500 человек, крестьянство поняло, как выяснилось на митингах, что оно имеет дело не с Колчаком, а с соввластью, которая не терпит неповиновения власти и которая умеет строго карать»². Раненый Лубков вырвался из окружения и скрылся в тайге. К поимке партизанского командира были привлечены бывшие бойцы его отряда. Разведчик ЧК Сергей Первышев, быстро вошедший в доверие к Лубкову, уловив момент, хладнокровно расстрелял его спящим в ночь на 23 июня 1921 года в лесной избушке в двух километрах от Святославки. Тело убитого партизанского командира возили на телеге по деревням и селам для устрашения крестьян. Вот что пишет об этом событии томский историк Н.С. Ларьков: «На телеге лежал труп рослого, плотного телосложения мужчины в нижнем белье. Вся грудь его была искорежена огнестрельными ранами. Особенно жутко выглядело безбородое лицо с рыжеватыми усами, обезображенное глубокой раной с запекшейся кровью и мозгом, протянувшейся на три с лишним вершка на месте разрушенного правого глаза»³.

¹ Садовский С. Петр Лубков: палач или герой? // Сельская правда, 1998. 27 окт..

² Там же.

³ Там же.

– Ну что, земляки, признали, кто к вам пожаловал? – бодро кричал крестьянам начальник конвоя.

– Как не признать, – отвечали из толпы. Люди вздыхали, крестились и долго стояли возле своих изб»¹.

Позже в самом же селе, около церкви, был установлен памятник героям Гражданской войны. (В настоящее время это обелиск памяти земляков, сложивших голову в Великой Отечественной войне). А недалеко от села Михайловка, на месте той злой сечи, растет береза, около которой, по преданию, похоронили безымянных погибших. Жители Михайловского поселения планируют на месте того страшного боя поставить памятный знак. Рассказывают, что недалеко от села Туендат было такое же сражение, только меньших масштабов, где также погибло немало крестьян. Это место до сих пор называется «Синенький крест». Видимо, кем-то был установлен на этом месте крест синего цвета, сейчас его нет, как нет и очевидцев тех кровавых событий.

Первый этап ликвидации кулачества проходил с конца 1929 до середины 1930-х гг. Под категорию эксплуататоров были подведены наиболее крепкие и работающие крестьяне. О том, насколько велико было хозяйство таких кулаков, можно судить из справок. Так, Степан Степанович Ключников, «кулак» из д. Окунеева, имел семью, состоящую из семи человек. Было у него в хозяйстве две лошади, две головы скота молодняка, две головы крупного рогатого скота и семь овец. Посевная площадь составляла 6,76 десятины. Годовой доход исчислялся в 406 рублей. Другой «кулак», Александр Алексеевич Мангазеев, тоже из д. Окунеева, имел семью из семи человек, хозяйство его состояло из двух лошадей, одной головы скота молодняка и восьми овец. Посевная площадь равнялась 7,02 десятины, а годовой доход исчислялся в 419 рублей. Разве это большое хозяйство для такой семьи?

Кулаков делили на три категории: *первая категория* – контрреволюционный кулацкий актив – арестовывались, их дела рассматривали внесудебные спецтройки, приговоренных отправляли в лагеря или же расстреливали. Ко *второй категории* относились остальные элементы кулацкого актива, из числа состоятельных кулаков, которые подлежали высылке из пределов района в отдаленные местности округа. Кулаки *третьей категории* после изъятия у них имущества и дома могли остаться жить в пределах своей местности. Но, как

¹ Садовский С. Петр Лубков: палач или герой? // Сельская правда, 1998. 27 окт..

правило, на деле таких людей тоже ссылали в отдаленные места. Критерии, какое хозяйство признается кулацким и подлежит выселению, а какое считается середняцким или даже бедняцким, были расплывчаты и применялись весьма субъективно. Идешь в колхоз – останешься в деревне, а нет – ты кулак, подкулачник или кулацкий подпевала. Строптивых всегда ждала ссылка. Были случаи, когда крестьян расстреливали прямо по месту жительства или поблизости. Так, в 1929 г. в с. Михайловка были расстреляны братья Гололобовы, выступавшие против коллективизации. Они были похоронены на старом кладбище села. А вот Алексея Григорьевича Русинова, 1895 г.р., арестовали в апреле 1933 г. прямо у речки, где он рано утром поил коня. Арестовали за то, что скрыл свое происхождение. Был он сыном жандармского офицера, до революции окончил гимназию, а после писался крестьянином. Поскольку был грамотен, то работал секретарем волисполкома. По слухам, до села Зырянского Алексея Григорьевича так и не довели, расстреляли примерно в том месте, где установлен ныне памятник жертвам политических репрессий¹.

Важно отметить, что с каждого выселенного кулацкого хозяйства взыскивалось по 25 рублей на организацию его же переселения². Например, для того, чтобы расселить кулаков III категории, между Каштаковским и Малиновским сельсоветами в 1930 г. был отведен участок земли, где был основан поселок раскулаченных крестьян с названием «Тайга». «Когда этап проходил через Малиновку, то моя бабушка, жительница этой деревни Варвара Харитоновна, выносила на дорогу картошку, брюкву, – поделилась воспоминаниями Н.И. Зырянова. – Если ссылаемых заставляла ночь, то их загоняли в клуб, где было так мало места, что они должны были стоя дожидаться утра. Эта пытка тянулась нескончаемо долго, казалось, что ночь никогда не кончится. А с первыми лучами солнца обнаруживалось, что далеко не все смогли увидеть рассвет. Их хоронили на деревенском кладбище, но позже власти запретили это делать и умерших стали хоронить за поселком на участке со странным для того времени названием “Гараж”. Находился он за полями деревни Малиновка, в которой жили расконвоированные заключенные. А Варвара уже с вечера что-то готовила и опять шла раздавать еду, приговаривая: “Может и моего сыночка вот так же кто покормит”. Ее сын

¹ Воспоминания внука Алексея Трофимовича Тимофеева // Архив Зырянского музея.

² ГИТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 40. Л. 19.

Николай Харитонов тоже был отправлен по этапу. Он оказался единственным, кто из этого этапа остался жив»¹.

Для спецпереселенцев устанавливались нормы путевого довольствия и снабжения на местах расселения. Нормы были таковы: мука – 300 г, сахар взрослому – 6 г, детям – 9 г, соль – 15 г, крупа – 20 г, лук – 15 г, чай – 3 г, картошка – 195 г, капуста – 100 г, рыба – 75 г, растительное масло – 7 г (только детям). Перец, лавровый лист и животное масло не полагались. Даже такого скудного пайка могло хватить, чтобы выжить, но эту норму выдавали не всегда². Согласно протоколу заседания Томской окружной тройки от 16 февраля 1930 г., из Зырянского района Томского округа подлежало выселению в Нарымский край пятьдесят кулацких хозяйств. Однако этот список расширялся, и на 9 июля 1930 г. в районе уже было определено 140 кулацких хозяйств, а к индивидуальному обложению выявлено дополнительно 13 хозяйств³.

Список кулацких хозяйств,
подлежащих выселению в Нарымский край из Зырянского района
Томского округа⁴

№ п/п	Название сельсовета	Фамилия, имя, отчество	Заключение комиссии
1	2	3	4
1	Иловский с/совет	Рыжев П.К.	Пересмотреть
2	—«—	Мазнев Виктор Евсеевич	Пересмотреть
3	—«—	Михальков Х. Иванович	Пересмотреть
4	—«—	Иванов Дм. Яковлевич	Не считать
5	—«—	Медведков М.Ф.	III категория
6	—«—	Кореньков Ник.Кон.	III категория
7	—«—	Гололобов П.Н.	III катег.
8	—«—	Давыдов Кап.Леон.	Пересмотреть
9	Дубровский с/совет	Можин Матв. Павлов.	III катег.
10	—«—	Алексеев Тарас Романович	III катег.
11	—«—	Нефедов Константин А.	III катег.
12	—«—	Дмитриев П.И.	Пересмотреть

¹ Воспоминания внучки Надежды Ивановны Зыряновой // Архив Зырянского музея.

² Василий Новокионов. Тридцатые комендатурские. Тегульдет, 1993.

³ ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 906. Л. 31.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 38. Л. 14. 14 об.

1	2	3	4
13	—«—	Матвеев М.Ст.	III катег.
14	Мишутинский с/совет	Глазков Семен Дм.	Оставить
15	—«—	Глазков Михаил Павло- вич	III катег.
16	—«—	Киселев Ефим Семенович	III катег.
17	—«—	Игошин Леонид Фил.	III катег.
18	—«—	Киселев Семен Ефимович	III катег.
19	—«—	Акшинский Г.И.	Оставить
20	—«—	Алексеев Кл.Я.	Оставить
21	—«—	Федоров Ф.Я.	Оставить
22	Михайловский с/совет	Фролов Аверьян Петро- вич	III катег.
23	—«—	Фролов Флегонт Петро- вич	III —«—
24	—«—	Федоров Илья Семенович	III —«—
25	—«—	Федорова Дарья Яков- левна	III —«—
26	—«—	Федоров Ермолай Семе- нович	III —«—
27	—«—	Новиков С. Григор.	III —«—
28	—«—	Ларионов Лар.Куз.	III —«—
29	—«—	Котов Василий Василье- вич	III —«—
30	—«—	Желтоухов К.В.	III —«—
31	—«—	Локтионов И.С.	III —«—
32	—«—	Шамов Петр Елисеевич	Пересмотреть
33	—«—	Сковородкин Ар.Сем.	Пересмотреть
34	—«—	Харлашкин Ник.Ал.	Пересмотреть
35	—«—	Сячин Макар Иванович	Оставить
36	Городковский с/совет	Грициенко Ак. Кузьмич	Запросить
37	—«—	Комигачев Ив.Алекс.	III катег.
38	—«—	Куземечев Мих.Т.	Оставить
39	—«—	Комигачев Ив.Вас.	Оставить
40	—«—	Комигачев Пр.Ер.	Пересмотреть
41	—«—	Куземечев Тих. Фед.	Пересмотреть
42	Шиняевский с/совет	Карзилов Андрей Никит.	III катег.
43	—«—	Степанов Пав. Ник.	III катег.
44	—«—	Сокольников Ал.Ст.	III катег.
45	—«—	Шадрин Тит Ал.	III катег.

1	2	3	4
46	—«—	Васильев Илья Аф.	III катег.
47	—«—	Конинин Георг. Иван.	III катег.
48	—«—	Непомящий Федор Вас.	оставить
49	—«—	Рыбаченко Еф. Леон.	III катег.
50	—«—	Сокольников Иван Фед.	III катег.
51	Туендатский с/совет	Колобов Вас. Ив.	III катег.
52	—«—	Липунов Ст. Ив.	III катег.
53	—«—	Артамонов Ник. Мих.	Пересмотреть
54	—«—	Колобов Ник. Мих.	III катег.
55	—«—	Степанов Алексан. Елизарович	Оставить
56	—«—	Москалев Георг. Никанор.	Запросить
57	Семеновский с/совет	Носков Василий Васильевич	Запросить
58	—«—	Кованцев Никита Ефимович	Запросить
59	Окунеевский с/совет	Боровков Андрей Алексеевич	III катег.
60		Черкашин Николай Ефимович	Оставить
61		Удод Михаил Иванович	III катег.
62	Малиновский с/совет	Мельников Дан. Троф.	Запросить
63	Павловский с/совет	Прокопчин Федор Яковлевич	Запросить
64	—«—	Бровнин Дмитрий Васильевич	III катег.
65	—«—	Лукашевич Григорий Евдоким.	III катег.
66	—«—	Смертенко Владимир Констан.	III катег.
67	—«—	Смертенко Василий Констан.	оставить
68	—«—	Прохоров Терентий Алек.	запросить
69		Прокопчик Андрей Григорьевич	III катег.
70		Прокопчик Андрей Яковлевич	III катег.

Для сравнения, из Молчановского района выселялось 86 хозяйств, из Ново-Кусковского – 137, из Ижморского – 79. Всего по районам Томского округа на 1929/30 г. было выявлено 2887 кулацких хозяйств, что составило 2,42% к общему числу хозяйств¹.

Не все послушно отправлялись в места ссылки, многие крестьяне, не подчиняясь, бежали.

Приказ ОГПУ №223/106 от 10 июля 1930 г. предписывал вести решительную борьбу с незаконно возвращающимися кулаками, усилить меры репрессий в отношении их и отправлять на место ссылки, а в случае выявления их антисоветской деятельности заключать в концлагерь, вплоть до применения высшей меры. В 1933 г. в Зырянском районе наблюдалось массовое бегство трудопоселенцев (так тогда назывались высланные крестьяне) с участков их поселения. Сельские Советы не принимали мер к их задержанию, а отдельные колхозники и единоличники, сочувствуя беглецам, предоставляли им средства передвижения. За содействие беглецам предусматривалась статья 82 УК с лишением свободы до 5 лет. Инспекторам участков предлагалось в суточный срок оформлять дела на содействующих побегу².

В Зырянский исполком 4 марта 1935 г. пришла следующая директива: «Борьба с побегими трудопоселенцев из спецпоселков является одной из важнейших задач. Масса бежавшего кулачества осела в колхозах и других организациях, где продолжают вести подрывную разлагательную работу»³. Далее предлагались меры борьбы с этими явлениями. Бежавших кулаков нельзя было принимать на стройки, фабрики и заводы, но ссыльные все равно бежали и всякими обходными путями устраивались на работу на стройках, на фабриках и заводах. Шла индустриализация, всюду требовались рабочие руки. Но «кулаков» постоянно преследовал страх. Писалось, что кулак идет на стройку с прямым намерением вредить, разложить рабочий коллектив, сорвать социалистическую стройку. Слово «кулак» на долгие годы стало синонимом слова «враг».

Село Михайловское всегда отличалось от других сел района зажиточностью, наличием крепких крестьянских хозяйств. 24 июля 1930 г. по деревням Михайловского сельсовета провели обследование крепких крестьянских хозяйств на предмет определения пра-

¹ ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 106. Л. 31.

² ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 114. Л. 365.

³ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 225. Л. 20.

вильности отнесения их к категории кулацких хозяйств и выявления у них признаков для индивидуального обложения. Было обследовано 11 хозяйств с личным опросом членов их семей. Какие же признаки характеризовали нетрудовой характер этих хозяйств?

Обследованные хозяйства крестьян братьев Флегонта Петровича Фролова¹ и Аверьяна Петровича Фролова² были отнесены к категории кулацких и обложены налогом в индивидуальном порядке потому, что имели якобы «хорошо оборудованный маслобойный завод с двухконным приводом и двумя прессами. Обследованием было установлено (из показаний обследуемых), что маслобойный завод эксплуатировался ими по 1929 г. включительно. Причем при заводе всегда использовалась сила лошадиная и людская – тех, кто привозил сырье для переработки. Вода и дрова доставлялись также приезжающими, кроме этого, изредка нанимался мастер к котлу, так, например, работал в 1925–26 гг. и в 1928 г. Ефим Голев. За переработку сырья Фроловы брали семя и масло, сбывая последнее на рынке. В 1929 г., примерно в июне, после отнесения хозяйств к категории кулацких, завод был передан КОВ и продолжал на время обследования работать.

Флегонт Фролов занимался крестьянством, а также рыбным промыслом, меняя рыбу на сельхозпродукты. Ездил за 40 километров в д. Гордобачево (Аргабач). Аверьян Фролов имел молотилку и жнейку. Эти хозяйства все время якобы имели эксплуататорские признаки и лишь только в 1930 году потеряли их. Флегонт Фролов имел тенденцию к приобретению их вновь в виде продажи рыбы... Все это имело, по мнению совактивистов, веские основания, ссылаясь на § 24 постановления ОИК от 10 апреля 1930 г., отнести их хозяйства к эксплуататорским и произвести на них специальное непосильное индивидуальное обложение на 1930–31 г.

Хозяйства Ермолая Семеновича Федорова, его брата Ильи и матери Дарьи были отнесены также к категории кулацких хозяйств с обложением единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке, по причине наличия у них хорошо оборудованного маслобойного завода. Ермолаю Федорову вменялось в вину дополнительно ещё и то, что он имел «веревочное производство». На момент обследования его хозяйства он находился в Марииинске, из чего сельские активисты сделали вывод, что он там занимается закупкой и перепродажей сельхозпродуктов.

¹ Арестован в 1937 г. Расстрелян.

² Арестован в 1930 г. Расстрелян.

Илья Федоров, кроме маслобойного завода, имел сепаратор, но продал его. Также он занимался веревочным производством, сапожничал и ещё имел небольшое хозяйство. Дарья Федорова с младшим сыном занимались сельским хозяйством. Их хозяйства признавались «эксплуататорским гнездом» с давних пор, потому что «разделились при советской власти в целях избегания большого обложения. Они потеряли эксплуататорские признаки, но считать трудовыми эти хозяйства ни в коем случае было нельзя. Вместе с этим, имея в виду, что эти хозяйства не имеют эксплуататорского влияния на окружающее население и что их хозяйства по размерам доходности слабые, обложение было рекомендовано провести в общем порядке с лишением лишь всех льгот, установленных для трудовых хозяйств»¹.

Хозяйство Самуила Григорьевича Новикова было отнесено к кулацким за то, что в нем имелась крупорушка². В 1929–30 г. он облагался в индивидуальном порядке. Обследованием было установлено, что «гражданин Новиков имел хотя и кустарную, но хорошо оборудованную крупорушку на полном ходу, с конным приводом. Лошадиная и людская сила при работе на крупорушке использовались приезжающими для переработки зерна на крупу. В хозяйстве Новикова, по показанию его жены, применялся наемный сезонный труд. Имелись на момент обследования две молотилки и кузница на полном ходу. Поэтому хозяйство имело «всю совокупность эксплуататорских признаков»: 1 крупорушка, приобретение и эксплуатация на стороне второй молотилки и сезонной наемной рабочей силы при наличии 2 трудоспособных членов семьи. В итоге Новикова признали эксплуататором, хозяйство отнесли к кулацким и обложили налогом на 1930–31 год в индивидуальном порядке.

Хозяйство Капитона Васильевича Желтоухова тоже было отнесено к категории кулацких с обложением в индивидуальном порядке по признакам эксплуатации наемной рабочей силы. У него выявили факты эксплуатации за предыдущие 2–3 года как постоянных батраков, так и сезонных наемных рабочих. Так, например, по показанию жены Желтоухова, с лета 1927 г. по весну 1928 г. включительно на полевые работы привлекался Голев (сын Ефима Голева). В 1929 г. они нанимали на уборку урожая по 6–7 человек. На имеющихся машинах – молотилке и жнейке – Голев работал под отработку. Эти

¹ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 225. Л. 20.

² Машина для изготовления крупы из зерна.

машины у Желтоухова имелись и во время обследования. К тому же он сдавал в аренду помещение (половину дома) под отделение Вамбаинского маслозавода.

Все перечисленное выше признаки были признаками эксплуатации, хозяйство Желтоухова признали кулацким и на 1930/31 г. отнесли к обложению в индивидуальном порядке. Хозяйство Василия Васильевича Котова было отнесено к категории кулацких на том основании, что он имел батрачку, которая жила у него в 1929 г. Котов и сам этого факта не отрицал, но объяснял, что она сирота и ей некуда было деваться, что «он ей отказывал, но она не уходила». Кроме того, во время молотбы Котов нанимал также наемных рабочих, а «молотилка эксплуатировалась на стороне продолжительное время», и доход от эксплуатации молотилки составил 360 рублей. «Молотил у Мартынова, Гололобова Степана, Червяковой Анны, Федосеева Александра, Гладышева Ивана, Котова Степана, Котова Михаила, Ульянова Сергея, Федосеева Андриана и др.». В протоколе районной комиссии по пересмотру списков лишенцев указывалось, что Котов был батраком, что он был в партизанском отряде и был приговорен к расстрелу, но бежал. Однако потом уже стали писать, что на самом деле он никогда не был батраком, так же как не был в партизанском отряде и под расстрелом, хозяйство его отнесли к кулацким и обложили налогом в индивидуальном порядке. И хотя к тому времени его хозяйство было фактически разорено, его все равно посчитали кулацким....

Хозяйство Калистрата Трофимовича Копылова было отнесено к категории кулацких с обложением в общем порядке из-за наличия совершенно новой шерсточесалки, которая эксплуатировалась весь 1929 г. На момент обследования шерсточесалка находилась на полном ходу и, по показаниям самой Копыловой, продолжала работать. Хозяйство Артемия Семеновича Сковородкина также отнесли к категории кулацких с обложением в общем порядке за эксплуатацию шерсточесалки, которую семья купила в 1928 г. исключительно для того, чтобы извлекать средства к существованию. За шерсточесалку было уплачено 470 руб., которую затем передали в СККОВ. Тем не менее отнесение его хозяйства к категории нетрудовых было признано правильным. Однако приняли во внимание то, что его хозяйство «потеряло эксплуататорские признаки и по своей экономической мощности совершенно не могло влиять на окружающее крестьянство», его привлекли к обложению на 1930/31 г. в общем

порядке, но с лишением всех льгот, установленных для трудовых хозяйств. Хозяйство Петра Елисеевича Шамова отнесли к категории нетрудовых с обложением в общем порядке за эксплуатацию наемной рабочей силы. У Шамова, по показаниям его жены и других граждан, жила сирота Александра Жданова, жила с семилетнего возраста. Девочке на момент обследования было 15 лет, и Шамов её удочерил. Данный факт признали уважительным и исключили из категории нетрудовых хозяйств. Таким же образом был восстановлен в правах Максим Иванович Сячин, доходы которого первоначально посчитали нетрудовым и обложили в общем порядке за эксплуатацию наемной рабочей силы на том основании, что держал в 1928 г. в течение четырех месяцев батрака-подростка, но сам был нетрудоспособен (был горбат), других мужчин в его доме не было... В делах по учету кулацких хозяйств в 1929/30 г. по Михайловскому сельсовету сохранился протокол бедняцкого собрания от 28 июня 1929 г., в котором перечислены все вышеизложенные признаки отнесения того или иного хозяйства к эксплуататорским и кулацким. Постановлением Михайловского сельсовета от 14 июля материалы на кулацкие хозяйства были утверждены¹. Во всех этих формулировках удивляет выражение «за эксплуатацию сельскохозяйственных машин». Для чего же тогда предназначаются машины, если не для работы на них?

Порой, чтобы признать крестьянина кулаком, нужна была характеристика из сельского Совета. Такая характеристика была выдана Исааку Ефимовичу Лобанову из села Туендат:

«До революции Лобанов имел крупное зажиточное хозяйство. После революции с целью привлечения прибыли прибегал к найму батраков. С 1920 года по сие время периодически месяцев по 5–6 работает батрак Гайдуков Прокопий. Держит этого батрака под видом своего родственника. Кроме того, ежегодно нанимал подневных работников до 95–100 человеко-дней. Имел крупную пасеку и давал мед под отработки, а также и хлеб. С 1931 г. с целью уничтожения пасеки произвел вредительские действия, вырезав соты с медом, благодаря чему оставил детку без меда. Подневный труд, главным образом, использовался в страдное время и молотбе до 1930 года включительно. Хозяйство Лобанова твердо обложено. План хлебозаготовок не выполнил, не выполнил также и последнего плана на 60%. Хозяйство свое Лобанов сознательно приводит к упадку путем

¹ ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 906. Л. 32–33.

разбазаривания и уничтожения. К коллективизации относится враждебно. Так, например, батрак Гайдуков, войдя в колхоз, был Лобановым отговорен выйти из колхоза. Лобанов говорил этому батраку: «Разве тебе плохо жилось у меня? Иди и работай снова у меня, все равно этому колхозу скоро крышка, а тебя буду кормить хлебом, только брось ты этот проклятый колхоз»». К советской власти настроен враждебно. Хозяйство Лобанова признано кулацким.

Состав семьи:

Лобанов Исаак Ефимович	– 54 года,	1877 г.р.
Лобанова Евдокия Филипповна	– 47 лет,	1884 г.р.
Лобанов Николай Исаакович	– 18 лет, сын,	1913 г.р.
Лобанов Петр Исаакович	– 12 лет, сын,	1919 г.р.
Лобанова Прасковья Исааковна	– 7 лет, дочь,	1924 г.р.
Лобанов Василий Исаакович	– 4 года, сын.	1927 г.р.». ¹

На основании этого документа Исаак Ефимович был раскулачен и выслан в Тегульдетский район, дальнейшая судьба его и членов его семьи нам неизвестна.

Неизвестна дальнейшая судьба и Ивана Ивановича Гедриса, в 1928 г. осужденного и сосланного куда-то в Магадан, а все его большое хозяйство было конфисковано и передано коммуне «Октябрь». В коммуне его хозяйство быстро разбазарили, а вскоре и сама коммуна распалась. Из сводки же о результатах работы в Зырянском районе выездной комиссии Томского окружного суда в феврале 1928 г. узнаем, что у Гедриса тогда было обнаружено 3635 пудов и 14 фунтов хлеба, 51 пуд и 13 фунтов мяса, а также пять штук кож, за что он и был осужден на десять месяцев лишения свободы. Тогда же у другого жителя Туендата, Хрисанфа Семеновича Лобанова нашли 3546 пудов хлеба, за что он получил шесть месяцев тюрьмы. У Константина Ефимовича Котова нашли 880 пудов хлеба, за что он был осужден на три месяца лишения свободы. У их односельчанина Михаила Спирина обнаружили 8061 пуд и 14 фунтов хлеба, поэтому его судьбу решал уже областной суд².

11 февраля 1929 года с грифом «Секретно. Срочно» Томский окружной финансовый отдел направил всем секретарям райкомов и председателям райисполкомов документ следующего содержания: «Распоряжением окрисполкома от 24 января за №16/с всем РИКом указывалось на необходимость дополнительного выявления и об-

¹ Архивные материалы Зырянского музея.

² ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 4. Д. 72. Л. 24.

ложения в индивидуальном порядке кулацких хозяйств, которые сумели ускользнуть от индивидуального обложения. Дополнительно выявить кулаков, укрывшихся под маской середняков...». С получением этого распоряжения 27 февраля председатель Зырянского райисполкома Усатов, зав. финансово-налоговым столом райисполкома Кокорев и уполномоченный окрисполкома Буда спустили это весьма «секретно-срочное» распоряжение для всех уполномоченных райисполкома:

«С получением настоящего срочно приступите:

1. К выявлению хозяйств, имеющих значительные запасы хлебных излишков, примерно 150–200 пудов и уклоняющихся от сдачи таковых заготовителям.

2. На всех выявленных держателей хлебных излишков составьте список с указанием в каждом отдельном таком хозяйстве следующих данных:

а) имеет ли постоянно наемную рабочую силу;
б) имеет ли кулацкий уклон;
в) применяет ли наемных рабочих на сезонных работах по уборке хлеба;

г) является ли старым торговцем;

д) имеет ли мельницу и наемного мельника;

е) имеет ли маслобойку и эксплуатирует ли на ней крестьян;

ж) судился ли по ст.107 за укрытие хлебных излишков;

з) отношение к советской власти;

и) арендует ли землю у частных граждан;

к) дает ли хлеб под обработку;

л) имеет ли сельхозмашины и их эксплуатация;

м) стремился ли произвести раздел во время кампании по учету источников дохода с целью раздробить хозяйство и таким образом уменьшить платеж сельхозналога.

3. В первую очередь выявить по одному лицу в каждом селении и срочно прислать в РИК для обложения в индивидуальном порядке в целях понуждения прочих хлебодержателей.

4. Списки на прочих граждан с данными указаниями в 12-ти пунктах также шлите в РИК для той же цели.¹

Интересно, кому же из крестьян удалось миновать этот фильтр? В селе Шиняево одним из первых удар на себя принял 74-летний Никита Георгиевич Корзилов, живший большой семьей. О том, что

¹ ГАТО. Ф. Р-224. Оп. 4. Д. 72. Л. 24.

произошло с его хозяйством, рассказывает документ под названием «Торговый лист»: «1929 года марта 30 дня в селе Шиняево Зырянского района Томского округа заместитель председателя Шиняевского сельсовета Гранфильд на основании 300 и 301 ст.ст. ГПК производил продажу с публичных торгов арестованного имущества, принадлежащего гр-ну Корзилову Никите Георгиевичу... за злостное укрытие излишков хлеба». С торгов были проданы три лошади, четыре головы крупного рогатого скота, 15 овец и ягнят, две свиньи, три грузовые телеги, новая швейная ножная машина, восемь венских стульев, два плуга и самовар. Хозяйство у Корзилова действительно было крепкое. Пытаясь найти защиту у вышестоящей власти, Никита Корзилов 27 апреля пишет заявление председателю Томского окружного исполкома, в котором сообщает, что его обложили сдачей хлеба-зерна в количестве 350 пудов (а не 150–200 пудов, рекомендованных райисполкомом), что излишков хлеба у него не было, тем более, что комиссия из Томска проверяла хлеб в амбаре и признала, что остатков не имеется. Что имущество продали, не обращая внимания на то, что оно общее с остальными членами семьи, что ему уже 74 года. К заявлению была приложена справка, выданная сыну Никиты Корзилова – Андрею, подписанная председателем сельсовета. В справке указано, что Андрей Корзилов принимал участие во всех призывах Советской власти, как то: в приобретении государственных займов, отбывании общественных повинностей, принимает участие в сельхозкооперациях, своевременно платит всякие государственные налоги и взносы. Из Томска это заявление Корзилова переправили в Зырянское для проверки и рассмотрения. Получив эту жалобу Корзилова на работников райисполкома, председатель райисполкома Усатов тут же отвечал вышестоящим товарищам: «Секретно. На материал, присланный вами в части продажи имущества гр-на с. Шиняево Корзилова Г.Н. за несдачу хлебных излишков, сообщаем, что последний является историческим кулаком. Имеет мельницу, на которой эксплуатирует наемную силу, имеет батрака и батрачку, признан явным кулаком, а потому возврату имущества как кулацкому хозяйству не подлежит...». Что случилось потом с ним и его семьей долгое время оставалось неизвестно¹. В настоящее время нами найдены данные Никиты Егоровича (Георгиевича?) Корзилова и его сына Андрея Никитовича в базе данных Мемориального музея НКВД как репрессированных.

¹ Садовский С. Шиняево, 1929 // Чулымский вариант. 1997. № 2–3. С. 19–21.

Выселение кулаков было связано с тем, что началась сплошная коллективизация, а государство в 1930–1931 гг. не располагало материальными и финансовыми ресурсами для помощи создаваемым колхозам. Поэтому решено было передавать колхозам почти все кулацкое имущество. Не желавшие вступать в колхозы середняки, и даже бедняки, назывались подкулачниками, подпевалами и часто выселялись из деревни вместе с раскулаченными. Коллективизация, особенно принудительная, привела к массовому уничтожению скота. Прежде чем войти в колхоз, крестьяне предпочитали заколоть свою скот, съесть или продать, но не сдать в колхоз.

В 1928 г. в СССР были введены новые формы хлебозаготовок, а для зажиточных крестьян были установлены так называемые твердые задания на сдачу государству всех товарных излишков хлеба. Большинство крестьян добровольно хлеб сдавать не хотело, отказ же карался судом. Но были и такие, кто действительно не мог выполнить это самое твердое задание. В Зырянском райкоме в 1930 г. за подписью секретаря райкома партии Кочкина для уполномоченных райкома партии и райисполкома была разработана памятка «Для отъезжающих в район для помощи и проверки хода хлебозаготовок, мобилизации средств лесозаготовок и других вопросов» с такими пунктами:

«2... Дать дополнительные задания кулакам, зажиточным крепким середнякам, которые легко выполнили свои задания, не освобождая невыполнивших.

3. Немедленно предложить в однодневный срок выполнить твердые задания кулакам и зажиточным и в случае невыполнения привлечь к строжайшей репрессии (пятикратка, суд).

4. В отдельных селах, где выполнение плана хлебозаготовок идет слабо и при условии, если кулаки и зажиточные свои планы выполнили, то выявить дополнительно зажиточные хозяйства и дать им твердые задания, установить сроки не более трех дней и в случае невыполнения привлечь к репрессиям»¹.

В резолюциях Зырянского РК ВКП(б) за 1931 год находим следующие формулировки: «Норма сдачи хлеба кулацко-зжиточными хозяйствами должна быть гораздо выше колхозной, с условием 100% изъятия излишков»; «Распределение доходов урожая должно быть в соответствии с выработанными каждым колхозником трудоднями. В некоторых колхозах существует кулацкая тенденция рас-

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 131. Л. 10.

пределения по едокам. Ни в коем случае не допускать распределения доходов от урожая по едокам...»¹. В переводе с канцелярского языка на человеческий выходило, что работающий в колхозе крестьянин не мог рассчитывать на обеспечение своей семьи даже скудным минимумом. Больше всего репрессированных в районе пришлось именно на 1930 г. – 93 человека. Членами колхозов становилось с каждым годом все больше крестьян: в 1930 г. процент коллективизации по Зырянскому району составил 2,1%, в 1931 – 13,9%, в 1932 – 39,2%, а к концу 1933 г. – 47,1%.

Становление колхозов не обходилось без трагедий не только для тех, кого раскулачивали и ссылали в Нарымский край, но и для тех, кто это осуществлял. Примером этого может быть судьба сельского активиста Иннокентия Томилина. В селе Семеновка образовался колхоз «Искра». Застрельщиками всех дел в сельхозартели были комсомольцы, их насчитывалось около тридцати человек. Среди них был и Иннокентий Томилин, с гордостью носивший на груди комсомольский билет. Иннокентия назначили объездным по охране колхозного хлеба на токах. Поля были небольшими клочками, необмолоченных снопов достаточно, Иннокентий днем и ночью находился у хлебов. С раннего утра осматривал молодой объездчик вороха ржи на токах. Однажды к вечеру оставалось побывать на току, находившемся в стороне от дороги. Он заметил, что ворох начат, кто-то побывал здесь. Чтобы поймать злоумышленника, Иннокентий решил ночью объехать поля. И тут увидел лошадь возле клади и воз снопов, сложенных на телеге. За возом прятались женщина и мужчина. В мужчине он узнал одного из семеновских кулаков. Иннокентий потребовал ехать с ним в сельсовет, но мужчина вытащил топор... Иннокентию отрубили голову, правую руку, раны были на спине и лице. Только на третий день было найдено тело комсомольца, село проводило его в последний путь. Вскоре было оглашено имя убийцы. Им оказался Илларион Москалев, которому удавалось скрываться под чужой фамилией до 1937 года, однако в селе Богословка он был опознан, арестован и вскоре расстрелян². Центральную же улицу села названа именем погибшего комсомольца Иннокентия Томилина. Местный поэт и краевед Геннадий Иванович Игнатов посвятил ему стихотворение, последнее четверостишие которого такое:

¹ ЦДНИ ТО Ф. 28. Оп. 1. Д. 131. Л. 28. Л. 53.

² «Подвиг комсомольца». Очерк А.Н. Лыготина, бывшего директора Семеновской школы (публикация в районной газете «Сельская правда». 1970-е гг.).

Семеновка. Матери слезы.
И смена событий и лет.
Погибший за счастье колхоза –
На каменный встал постамент¹.

На весну и лето 1931 года пришелся второй этап ликвидации кулачества как класса. Зажиточных единоличников ссылали или просто сгоняли с обжитого места. Например, семье эстонцев Някк из деревни Березовка (ныне Первомайского района) предписали в 24 часа убраться из деревни. В 1929 году их хозяйство уже было распродано «за невыполнение государственных заданий», а большая часть конфискованного имущества отошла колхозу для пополнения его неделимых фондов. А это пять лошадей, шесть коров, 30 голов мелкого рогатого скота, одна молотилка, одна веялка, одна косилка, одни конные грабли, жатка, амбар, надворные постройки и пятистенный дом². Семья из девяти человек вынуждена была податься в село Зырянское, где их приютили знакомые. Но в 1937 г. их семью настиг новый виток репрессий – арест главы семьи по так называемой линии НКВД по обвинению в шпионаже в пользу далекой буржуазной Эстонии.

Мужчины семьи Някк в д. Березовка накануне репрессий. Фото конца 1920-х гг.

¹ *Игнатов Геннадий*. Путь на Кушлу. Асино, 1994.

² *Архивные материалы* Зырянского музея

Президиум Зырянского районного исполнительного комитета постоянно рассматривал материалы сельсоветов о невыполнении гражданами обязательств по сдаче хлеба государству. Так, 17 ноября 1933 г. по Павловскому сельсовету были рассмотрены дела Акима Будаева, Матрены Беликовой, Афанасия Карповича Потекина, Григория Федоровича Парохневича, Филимона Матвеева, Михаила Романовича Чуйкина, признанных по своему социальному положению кулаками (Беликова Матрена определена как твердозаданка), якобы злостно не выполнившими план хлебопоставок (от 4,6 до 8,5 центнера зерна). За групповой сговор и открытый саботаж было решено всех их привлечь к судебной ответственности и в трехдневный срок дела на них передать в народный суд. Руководству же Павловского сельсовета «за несвоевременное принятие соответствующих мер к кулацкой зажиточной части по невыполнению обязательств государству» было предложено объявить строгий выговор и предупредить, что в случае обнаружения дальнейшего бездействия и упущения, возложенных на них обязанностей со стороны райисполкома будут приняты самые строгие меры административного характера¹.

По Шиняевскому сельсовету такое же решение было вынесено в отношении Дарьи Васильевны Сокольниковой, Екатерины Степановны Сокольниковой, Анны Ивановны Сокольниковой. Екатерину Степановну обвинили в том, что она злостно не выполнила план сдачи государству хлеба в количестве 1,16 центнера зерна. «Середняков» Ефрема Ивановича Шадрин и Ивана Семеновича Конирина также за невыполнение хлебопоставок, учитывая их социальное положение, решено было на первых порах оштрафовать на 250 рублей каждого².

К злостным несдатчикам хлеба применялись штрафы в кратных размерах. Например, Петр Шолкунов не сдал 181 пуд хлеба, за что на него налагался штраф в двукратном размере – 362 рубля. Штраф необходимо было уплатить в суточный срок, а в случае неуплаты имущество нарушителя продавалось и в двухдневный срок весь его хлеб выгребали из амбара. Матрена Беликова не смогла вовремя сдать так называемые излишки хлеба в количестве 300 пудов, за что ее дело было передано в суд. Лука Михайлович Ильин из Красноярского сельсовета не смог сдать 402 пуда хлеба, за что на него был наложен штраф в сумме 220 рублей, который также необходимо было

¹ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 114. Л. 372–372 об.

² ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 114. Л. 372–372 об.

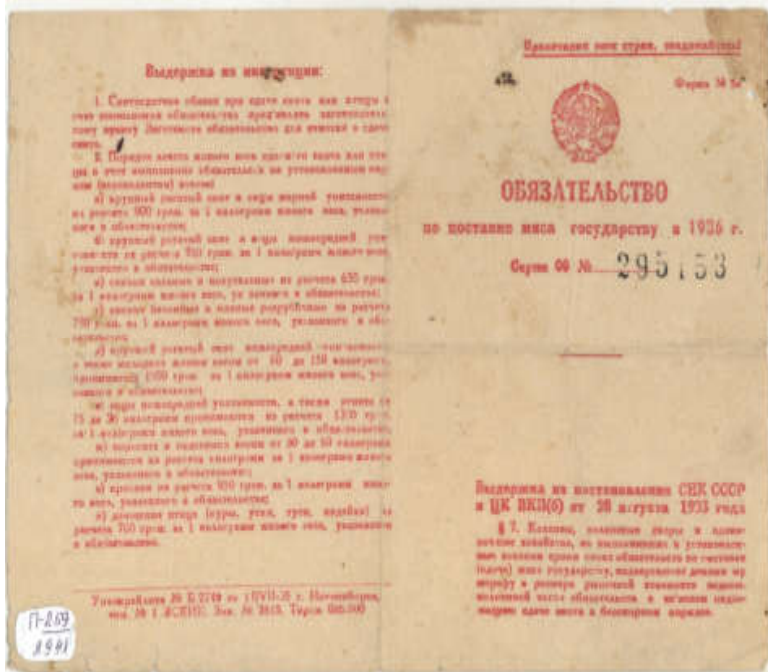
уплатить в суточный срок и вывезти хлеб в двухдневный срок. В случае невыполнения данного решения имущество должника также подлежало продаже¹. Заседания Президиума сельских советов района регулярно принимали подобные решения и утверждали описи имущества с резолюцией: «Опись имущества утвердить и назначить к распродаже». Далее следовал перечень имущества, которое распродавалось не только за несвоевременную сдачу хлеба, но и других натуральных налогов: яиц, молока, масла, мяса, картофеля, кожевенного сырья, шерсти и даже свиной шкуры. Подобным же образом распродавалось имущество и за невыполнение плана лесозаготовок.

Крестьяне голодали. Из-за этого произошел курьезный случай в деревне Иловка в июне 1929 г. Имущество одного из жителей Иловки как кулака за несдачу хлеба подлежало распродаже. Когда же во время распродажи очередь дошла до изъятия у него сорока пудов муки, то набежали соседи с мешками и хотели разобрать эту муку себе. Присутствующий там помощник начальника РАО опечатал амбар и никого не допускал. Но когда другой помощник РАО из сельсовета пошел взять эту муку, то снова набежала беднота, и муку быстро растащили, унесли, кто сколько мог. Причем члену сельсовета Попову в этой свалке нанесли несколько ударов за то, что он не давал муку. Уполномоченный ГПУ об этом знал, но промолчал, а следовательно не знал, как квалифицировать данный инцидент. Ведь инициативы кулаков в этом не было, все произошло стихийно, так как беднота прямо заявила секретарю райкома Захарову, что голодают, сидят без хлеба, и никто им его не дает. Народный следователь просил совета, как квалифицировать это дело, если в нем будет фигурировать исключительно беднота².

В это же время за невыполнение «твердого задания» в деревне Иловка было распродано (считай – разорено) 3 хозяйства, в Туендате – 3 хозяйства, в Павловке – 4 хозяйства, в Шиняево – 3 хозяйства, в Каштаково – 6 хозяйств... Занималась этим так называемая Раб-трояка Зырянского райисполкома. Многие из крестьян, не имея возможности расплатиться за свои непомерные долги, бежали из деревни. Например, из деревни Туендат сбежали «без известия» два хозяйства: семья Николая Яковлевича Яковлева, имевшего долг перед государством в 20 центнеров зерна, а также семья Николая Гуляева, имевшего долг в 23 центнера 46 кг зерна...

¹ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 81. Л. 2–2 об.

² ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 700. Л. 7.

Бланк обязательства о поставке мяса государству, 1936 г.
Архив Зырянского музея

Результатом борьбы с самым трудолюбивым слоем крестьянства стало исчезновение в районе целых населенных пунктов. Так, Игнатова (Захарына) заимка исчезла с лица земли именно в те годы, поскольку только две семьи из этого населенного пункта не были раскулачены, остальных же постигла судьба изгоев. Беднякам же терять было нечего, и они охотно объединялись в колхозы, многие из них становились активистами. В селе Михайловка половина населения объединилась в колхоз, а другая половина, где было больше середняков, в колхоз вступила на пять лет позже. Разоренным крестьянам не оставляли права выбора. Например, зажиточный крестьянин из села Богословки Егор Негодяев сопротивлялся несколько лет. Он выплачивал все обложения: хлебом, мясом, деньгами, но через три года за недоимку у него отобрали коров, лошадей, другую живность и дом. Он был вынужден жить в бане. Сыновьям удалось сбежать

в город. Егора не сослали, но жизнь исковеркали. Житель села Мишутино Семен Дмитриевич Гласков по вопросам коллективизации посмел высказать свое собственное мнение, которое расходилось с позицией властей. За это в 1930 г. он был арестован, обвинен в контрреволюционной пропаганде и расстрелян, а его жену и шестерых детей выслали в поселок Зимовское Пышкино-Троицкого района, построенный раскулаченными крестьянами»¹.

Этап ссыльных проходит через Зырянский район. Фото из Интернета

В 1933 г. в Зырянском районе было выявлено 366 хозяйств, которые не смогли выполнить доведенные до них показатели по зернопоставке. В Михайловке их было 27, в Беловодовке – 30, в Богословке – 24... Причинами такого «саботажа» было то, что эти планы спускались без учета настоящего положения дел. Так, в списки посева вносились хозяйства инвалидов, престарелых, сирот, служащих и рабочих, не занимавшихся сельским хозяйством, в также хозяйства выбывших и сбежавших. Широкое распространение в период коллективизации получила такая форма репрессий, как лишение избирательных прав. Это так называемые лишенцы. В фонде Р-1041 Госархива Томской области отложено много протоколов заседаний Президиума Зырянского РИКа, на которых рассматрива-

¹ Архивные материалы Музея боевой славы Зырянской СОШ.

лись многочисленные жалобы крестьян о незаконном лишении их избирательных прав. Крайне редко Президиум райисполкома признавал эти жалобы обоснованными и изменял принятые ранее решения в пользу жалобщиков.

Следующий заход репрессий был связан с постановлением ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Главный удар был нанесен по крестьянам и колхозникам, голодающим и лишенным хозяйства в период коллективизации. Это постановление в народе получило название «Закона о пяти колосках». Постановление, по которому за хищение с колхозного поля горсти зерна полагался расстрел или десятилетний срок заключения с полной конфискацией имущества. Осужденные по этому закону не подлежали амнистии. Были осуждены по этому постановлению и жители Зырянского района. Так, Прасковья Тимофеевна Кириенко, будучи беременной одиннадцатым ребенком, в ноябре 1941 г., уже по снегу, собирала на сжатом колхозном поле колоски. Муж ее сидел в тюрьме за падеж скота в колхозе. Налетел объездчик, и крестьянку арестовали. Но ввиду ее положения Прасковью отпустили, и она пешком из райцентра едва успела дойти до дома, где родила сына. Однако через день из района приехали нарочные с проверкой и наложили взыскание»¹.

Жительница села Семеновки Анна Гавриловна Полторацкая, 1929 г.р., будучи 13-летним ребенком, с одноклассницами готовила дрова для школы в березовой роще. У Анны три брата были на фронте, отец находился в трудовой армии, жилось голодно и холодно... Недалеко чернело оголившееся на пригорке под первыми весенними лучами колхозное поле. Девчонки пошли пособирать вытаявшие колоски и что-то уже набрали, но тут налетел верховой объездчик. Он наотмашь сек детей бичом, брызгала кровь, увернуться от разъяренного мужчины на лошади было невозможно. Колоски объездчик велел сдать на склад, но кладовщик оказался человеком жалостливым: «Несите домой, девчонки, да сварите себе кашу! Все равно вы же скоро на своих быках и запашете это поле». Прошло столько времени, а рубцы от бича так и остались на теле Анны.

У крестьянки Ефросиньи Поповой из села Семеновка было трое детей. Она, работая на посевной в колхозе, смогла в узелках посевного мешка наносить немного зерна, но соседка увидела и донесла.

¹ Рассказ внучки Екатерины Николаевны Герасимовой // Архив Зырянского музея.

Ее пешком угнали в село Яя, где дали три года тюремного заключения. (Зырянский район с 1943 по 1944 г. входил в состав Кемеровской области). Старшей дочери было всего 12 лет, на ее руках осталось двое малолетних детей, которых девочка растила, пока мать не вернулась из места заключения.

Иван Петрович Парфенов, дед Александра Анатольевича Бобина, жителя села Берлинка, работал председателем колхоза «Путь Ильича». Однажды к нему приехала комиссия по какому-то вопросу, связанному с делами колхоза. Иван Петрович только что вернулся с колхозного тока. Присев на табурет, начал снимать сапоги, ничего не подозревая, а из них высыпалось какое-то количество зерна. Начальство сразу же расценило это как кражу, Иван Парфенов был арестован и позже приговорен за хищение колхозного зерна к высшей мере наказания. На его счастье, высшую меру наказания заменили пожизненной каторгой, которую осужденный отбывал в поселке Ягодное Магаданской области. Работая на лесоповале, потерял одну руку, но остался жив и в 1957 г. вернулся к семье.

Массовое раскрестьянивание шло как путем прямого физического истребления, так и путем отчуждения крестьянина от земли. Зачем работать, если не можешь прокормить семью? Зачем работать, если за нее вместо хлеба получаешь «палочки»-трудодни? Василий Алексеевич Ефремов из села Зырянское вспоминал, что хлеба наелся только в 1947 г.

Следует отметить, что наказание за несвоевременную хлебодачу, проведение посева и других сельхозмероприятий получали не только провинившиеся крестьяне, но и местное партийно-советское начальство, главным образом в виде партвзысканий, исключения из рядов ВКП(б), а то и тюремного заключения. План хлебозаготовок в Зырянском районе систематически не выполнялся, кто-то должен был за это отвечать. Ответило колхозное руководство. Так, за срыв хлебозаготовок председатель Окунеевского колхоза Яткин был снят с работы, а дело на него передано в контрольную комиссию. За это же был снят с работы и отдан под суд председатель Высоковского колхоза Филимонов. В своей резолюции бюро Зырянского райкома от 1931 г. постановило «... немедленно обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, ведя решительную борьбу с кулацкими тенденциями: “сначала себе, а потом государству”¹. Комячейка Зырянского района постановила: «Толмачева Льва Ивановича, члена

¹ Из резолюции бюро РК ВКП(б). 1931 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 149. Л. 26.

ВКП(б) с 1923 года, за сознательное игнорирование директив партии по...хлебозаготовкам... под предлогом непосильственности и нереальности заданий и планов, называя их заданиями с потолка, что они раздевают крестьянина... из партии исключить и снять с работы райторготдела»¹. К примеру, в 1934 г. по Зырянскому району из партии было исключено 23 члена ВКП(б) и 15 кандидатов в члены ВКП(б), из кандидатов в сочувствующие было переведено 16 человек. В числе исключенных – семь районных работников. Исключались в основном с такими формулировками: «колчаковец», «связь с классово-чуждым элементом – попом», «женится на кулачке», «родственники – кулаки-лишенцы», «сын церковного старосты», «скрыл службу у Колчака» и т.д. В 1937 г. из рядов партии был исключен по району уже 81 человек. «Наш район засорен чуждым элементом, мы должны быть более спаяны, у нас отдельных есть притупление бдительности, – указывалось в протоколе объединенного собрания партийных организаций района. Вредительство найти можно было во всем: в Павловке «пахано вредительски, сев вручную ведется вредительски – по 2–3 метра имеются проемы. Хозяйственная часть ведется из рук плохо, нет никакого учета»². Подобная чистка проводилась не только среди партийных работников, но и среди колхозного аппарата – счетоводов, бухгалтеров, кассиров, кладовщиков, «т.к. по всему Советскому Союзу выполняет классово чуждый элемент, который проникает в колхозы и начинает вредить изнутри»³.

В книге «Боль людская» можно найти немало репрессированных людей этих профессий. Расцвело кляузничество и наущничество. В Зырянский РИК поступали заявления. В одном из них от П.П.С. (намеренно не указываю полную фамилию) на членов сельсовета такое заявление от 22 февраля 1934 г.: «...Волков Николай ликвидировал хозяйство и вошел в колхоз. Угрожал убить руководителя и бросить в Берлу. Волков Яков – противник колхозного строительства, ведет агитацию. Обмолачивал колхозный хлеб. Отец убит белыми за то, что жил и вашим и нашим. Ануфриев Сергей – противник советского строительства, агитирует против колхоза. Говорит, что лучше помереть, чем идти в колхоз...»⁴.

¹ Выписка из протокола заседания бюро ячейки Зырянского района // ЦДНИ ТО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 131. Л. 22.

² ГИТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 123. Л. 6.

³ Там же.

⁴ ГИТО. Ф. Р-1509. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.

Села и деревни вырубались под корень и с большим размахом, истреблялся цвет крестьянства, не щадили женщин и стариков.

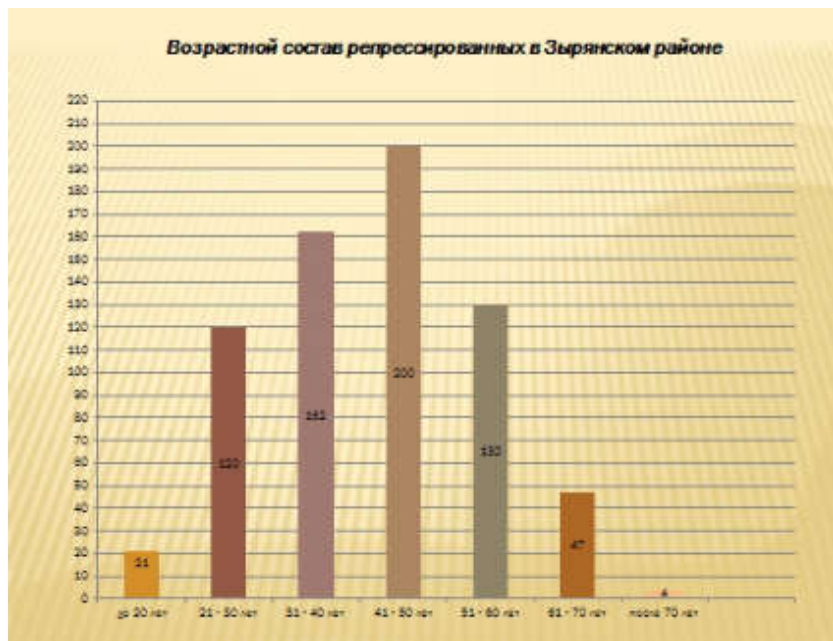

Рис. 1. Возрастной состав репрессированных в Зырянском районе

Деревни обезлюдевали. Арестовывали целыми семейными кланами. Из деревни Каштаково был репрессирован двадцать один человек с фамилией Алины! Краевед Павел Алексеевич Барсагаев считал, что здесь имел место самый настоящий разгул геноцида против местного коренного народа – чулымцев. Из села Шиняево репрессиям подверглись четырнадцать человек по фамилии Сокольниковы, восьмерым из них «повезло» – они были арестованы в 1932 г. и получили сравнительно мягкие приговоры. Пятеро репрессированных Шадриных – из деревни Шиняево, из деревень Яранки и Туендата – десять Лобановых. Из деревни Богословки репрессировано пятеро уроженцев и жителей по фамилии Сливкины, две из них женщины: Дарья Сергеевна, в возрасте 53 лет, и Евдокия Ивановна, в возрасте 55 лет. Их выслали на север в Александро-Ваховскую комендантуру ОГПУ, где регистрировалась массовая смертность, нече-

ловеческие унижения и издевательства над спецпереселенцами. Едва ли эти уже немолодые женщины выжили. Многие крестьяне погибали в дороге во время перевозки по р. Оби в забитых до отказа баржах, ставших братскими могилами высланных¹. Из деревни Иловка было арестовано семеро Степичевых, четверо из них расстреляны, из Арышево – шестеро Будариных. Подобный скорбный список можно продолжать...

Сравним изменение численности населения в некоторых населенных пунктах Зырянского района в 1939 г. по сравнению с 1926 г.

Населенный пункт	1926 г.	1939 г.
Арышево	755	169
Гагарино	834	362
Каштаково	801	307
Михайловка	1071	516
Мишутино	1348	934
Павловка	1344	307
Шиняево	1137	531

К концу 1930-х гг. с карты Зырянского района исчезло по меньшей мере 13 населенных пунктов.

Начало 30-х гг. ознаменовалось для Зырянского района не только массовой высылкой в Нарымский край раскулаченных крестьян, обезлюдением местных деревень, но и тем, что часть территории Зырянского района стала частью Сиблага, местом, где стали создаваться лагеря и спецпоселки для заключенных, направляемых на проведение лесозаготовок. В 1930 г. в Зырянский район был направлен поток ссыльных из Красноярского и Алтайского краев, которые отправлялись на заготовку леса. Так, 6 мая 1933 г. на внеочередном заседании президиума Зырянского РИКа слушали вопрос о размещении в районе пятнадцати тысяч (!) спецпереселенцев. Решение подтвердили и наметили пункты высадки в момент прибытия таковых. Но нецелесообразным посчитали производить высадку спецпереселенцев в центре района в селе Зырянское пяти тысяч че-

¹ Барсагаев П.А. Тринадцать Сокольниковых // Сельская правда. 1993. 3 апр.

людей, так как до места поселения от Зырянского было от 30 до 70 км. К тому же с разливом рек они могли до июля задержаться в райцентре, после чего потребовалось бы много тягловой силы. А это могло отразиться на полевых работах¹. Состав заключенных был разным, однако преобладали крестьяне – около 64 %! В поселке Усть-Кия заключенные находились до 1939 г., потом их посадили на пароход и вывезли. В глухой тайге вырос поселок спецпереселенцев Симоновка, в котором находилась комендатура. Первые спецпереселенцы строили себе шалаши, затем были возведены бараки, которые строились из сырого неосушенного леса на соломе, а не на мху. Уже позже строились избы².

По Симоновской комендатуре проходило полторы тысячи человек. В Зырянском архиве сохранился список трудопоселенцев Симоновского ЛЗУ в количестве 230 человек, которые в ТомАсинЛаге находились с 1939 г. Все фамилии русские: Алины, Кирюхины, Каськовы, Беляевы, Юрков, Демин³... К этой комендатуре относились также такие поселки ссыльных, как Лесозавод, Сухой Лог, Торба. Первым из спецпереселенцев пришлось селиться в шалахах, кто-то рыл землянки. Этих поселков уже не существует, но остались на той земле не только русское кладбище, но еще украинское и латышское.

Было еще одно подразделение ТомАсинЛага, состоящее из трех поселков: Алейка, Прохоровка и Тайга, где на заготовке леса также работали раскулаченные крестьяне. Комендатура находилась в поселке Алейка⁴. В селе Зырянском же находилась Кето-Чулымская комендатура. Крестьянская ссылка была бессрочной.

А потом наступили страшные 1937–1938 гг. Выступление И.В. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ВКП(б) 1937 г. с докладом с обоснованием обострения классовой борьбы по мере строительства социализма в стране, окруженной враждебными капиталистическими государствами, стало роковым. Мол, остатки враждебных сил не уничтожены, они систематически будут вредить партии в строительстве социализма, если не принять мер по их

¹ ГИТО, Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 114. Л. 175.

² Новокионов Василий. Тридцатые комендатурские. Тегульдэт, 1993.

³ Архив ЗР. Ф. 93. Оп. 2. Д. 3.

⁴ Из воспоминаний Тимофея Трофимовича Алексева, бывшего жителя п. Алейка // Архив Зырянского музея.

ликвидации. Данное выступление «вождя народов» послужило сигналом к началу массовых репрессий в СССР, позже названных «Большим террором» или «Генеральной чисткой».

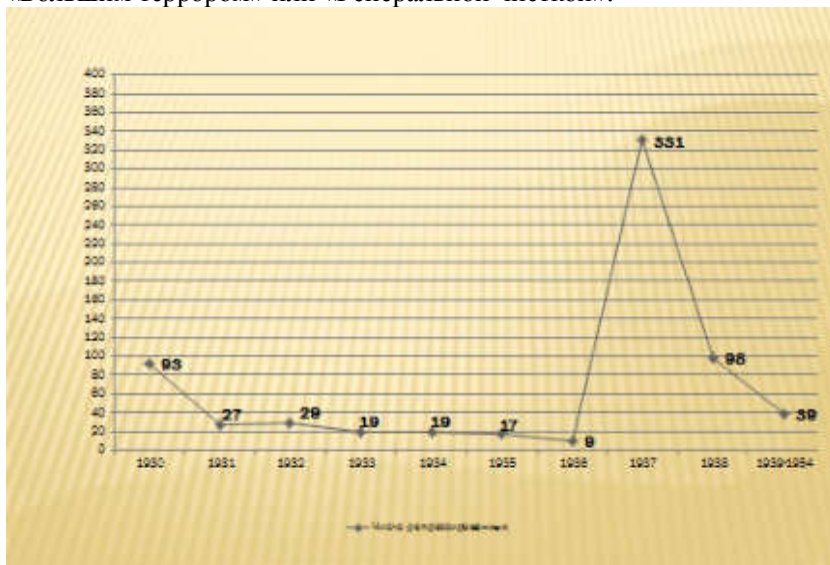

Рис. 2. Динамика репрессий в Зырянском районе в 1930-е гг.

Из рисунка видим, что репрессии не утихали ни на один год, но пик их пришелся действительно на 1937 г.

В книгах «Боль людская» указаны чаще всего только жертвы репрессий конца 30-х гг. Например, Алексей Ефремович Спиринов проживал в поселке Малиновка, расстрелян в 1938 г. А ведь его туда сослали в 1930 г. из села Шумеры Красноярского края. Иван Осипович Воробьев проживал в пос. Симоновка, в 1938 г. расстрелян. Но он тоже был сослан из села Грязново Алтайского края. Федот Захарович Захаров, житель д. Васильевка, расстрелян в 1937 г. А он подвергался репрессиям четырежды: в 1930 г. его хозяйство распродалось за невыполнение лесозаготовок, в 1934 г. хозяйство распродалось за невыполнение хлебозаготовок, в 1936 г. за невыполнение посевного плана был осужден на шесть

месяцев исправительно-трудовых работ¹. И таких примеров множество. Многие из тех, кто не хотел вступать в колхоз, впоследствии вынуждены были это сделать, ибо другой альтернативы у них не было. Однако вынужденно став колхозником, мало кто из них работал в колхозе «как на себя».

Рис. 3. Характер репрессий в Зырянском районе

Бесчеловечным было то, что доводился план на выявление врагов народа. Человеческая жизнь ничего не стоила. Чтобы осудить как можно больше людей, сведения подтасовывались и фальсифицировались. В 1927–1953 гг. по Зырянскому району было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях 953 человека!

Вот что указывал в докладной записке начальник райотдела секретарю Зырянского РК ВКП(б) Янчуковичу «О результатах разгрома контрреволюционных элементов в Зырянском районе за 1937 год»: «В 1937 г. в районе были выявлены, а затем ликвидированы существующие в районе следующие контрреволюционные группы:

1. В январе 1937 г. ликвидирована троцкистско-вредительская группа, состоящая из пяти человек, возглавляемая выходцем из

¹ Из архива Зырянского музея.

буржуазного общества, бывшим членом ВКП(б) троцкистом Черных и сыном помещика Яновым. К-р группа проводила вредительско-подрывную деятельность в системе ЛПХ.

2. В марте 1937 г. в с. Михайловском ликвидирована контрреволюционная группа троцкистской молодежи, состоящая из восьми человек. Руководство группы возглавляли: сын кулака, участника Лубковского восстания, Новиков и сын кулака, арестованного органами НКВД, Морозов. К-р группа проводила разложенческую работу среди молодежи, вредительскую работу в колхозе и совершила три покушения на убийство сельактивистов и комсорга.

3. В апреле 1937 г. ликвидирована в селе Туендат группа Русских-Лобановой, по делу привлечено два человека. Участники к-р группы вели агитацию за свержение советской власти и восстановление царского строя

4. С мая по 20 декабря 1937 г. ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация «Союз спасения России», состоящая из 215 человек, из них 103 человека – спецпереселенцы. Руководство контрреволюционной организацией в Зырянском районе возглавляли: 1. Бывший офицер колчаковской армии Менгерт, работавший в должности зав. райздравицы. 2. Бывший начальник жандармского управления спецпереселенец Улыбышев. 3. Бывший офицер белой армии Сербин, работавший в Зырянской МТС. 4. Бывший прапорщик белой армии Машенко, работавший в Зырянском ЛПХ бухгалтером. 5. Бывший прапорщик жандармского управления Лузин, работавший бухгалтером Зырянской МТС. 6. Бывший поп Зырянской церкви Ильинский. 7. Бывший поп Громышевской церкви Боголюбов. 8. Бывший крупный торговец, поручик белой армии Блинов, работавший бухгалтером заготконторы РТС. 9. Бывший черносотенец, шпион жандармского управления Медведко, проживавший в Павловке. 10. Бывший фермер, латышский разведчик Гайлит, работавший завхозом райздравицы. Контрреволюционная организация ставила своей целью подготовку к вооруженному восстанию в момент нападения капиталистических стран на СССР. В мирный период вела вредительски подрывную работу в колхозах и на производстве, отдельные ее участники выполняли террористическо-диверсионные акты. В момент разгрома совершила 6 поджогов.

5. В августе – сентябре 1937 г. ликвидирована шпионо-диверсионная группа, состоящая из 8 человек перебежчиков границы Польши и политэмигрантов. Контрреволюционной группой руководил политэмигрант Лещинский, являющийся шпионом-агентом польской разведки. Группа ставила своей целью в момент нападения Польши на СССР совершать диверсионные акты, а в мирный период времени вели шпионскую и срывательско-подрывную¹ работу.

6. В ноябре ликвидирована контрреволюционная японо-шпионская группа, состоящая из пяти человек, руководителем которой являлся крупный кулак Кольванского района, агент японской разведки Важев, работавший на день ареста бухгалтером ЛПХ. Группа ставила своей целью в момент нападения Японии на СССР совершать террористическо-диверсионные акты, а в мирное время вела подрывную работу и к-р агитацию.

7. В октябре ликвидирована контрреволюционная белокарательная группа, состоящая из семи человек, возглавляемая кулаком-белокарателем Курляковым, работавшим на момент ареста на Чердатском пункте «Заготзерно». Участниками группы являлись кулаки-белокаратели: Рыжов Панкратий Илларионович, Камынин Федор Архипович, Антонов Анатолий Филиппович, Бабин Иван Прокопьевич, Панарин Яков Федорович и Волков Семен Данилович. Группа ставила своей целью на момент нападения на СССР капиталистических стран совершить вооруженное восстание. Поджечь избирательный участок накануне выборов и после выборов провести массовый террор над депутатами в Советы. За 1937 г. ликвидировано одиночек, служивших базой для к-р организаций и групп 171 человек. Привлечено к-р элемента 428 человек. Плюс к этому привлечено бандитов 11 человек и социально-вредного элемента 105 человек. Итого из района изъято 542 человека. По состоянию на 1 января райотделение располагает данными о наличии бухаринско-правой группировки и террористической вредительской группы, которые подлежат ликвидации с января 1938 года...»². А ведь впереди был ещё один год «Большого террора», когда аресты продолжались с та-

¹ Так в документе.

² ЦДНИ ТО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 204. Л. 5 и 6.

кой же беспощадностью и с таким же большевистским размахом вплоть до ноября 1938 г. ...

Только после смерти И.В. Сталина и осуждения на историческом XX съезде КПСС культа личности «вождя народов» в стране прекратилась практика бессудных массовых репрессий, наступили более либеральные времена. Однако в то же время в период хрущевских реформ начались новые эксперименты над сельским населением: ограничение приусадебных хозяйств сельских жителей, а затем сселение так называемых неперспективных деревень. Такая политика по отношению к селу привела к полному исчезновению с лица земли российской многих тысяч деревень. Не минула чаша сия десятков деревень и нашего Зырянского района. Так, в 1970-е гг. в ходе укрепления центральных усадеб колхозов исчезли деревни Арышево, Павловка, Платоновка, поселки Калининский, Новосельский и другие. Многие крестьяне не желали покидать с таким трудом обжитые участки и до последнего опять цеплялись за родную землю. Последнего жителя деревни Павловка, Никиту Михайловича Суязова, выселяли с милицией. Всего же с 1930-х по 1970-е гг. в Зырянском районе исчезло 53 населенных пункта. Начатая в 1990-е гг. в агро-секторе страны фермеризация также способствовала разрушению крестьянского уклада и оттоку населения из деревень. Через сто лет после своего основания опустела деревня чувашских переселенцев Васильевка, в некогда большой татарской деревне Тукай осталось всего 33 человека, почти обезлюдела мордовская деревня Тавлы... Сегодня в Зырянском районе числится всего 25 сел и деревень. О десятках других исчезнувших с лица земли зырянской остается только помнить....

Лишь глядят на дорогу укором
Чёрных окон пустые глазницы,
Пронеслись по деревне реформы
Разрушающей все колесницей.
Не поются раздольные песни,
Зарастают бурьяном поля,
Свет неоновых ламп – интересней
И богаче чужая земля.

(Н. Флигинских)

Игнатий Васильевич Алин, 1892 г. р., работал в с. Зырянское плотником в Заготзерно. «Арестован в 1937 г., осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Срок отбывал в Хабаровском крае, куда шел пешком с этапом. Конвойные издевались. Если на пути была большая лужа, то раздавалась команда «Ложись!». Он работал на строительстве тоннеля, который прорубали вручную кирками. Питание было скудное – баланда из черного гороха и 200 граммов хлеба. От истощения люди падали, но их кололи штыками: «А ну, вставай! Работать не хочешь?!» В ноябре 1938 г. вернулся домой больной, в коросте и болячках, в 1955 г. умер»¹.

Федор Уварович Веретин, 1886 г.р., проживал в Алтайском крае в селе Корнилово Каменского района. «Был он человеком грамотным, служил в царской армии, а отслужив – крестьянствовал. В 1930 г. был арестован как кулак первой категории и находился в заключении. В это время всю его семью, жену Федору Григорьевну с четырьмя детьми, отправили в п. Симоновка. Семейю брата Василия Уваровича и семейю отца отправили в Нарым. Увар Кириллович и его жена по дороге умерли, их просто закопали на обочине. Федор Уварович, отбыв срок, приехал к семье в Симоновку. Василия Уваровича

Семья Ф.У. Веретина
в Симоновке. 1950-е гг.

из Нарыма забрали в трудармию в Анжеро-Судженск. Его жена Устинья, оставив детей на какую-то бабушку, сбежала к мужу и целый месяц скрывалась у него в бараке под кроватью. Потом как-то уст-

¹ Рассказ дочери Лилии Игнатьевны Кислицыной в 2010 г. // Архив Зырянского музея.

роилась и забрала детей. Федор Уварович из Симоновки уехал в Молчаново в 1940 г. Их дочь Анна, закончив обучение, была направлена на работу бухгалтером в сплавконтору в с. Зырянское. К ней переехали родители. Дед и бабушка пенсию никогда не получали – не было стажа, но они никогда никому не желали зла, ни на кого не таили обиду за все потерянное. Жили скромно и тихо»¹.

Яков Григорьевич Нефедов, 1898 г.р., житель д. Иловка, «был крайне трудолюбив и его поставили бригадиром на колхозных работах. У жителей деревни Поданёвых в то время украли лошадь. За то, что они не уследили, отец эту лошадь поставил им в счет. Поданевы же, рассердившись на отца, стали на него кляузничать. Власть в то время поощряла доносы. 18 февраля 1938 г. отца забрали, привезли в с. Зырянское и сильно били, чтобы он сознался, что является врагом советской власти. При этом ему сломали руку и разбили челюсть. 19 марта отца уже расстреляли. Тогда из Иловки забрали 7 человек, в том числе Степичева Михаила Матвеевича, Горбунова Петра Михайловича, которых тоже расстреляли»².

Василий Степанович Чуриков родился в 1876 г. в с. Богословка. «Во времена коллективизации стал ее ярким противником. В 1930 г. его посадили в тюрьму за невыполнение твердого задания. В 1932 г., когда он еще сидел в тюрьме, пришли раскулачивать его семью. Жене, дочь-инвалида и шестимесячного внука выгнали из дома прямо на дорогу, объявив, что отправят с этапом в Симоновку. Родственникам и сочувствующим под страхом смерти запретили к ним приближаться. Этап все не шел, ребенок плакал. Наконец житель деревни Никита Иванович Шершнева забрал их и повел домой, резко сказав: «Сошлют, так пойдем вместе!» Но их не сослали. Василий Степанович, отсидев срок, вернулся, устроился работать в рыболовецкую артель. Однажды, с другого берега реки, путник попросил его перевезти. Чуриков перевез, но оказалось, что это был беглый. Рыбака арестовали, стали приписывать контрреволюционную деятельность. В Томске, выколачивая признание, ему устроили мнимый расстрел. Он шел по длинному коридору, затем спускался в подвал по ступеням и остановился на доске перед ямой. Ему говорят:

¹ Рассказ внучки Веры Ефимовны Новиковой в 2012 г. // Архив Зырянского музея.

² Рассказ дочери Александры Яковлевны Нефедовой в 2011 г. // Архив Зырянского музея.

– «Ну, дед, сознавайся перед смертью!»

– «Видит Бог, пропадая без вины» – сказал он. Раздались два выстрела. Когда Василий Степанович повернулся, лицо его было перекошено, челюсть отвисла. Это был мнимый расстрел. Он получил 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах, срок отбывал в Свердловской области. Жена в 1941 г. умерла. Работал в лагере Василий Степанович честно и добросовестно, у него имелись заработанные деньги и хлеб. Как рассказывал, интересным в то время было отношение к заключенным уголовников.

В.С. Чуриков

Они приходили регулярно собирать дань, но забирали только половину хлеба и половину денег, вторую половину оставляли... В наше время люди безжалостнее. Отбыв срок, Василий Степанович вернулся в свое село Богословка, вступил в колхоз и продолжал работать»¹.

Иван Иванович Голомёдов приехал в Зырянский район в начале XX века из Кемеровской области. «Он был потомственным крестьянином, но пахотной земли стало не хватать, так как шахты занимали все большую площадь. В деревне Окунево глава семьи приобрел землю, завел большое хозяйство, имел сенокосилку и веялку. И от мала до велика трудились на этой земле, поливая ее потом, растили детей, которых родилось одиннадцать человек (в живых осталось пятеро). Но началась коллективизация. Расставаться со своим добром Иван Иванович наотрез отказался, в колхоз не пошел, за что в 1931 г. был выслан с семьей в Пышкино-Троицкий район. Там работали на корчевке лесов после пожара, на одном месте работе долго не задерживались и снова оказались в Зырянском районе. Детей кулаков в армию не брали, отлучаться от места прикрепления

¹ Рассказал внук Василий Алексеевич Ефремов в 2010 г.

к комендатуре было нельзя. Сын Ивана Ивановича Николай как-то сбежал с лесозаготовки и шел весь долгий путь пешком в Окунево, но никто не пускал чужака переночевать, люди боялись, что их могут

Семья Голомёдовых. Фото 1966 г.

посадить за помощь ссыльным. Страх гнул людей, и черствели души. Ивана Ивановича похоронили в Сухом Логу в 1940 году, а перед войной, 30 сентября 1940 г., их сняли с учета спецпоселения. Сыновья Николай и Василий ушли на фронт и вернулись с победой. Вся семья

до 1965 г. жила в поселке Торба, а с закрытием леспромхоза уехали в пос. Белый Яр. В живых из семьи ссыльных осталась только младшая дочь Екатерина Ивановна¹.

Татьяна Васильевна Рябцева.
В 1935 г. из д. Павловка сослана
в Парабельский р-н.

¹ Рассказала внучка, Клим Зинаида Николаевна, в 2013 г.

МВД РФ
УВД ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Выдана Зюблева-Рибьева
Татьяна Владимировна 1922 года

в том, что Управлением Внутренних дел Томской области
пересмотрены материалы архивного дела № Р-13468
" в 1935 году на основании Постановления
СНК и СНК СССР от 1 февраля 1930 года выслана из
Зырянского р-на в
Тарбагатайский р-н
Железноводск ст.

С учета спецпоселения снята в Томской области
15.06.1941 года. На основании Закона РСФСР
"О реабилитации жертв политических репрессий"
от 18 октября 1991г. ст.3 пункт "В" признан
реабилитированным.

Начальник ИД при УВД
Томской области

Исп. В.И.Иванова
29.06.1993г.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ
ПО ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

« 07 августа 2007 г. № 7602

634050, г. Томск, пр. Кирова, 18-а
тел. (382-2) 43-37-30, факс (382-2) 43-39-37

Захарову Т.Ф.

Томская область,
Зырянский район,
д. Васильевка

Уважаемый Тимофей Федотович!

На Ваше заявление, переадресованное в наш адрес из Информационного центра УВД по Томской области, сообщаем, что согласно материалам архивного уголовного дела № П-5861, хранящегося в Управлении ФСБ России по Томской области значится, что

Захаров Федот Захарович, 1878 года рождения, уроженец с. Кушмап-Тузе Пуинского уезда Симбирской губернии, чуваш, неграмотный, беспартийный, проживал в д. Чувашовка Павловского с/с Зырянского района, работал единолично в своем хозяйстве. 24 июля 1937 года арестован Зырянским райотделением НКВД как участник контрреволюционной монархической повстанческой организации «Союз спасения России». 16 сентября 1937 года по постановлению Тройки УНКВД Запсибкрая приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. 25 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение.

10 августа 1961 года Захаров Ф.З. полностью реабилитирован по постановлению Томского областного суда.

Согласно справки об имущественном положении (ксерокопия прилагается), до 1929 года житель Павловского с/с Зырянского района Захаров Федот Захарович имел следующее хозяйство: дом, амбар, конюшня, сарай, избушка, плуг – 1, борон – 2, веялок- 1, лошадей – 4, коров – 4, баранов – 10, свиней - 9.

В протоколе допроса от 07.08.1937 года (ксерокопия прилагается) также указывается имущественное положение до 1917 года и до 1929 года.

Хозяйство Захарова Ф.З. распродалось 2 раза:

- в 1930 году за невыполнение лесозаготовок;
- в 1934 году за невыполнение хлебозаготовок.

В 1936 году за невыполнение посевного плана Захаров Ф.З. был осужден на 6 месяцев ИТР.

Другими сведениями об имуществе Захарова Ф.З. Управление ФСБ РФ по Томской области не располагает.

Приложение: ксерокопии документов, на 2 листах.

С уважением,
Врио начальника подразделения

А.В. Бойчук

Никита Иванович Ефремов, 1873 г.р., «уроженец села Богословка Зырянского района, русский, б/п., проживал в с. Богословка – был арестован 4 ноября 1932 г. и необоснованно обвинен в «проведении антисоветской агитации» по ст.58-10, II УК РСФСР, за что 11 марта 1932 года был осужден Особой Тройкой ОГПУ на 10 лет лишения свободы. Находясь в больнице Томского Домзака, умер 2 июня 1933 г. от сыпного тифа. Дело в отношении Ефремова Н.И. пересмотрено 6 июля 1989 г. Томской прокуратурой (г. Томск, ул. Белинского, 14), и он полностью оправдан.

Сведения об имущественном положении

	Наименование имущества	В настоящ. момент	До 1929 г.	До 1917 г.	Примечание
	2	3	4	5	6
1	Земля под обработкой	–	11	30	
2	Домов (дач, торг. помещений, складов)	–	жилой дом	1	
3	Хоз. построек (конюшня, хлев, пригон, сарай)	–	вся надворная постройка		
4	Подсобных предприятий, мельниц, крупорушек, маслобоен	–	–	не было	

1ё	2	3	4	5	6
5	Промышленных предприятий, слесарных, механических и пр. мастерских	–	–	–	
6	Сельскохозяйственные машины:	–	–	–	
	а) тракторов				
	б) плугов	–	2	2	
	в) борон желез.	–	1	5	
	г) сеялок	–	1	1	
	д) веялок	–	–	–	
	е) косилок	–	–	–	
	ж) самовязалок	–	–	–	
	з) молотилок	–	1	1	
7	Скота:				
	лошадей	–	7	10	
	коров	–	4	6	
	волов	–	–	–	
	быков и нетели	–	4	5	
	баранов	–	1	1	
	коз	–	–	–	
	свиней	–	4	5	
	овец	–	13	20	

Годовой доход от обработки земли – 460 руб. 20 коп.

от скотоводства – 175 руб. 40 коп.

Количество наемных батраков – неизвестно.

Социальное положение: кулак, середняк, бедняк. Кулак.

Лишен ли избирательных прав: лишен.

По каким признакам: за эксплуатацию машин и агитацию против советской власти¹.

¹ ГАТО. Ф. Р.-1041. Оп. 2. Д. 38. Л. 3–3 об.

Женщины пос. Симоновка: ссыльные и потомки ссыльных (слева направо): Анна Тужилова, Таисия Палагина, Валентина Шишкина, Валентина Губарева, Валентина Бервальд. Фото 1957 г.

Палагины Дмитрий Васильевич и Мария, жители с. Богословка. Фото 1971 г.

Были раскулачены без выселения из района. Поселились в д. Вершинке.

Хрестинья Федоровна Палагина (в центре), жительница с. Богословка.
Фото 1957 г.

Была раскулачена вместе с мужем, которого вскоре от горя парализовало и он умер. Поселилась в д. Вершинке.

Пелагея Ивановна Кузнецова. Фото 2009 г.

Выслана в пос. Симоновку с родителями в 1930 г. из д. Грязново Тальменского района Алтайского края.

Надежда Алексеевна
Шкорлуханова.
Фото 1970-х гг.

В 1931 г. выслана в пос. Симоновку вместе с родителями из с. Шумеры Шушенского района Красноярского края.

Алексей Михайлович
Спирин.
Фото периода Первой ми-
ровой войны

Сослан из Красноярского края в д. Симоновку в 1931 г.

Василий Владимирович Шадрин, 1875 г.р. (в центре). Фото 1960-х гг.

Выслан в пос. Симоновку из с. Ключи Алтайского края; слева – Сергей Сергеевич Минько, 1923 г.р., выслан в пос. Симоновку из с. Ермаковское Шушенского района Красноярского края.

Анна Васильевна Рябцева
(сидит в центре).
Фото 1949 г.

Выслана из д. Пав-
ловка осенью 1935 г. в
пос. Карза Парабель-
ского района.

Николай Павлович Харитонов
(1904–1983)

Проживал в д. Малиновка, бри-
гадир колхоза «Верный путь». Арес-
тован в 1937 г., осужден на 10 лет
ИТЛ и 5 лет поражения в правах.
Срок отбывал в Воркуте, затем в
Забайкалье. Строил разные объек-
ты, освобожден через 7 лет.

Аким Федорович Щеголев
(1912–1937)

Уроженец с. Богословка.
Расстрелян в октябре 1937 г.
в Читинской области.

Мария Семеновна Мигунова, 1918 г.р., с сыном Михаилом Михайловичем

Выслана с родителями в 1931 г. из с. Куликово Алтайского края
в пос. Симоновку.

Иосиф Степанович Кузнецов с внуками. Пос. Новосельский.
Фото 1950-х гг. Был арестован в 1937 г., осужден на 10 лет ИТЛ
и 5 лет поражения в правах.

Корней Васильевич Лукьянчиков, рыбак колхоза «Красный кустарь». Арестован в 1937 г.
Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах.

Павел Петрович Бессонов (1912–1995). Сослан в 1931 г. с семьей в
Колпашевский район Томской обл., в 1939 г. выслан в пос. Сухой Лог
Яранского сельсовета за побег из колхоза.

Свидетельство Зырянского райЗАГС
о расстреле Ф.И. Голубицкого

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин (ка) Голубицкий
Федор Иванович
29.08.1937г. Владимир Ко-
шов Александрович
Голубицкий
(цифрами и прописью)
в возрасте 65 лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 89 года июнь месяца 19 числа
произведена запись за № 52
Причина смерти расстрел

Место смерти: город, селение _____
район _____
область, край Амурская
республика РСФСР
Место регистрации с. Зырянское рай ЗАР
Амурской обл.
местонахождение органа ЗАГС

Дата выдачи 12 июня 19 89 г.
М. П.
Информация о смерти (фамилия, имя, отчество, гражданство)

I-OM № 386929

Дети спецпереселенцев в Симоновской школе. Фото 1950-х гг.

Коллектив сотрудников Симоновской комендатуры УНКВД. Фото 1937 г.

Кузнецовы Василий Александрович, 1907 г.р., и Татьяна Андреевна, 1910 г.р., с сыном Александром. Фото 1929 г.

Сосланы из с. Крутиха Каменского р-на Алтайского края с родителями. Молодых отправили в Тегульдетский р-н, а стариков – в Симоновку.

II. РЕПРЕССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х ГОДОВ

Начиная с 1930-х гг. массовым репрессиям подверглись не только крестьяне. В ходе этого террора был осужден либо ограничен в правах целый ряд представителей разных социальных слоев: священнослужители и члены их семей, так называемые кулаки с членами своих семей, выходцы из бывших привилегированных сословий: дворянства, купечества, военнослужащих и др. Новая власть сразу же отнесла их к категории социально чуждых.

Сразу же после Октябрьского переворота гонения обрушились на церковь. В 1918 г. декретом Совета народных комиссаров церковь была отделена от государства и школа от церкви. На практике же велась политика лишения ее всех прав и привилегий. Храмы закрывались, церковные ценности изымались, а духовенство было объявлено контрреволюционным элементом. Приказом народного комиссара государственного призрения от 23 января 1918 г. выдача средств на содержание церквей и совершение церковных обрядов была прекращена. Прекращалась и выдача средств на содержание священнослужителей и законоучителей. Церковные требы в храмах могли продолжаться только при условии, если верующие брали на себя обязательства по ремонту и содержанию помещений, инвентаря и служащих. Затем от политики ограничения прав верующих власть повсеместно перешла к открытому преследованию церкви и верующих. В массовом порядке закрывались церкви. Не обошла стороной расправа над церковью и верующими нашу зырянскую землю. К концу 1930-х гг. целый ряд религиозных общин в зырянских селах распались, а церкви по ходатайству Зырянского райисполкома закрыты.

Когда же конкретно закрылись зырянские церкви?

1. В селе Шиняеве церковь бездействовала с 1927 г., а в 1938 году постановили передать ее сельсовету под клуб.

2. В селе Громышовке местная Дионисеевская церковь бездействовала с 1932 г., в 1937 г. здание было передано сельскому Совету на культурно-просветительские цели.

3. В селе Семеновке Николаевская церковь перестала функционировать с 1937 г. В этом же году здание церкви было передано сельскому Совету на культурно-просветительские цели.

4. В селе Беловодовке Николаевская церковь была ликвидирована в 1937 г. и передана под клуб.

5. В селе Туендате с 1936 г. Введенская церковь была в бесхозном состоянии, ее переоборудовали под клуб.

6. В селе Мишутине Богородице-Казанская церковь стояла закрытой с 1927 г. в безнадзорном состоянии, в 1936 г. здание было передано сельсовету на культурно-просветительские цели.

7. В селе Михайловке Михаило-Архангельскую церковь переоборудовали под клуб в 1936 г., на что потребовалось 575 рублей.

8. В селе Зырянском Николаевская церковь ликвидирована в 1928 г, здание использовалось под клуб, затем как склад Заготзерно. В 1936 г передана РайОСО.

9. В селе Чердатах Богородице-Казанская церковь пустовала с 1927 г., в 1936 г. была передана на культурно-просветительские цели.

10. В селе Богословке Иоанно-Богословская церковь была передана сельсовету в конце 1936 г., ее переоборудовали под клуб, для чего требовалось 6050 рублей ¹. Эта сельская святыня по праву считалась одной из самых красивых в районе, в ходе разорения церкви с нее было снято семь (!) куполов.

Параллельно с закрытием и разрушением церквей власть вела непрерывную борьбу со священнослужителями, с теми, кто нес слово Божье. Расстрелы местными ЧК представителей духовенства по обвинению их в антибольшевистской агитации начались фактически с первых дней советской власти. Служители культа в своем большинстве не приветствовали новую власть и часто открыто вставали на сторону ее противников. Поэтому все сословие священнослужителей разных конфессий вместе с членами их семей было отнесено к «социально неблагонадежным элементам», были лишены избирательных прав, права на трудоустройство и высшее образование для детей священников. Следует отметить, что многие священники, лишённые сана или «добровольно ушедшие из профессии», в дальнейшем с трудом находили себе работу и средства для жизни, мно-

¹ ГАТО. Ф. Р-1041. Оп. 3. Д. 256.

гие долгие годы числились «без определенных занятий». Поэтому точно выявить и подсчитать по 5-томному изданию книги Памяти «Боль людская» количество репрессированных на территории Томской области священнослужителей невозможно, но можно проследить судьбу некоторых из них, в том числе и тех, кто жил и служил на территории Зырянского района. А также верующих из числа «церковного актива», кто был репрессирован вместе со своими духовниками по религиозным мотивам. О судьбах некоторых из них находим информацию в книге «Нарымская Голгофа»¹:

Архипов Елизар Кузьмич, церковный староста. Родился в 1873 г. в с. Шестаково Мариинского уезда Томской губ., проживал в с. *Шиняево* Зырянского р-на Томского окр., был единоличником и церковным старостой. По версии обвинения – «Организатор кружка верующих» после закрытия церкви в 1929 г.: «яро выступал за открытие церкви», «в прошлом «киржак-старообрядец», «религиозный фанатик», «собирал подписи верующих, и в результате население церковь передавать под клуб отказалось». Арестован в 1932 году. Осужден на 5 лет высылки в ВСК.

Боголюбов Апполинарий Васильевич, священник. Родился в 1872 году в с. Кызла Оханского уезда Пермской губ. Окончил в 1894 г. Пермскую духовную семинарию. До 1919 г. проживал в Пермской губернии в Чардынском р-не, с. Богородское. В 1919 г. приехал в с. *Громышевку* ЗСК и до 1929 г. служил священником. С 1929 по 1930 г. – священник в г. Колыон. С 1930 г. снова жил в Громышевке, в 1928 г. был осужден за неуплату государственного налога на 3 года. Снова арестован в 1937 г. и расстрелян 21 сентября 1937 г.

Воблый Фёдор Васильевич, священник. Родился в 1888 г. в с. Веселое Полтавской губ., сын дьячка. Священник с 1920 г. В 1930 г. был осужден по ст. 70 УК Украины на 6 месяцев изоляции, но был оправдан по кассации. В 1931 г. по ст. 54-1л-10 УК Украины был приговорен к 5 годам высылки за пределы Украины. С 1932 г. проживал в с. *Богословка* Зырянского района Томской области. 15 марта 1934 г. зарегистрировал религиозную общину в с. Богословка. Арестован в 1934 г. Расстрелян.

Грунин Никифор Иванович, псаломщик. Родился в 1887 г. в с. Сосновка Ставропольского уезда Самарской губ., с 1920 г. про-

¹ *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Нарымская Голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советское время. 2004.

живал в *Шиняево* Зырянского р-на Томского окр., служил псаломщиком. Арестован в 1932 г. Осужден на 5 лет концлагерей.

Ильинский Константин Николаевич, священник *Зырянской* церкви. Расстрелян в 1937 г. (о его судьбе читай ниже).

Клавдин Сергей Фёдорович, священник. Родился в 1890 г. в дер. Константиновка Ачинского р-на Красноярского края, проживал в дер. *Чердаты* Зырянского р-на. Осужден на 2 года концлагерей и 5 лет высылки за срыв лесозаготовок, снова арестован в 1930-е гг. Расстрелян.

Кузнецов Сергей Степанович, «активный церковник». Родился в 1891 г. в с. *Громышовка* Зырянского р-на ЗСК, единоличник. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Известно, что он имел большую семью и с братом занимался пимокатным промыслом. В день его ареста в 1937 г. жена родила шестнадцатого ребенка, но девочка оказалась мертворожденной. Мужчины пошли выкопать могилу девочке, а в их отсутствие умерла и роженица, жена Сергея Степановича. А ночью пришли за хозяином, связали ему руки и увели в сельсовет для допроса. Говорили, что только допросят и отпустят. Все свое имущество (коров, овец, телеги и пасеку) Сергей Степанович отдал в колхоз, но не подписал бумагу, что он в этот колхоз вступает. Утром дети понесли в сельсовет сумку с едой для отца, но находившаяся там техничка сказала, что никого не приводили. Никто не знал, куда исчез «дядька Серега». Бывшая соседка, Полторацкая Анна Гавриловна, со слов которой записан этот рассказ, считает, что его расстреляли и бросили в Чулым. Двух маленьких детей забрала мать Анны Гавриловны, у которой своих было 12 человек, кто был постарше – ушли в Анжерку. Через год этих детей забрал старший женатый брат. Дом их перевезли «на Буяновку» (так называлось окраина села) и из него построили школу. Фамилия Сергея Степановича среди репрессированных есть в книге «Боль людская», он действительно был расстрелян. Но в этом издании нет указаний на двух братьев С.С. Кузнецова, что были раскулачены и чья дальнейшая судьба остается неизвестной.

Левин Тихон Карпович, церковный сторож. Родился в 1879 г. в с. *Усманка* Зырянского р-на Новосибирской обл., церковный сторож. Многие годы вплоть до 1930 г. был церковным старостой, за что лишился избирательных прав. Арестован в феврале 1937 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 7.03.1938 г.

Миронычев Александр Николаевич, председатель церковного совета. Родился в 1893 г. в с. Лопатино Нижне-Волжского края, проживал в с. *Михайловка* Зырянского р-на ЗСК, кустарь-сапожник. Председатель церковного совета церкви с. Михайловка. В апреле 1934 г. настраивал людей против снятия колоколов с церкви. Арестован в 1934 г., расстрелян.

Мутин Михаил Николаевич, священник. Родился 26 октября 1888 г. в с. Старый Посад Осинского уезда Пермской губ. в семье священника. Окончил Пермское духовное училище в 1905 г. В 1910 г. рукоположен в диаконы. Выехал в Томск в 1919 г. Проживал временно в женском монастыре. Епископом Гавриилом был назначен в с. Сергеевку Асиновского р-на и проживал там до 1921 г. В мае 1921 г. рукоположен в священники и переведен в с. Пышкино-Троицкое Ново-Кусковского р-на. В 1925 г. переведен в с. Митрофановка этого же р-на. В 1929 г. получил назначение в с. *Михайловка* Зырянского р-на ЗСК, где и служил в местной церкви. В апреле 1934 г. организовал верующих на сопротивление снятию колоколов с Михайловской церкви. Был арестован и расстрелян в 1934 г.

Панов Иван Степанович, священник. Родился 22 декабря 1884 г. в с. Никольское Рязанской губ. в крестьянской семье. Из воспоминаний его дочери А.И. Пановой: «Учился папа в Москве, одним из его учителей был П. Флоренский. С 1913 г. папа служил священником в с. *Михайловка* Мариинского уезда Томской губернии. Во время революции в с. Михайловка стало страшно жить, донимали партизаны. Вынуждены были переехать в с. Калеул, и отец там служил. Позже мы переехали в Мариинск, где папа служил кладбищенским священником. Он был очень деятельным человеком, организовал большой хор. Здесь же он стал протоиереем. Служил папа в с. Камышево (около Белова), с. Брюханово, с 1926 по 1929 г. в с. Поломошное Кемеровской области. Нас задушили налогами. Папа подрабатывал, кому улей сделает, кому – стул. Потом церковь закрыли. Так как церкви закрывали повсеместно, то священнических мест не было. Мы переехали жить в Белово. Папа купил лошадку и стал работать коновозчиком. Позже его взяли бухгалтером на шахту. Затем папа работал старшим бухгалтером коммуна им. Заковского в Томске. Почти одновременно меня и папу вызывали в ГПУ и требовали сотрудничать с ними. И я и папа напрочь отказались. Мне пришлось срочно бросить институт и уехать в Кемерово. Я поступила в Кемеровский пединститут, но и там узнали, что я дочь священ-

ника, исключили. С большим трудом устроилась на работу на железной дороге. Здесь я вышла замуж. 2 февраля 1938 г. папу арестовали, 4 февраля у меня преждевременно родилась дочка. Муж от нас отрекся. Еще в 1933 г. папа был осужден по ст. 109 на 4 года, отбыл 3 года. После смерти Сталина мы обратились в НКВД. Нам выдали справку о реабилитации папы, где было написано, что он умер в 1943 г. от сердечной недостаточности. Выдали за него 1500 рублей и все». Расстрелян Иван Степанович был 14 февраля 1938 года.

Плотников Владимир Васильевич, священник. Родился в 1888 г. в с. Нагорный Иштан Томского р-на ЗСК. Окончил 2 класса духовного училища. С 1900 по 1902 г. работал учителем. С 1904 по 1910 г. – псаломщик в *Беловодовке*, с 1910 по 1915 г. – там же диакон, с 1915 по 1918 г. – священник в с. Калеул, затем в с. Беловодовка. В 1920 г. лишен права голоса, как священник. В 1928 г. осужден по ст. 107 за несдачу хлебных «излишек», сидел в тюрьме 10 месяцев, «после этого проживал в дер. Беловодовка Мало-Песчанского р-на ЗСК, бросил свое ремесло и стал заниматься сельским хозяйством», единоличник. Арестован в марте 1930 г. Осужден на 5 лет концлагерей.

Радиончик (Радивончик) Лука Лукич, священник. Родился в сентябре 1894 г. в г. Варшаве (Польша), окончил Холмскую духовную семинарию в 1914 г. Проживал в г. Томске с 1925 г. как ссыльный – за переход госграницы. Служил священником в Преображенской церкви. В 1926 г. лишен избирательных прав. В 1930 г. служил в с. *Туендат* Томской обл. Арестован 20.02.1930 г. по обвинению в участии в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 30.03.1930 г.

Солотчин Александр Константинович, священник. Родился в 1877 г. в с. *Зырянское*. Сын священника. Окончил Томскую духовную семинарию. До 1916 г. служил псаломщиком. В 1916 г. рукоположен в священники, служил в Благовещенске, Миндерле, Томске. С 1922 по 1936 г. служил в Троицкой церкви г. Томска. В 1936 г. арестован. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Отбывал срок в ИТК-2 г. Томска. Вторично арестован в 1937 г. и расстрелян 23–25 октября 1937 г.

Тихов Василий Михайлович, священник. Родился в 1880 г. в с. Исса Инсарского уезда Пензенской губ. В 1916 г. служил в с. Зимовское. В 1928 г. служил в Туендате и обслуживал *Шиняевскую* церковь, которую в 1929 г. закрыли. Для богослужений собирались на квартире: ему были предъявлены обвинения, что он «яро высту-

пал за открытие церкви», «не доволен мероприятиями советской власти», «под руководством о. Тихова создана контрреволюционная кулацкая вредительская группировка», «саботаж и противодействие хлебозаготовкам и другие политические кампании». В это время он работал конторщиком Зырянского ЛПХ. Арестован в 1932 г. Осужден на 10 лет концлагерей.

Шубин Петр Абрамович, помощник священника. Родился в 1879 г. в с. Архангельское Нолинского р-на Кировской обл., проживал в с. Семеновка Зырянского района, единоличник. Был секретарем священника в с. *Семеновка*. Арестован в 1930 г. Расстрелян.

Ярославов Гавриил Гаврилович, священник. Родился в 1885 г. в с. Михайловское Зырянского р-на. Из духовного сословия. С 1910 по 1916 год был псаломщиком в с. *Семеновское* ЗСК, проживал в с. Богословское Зырянского р-на. Арестован в 1929 году. Расстрелян.

Считаем своим долгом в этом издании более подробно рассказать о судьбе одного из вышеперечисленных репрессированных священников, живших и служивших на зырянской земле. Нам в этом помогут как сохранившиеся и ставшие доступными документы архивно-следственного дела, так и воспоминания родных и близких. Речь идет о судьбе священника

Зырянской церкви отца Константина Ильинском.

Константин Николаевич Ильинский

Правнучка Константина Николаевича, Наталья Павловна Донец, проживает в г. Бердск Новосибирской области. Она, как и многие в наше время, стала интересоваться историей своей семьи, собирает архивные материалы. Оказалось, что ее прадед, Константин Николаевич Ильинский, служил в 1930-е священником в церкви села Зырянское. Таким образом, благодаря Наталье Павловне Донец, Зырянский краеведческий музей получил материалы, позволяющие более детально познакомиться с судьбой репрессированного настоятеля зырянской церкви. Отец Константин был родом из с. Семеновка, происходил из семьи потомственных священников. Его отец, Николай Никольский, был священником в селе Семеновка, дядя тоже был священником. Константин Николаевич окончил курсы в Томской духовной семинарии по II разряду, т.е. имел среднее образование. Он был рукоположен в священники Чердатской церкви 7 августа 1908 г. За заслуги награжден набедренником в 1913 г. С 1915 г. стал

священником Никольской церкви в с. Зырянское. У него была большая семья: трое сыновей и две дочери. Арестован он был в 1937 г. «как активный участник контрреволюционной монархической повстанческой организации «Союз спасения России». Постановлением Тройки УНКВД Запсибкрая приговорен к расстрелу.

К.Н. Ильинский с семьей. Фото 1920-х гг.

Выписка из постановления Зырянского РИКа от мая 1935 г. по рассмотрению жалобы К.Н. Ильинского о восстановлении его в избирательных правах:

«Слушали жалобу гр-на Ильинского К.Н. о восстановлении его в избирательных правах. Гр-н Ильинский лишен избирательных прав совместно со своей семьей как служитель религиозного культа в 1929 г.

В 1930 г. Ильинский отказался от религиозной службы и призывал к этому остальных служителей культа. С 1930 г. гр-н Ильинский стал заниматься общественно полезным трудом, т.е. сельским хозяйством, и до настоящего времени.

Постановили: Учитывая, что гр-н Ильинский в период лишения с 1929 г. занимался общественно полезным трудом и выполнял аккуратно все государственные задания – восстановить в избирательных правах гр-на Ильинского совместно со всеми членами его семьи»¹.

К.Н. Ильинских после окончания семинарии.
Фото 1900-х гг.

Из протокола допроса арестованного К.Н. Ильинского от 21-го августа 1937 года

Ильинский К.Н., 1885 года рождения, уроженец села Семеновка Зырянского района, Запсибкрая, русский, гражданин СССР. Происходит из служителей религиозного культа (сын попа). По соц. положению служитель религиозного культа – поп, имел кулацкое хозяйство. До ареста проживал в дер. Берлинка Зырянского района, без определенных занятий.

ВОПРОС: Вы знаете Менгерта?

ОТВЕТ: Да, я с врачом Зырянской райбольницы Менгертом Виктором Иосифовичем знаком.

¹ ГАТО Ф. Р-1509. Оп. 2. Д. 6. Л. 31.

ВОПРОС: Часто вы встречались с Менгертом Виктором Иосифовичем?

Менгерта я знаю с 1931 года и встречался с ним часто в селе Зырянском.

ВОПРОС: Встречались, о чем вы разговаривали?

ОТВЕТ: При встречах с Менгертом я первоначально разговаривал с ним как с зав. Райздравотделом и просил его устроить меня где-либо в райбольнице на работу, рекомендуя себя как имеющего среднее образование, и Менгерт мне обещал предоставить работу в своей канцелярии. Надо сказать, что я при повторной встрече высказывал ему свою обиду на то, что сейчас нахожусь в плохих условиях жизни, причем свои обиды я направлял в русло недовольства на Советскую власть, говоря, «что теперь, при Соввласти нам, бывшим священнослужителям, жить невозможно», вместе с этим первоначально осторожно восхваляя старый царский строй. Менгерт проявлял интерес ко мне и при высказывании недовольства на власть с моей стороны он соглашался, а впоследствии, так же не стесняясь меня, выражал свои недовольства, которые однажды он сформулировал в такой фразе: «Жизнь теперь плохая не только для попов, но и вообще для всего народа» и тут же сказал, что «особенно много при Соввласти потеряли образованные люди». Ближе я познакомился с Менгертом в 1936 году в июле месяце, т.е. когда Менгерт приехал на нефтебазу на легковой машине по каким-то хозяйственным делам. Я же там был чернорабочим. Администрации нефтебазы Менгерт не застал и, встретившись со мной, разговорились, причем характер разговора был почти исключительно на политическую тему. Менгерт высказывал свое убеждение, что «скоро существующий строй в СССР изменится, и снова в России восстановится капиталистический строй и все это произойдет тогда, когда Германия и Япония нападут на СССР войной. Внутри же СССР, как сказал Менгерт, «народ восстанет и поможет свергнуть коммунистическое правительство». Слушая Менгерта я выражал свое удовольствие такими выводами и также высказал, что «народ в Советском Союзе и особенно все те, кто обижен Советской властью, без сомнения, во время войны будут не на стороне власти, а будут активно помогать в ее свержении». Таким образом, моя связь с Менгертом, заключавшаяся сначала в разговорах о личных интересах и обиды на жизнь, вылилась в форму прямых контрреволюционных разговоров, и мы поняли, что взгляды наши сходятся.

ВОПРОС: Следствию известно, что Вы с Менгертом вели разговоры об организованной к.-р. деятельности, дайте об этом показание.

ОТВЕТ: Вынужден признать, что тогда же, в июле м-це 1936 года, при разговоре на нефтебазе Менгерт посвятил меня в тайны своего участия в организованной к.-р. деятельности. Он рассказал мне, что на территории Запсибкрая существует большая к.-р. монархическая повстанческая организация, объединяющая обиженных и преследуемых Советской властью, причем сказал, что в нее входят офицерство, церковники, кулаки, спецпереселенцы и другие к.-р. элементы. Организация именуется «Союзом спасения России» и что он, Менгерт, является ее членом и что он имеет поручение от Томского центра создать к.-р. повстанческую организацию в Зырянском районе. После этого сообщения Менгерт предложил мне вступить в эту организацию.

ВОПРОС: Вы согласились?

ОТВЕТ: В ответ на предложение Менгерта я дал свое согласие, причем сказал: «Что не щадя своих сил буду делать все, что мне будет поручено в борьбе с ненавистой Советской властью».

ВОПРОС: Какие задачи ставила перед собой ваша к.-р. повстанческая монархическая организация?

ОТВЕТ: Так как мне говорил Менгерт, задачей нашей организации являлось поднятие вооруженного восстания против советской власти в момент нападения капиталистических стран на СССР. Создание для этой цели боевых повстанческих групп и отрядов, привлекая в них лиц, обиженных Соввластью. До момента войны вести к.-р. деятельность, направленную на развал колхозов и предприятий, путем организации диверсий, вредительства и саботажа. Кроме этого, члены нашей к.-р. повстанческой организации должны также в мирное время проводить к.-р. агитацию и распространять клевету по отношению к Соввласти и ее вождям, дискредитируя ее в глазах населения.

ВОПРОС: Кого вы знаете из участников к.-р. повстанческой организации?

ОТВЕТ: От вербовавшего меня Менгерта мне известно, что участниками к.-р. повстанческой монархической организации являются:

1. Менгерт Виктор Иосифович*¹;

¹ *Приговорены к ВМН и расстреляны.

2. Сербин Макар Наумович, бывший подпоручик аненковского отряда белой армии*;

3. Пыринов Сергей Иванович, бывший военный чиновник царской белой армии*;

4. Медведев Лев Иннокентьевич, белогвардеец, эмигрировавший за границу и вернувшийся обратно в СССР*;

5. Улыбышев Яков Никитович, бывший жандарм, кулак, спецпереселенец*;

6. Купресов Константин Константинович, врач зырянской больницы*;

7. Гайлит Ян Карлович, завхоз Зырянской райбольницы*;

ВОПРОС: Кто лично вами вовлечен в к.-р. повстанческую монархическую организацию.

ОТВЕТ: Имея задание от Менгерта по вербовке в организацию новых членов, я вовлек следующих лиц:

1. Сидоров Иван Степанович, адм. ссыльный, проживающий в дер. Берлинка, завербован мной в июле 1936 г. в момент совместной работы на нефтебазе в с. Зырянка*;

2. Милейко, имя и отчество я не помню, кулак, осужденный за к.-р. деятельность, проживающий в дер. Берлинка, завербован мной в сентябре м-це 1936 года, при посещении его квартиры*;

3. Боголюбов Апполинарий Васильевич, бывший поп Громышевской церкви, проживающий без определенных занятий в с. Громышевка, Зырянского района, завербован мной в июле 1935 года у него на квартире, при специальной поездке в село Громышевку*;

4. Быстров Василий Семенович, кулак, работает грузчиком Зырянского «Заготзерно»*;

5. Быстров Семен Егорович, кулак без определенных занятий, проживающий в с. Зырянка, отец вышеупомянутого Быстрова Василия. Оба завербованы мной в августе м-це 1936 г. при посещении их квартиры;

6. Тогунов, имя и отчество не помню, кулак, проживающий в с. Зырянка, завербован мной зимой 1937 года у меня в квартире.

ВОПРОС: Какие обязанности должны были выполнять в момент восстания к.-р. организации?

ОТВЕТ: По установке Менгерта я во время восстания должен был вести массовую работу среди повстанцев, непосредственно участвуя с ними в боях с войсками Советской власти.

ВОПРОС: Какие вы получали задания по к.-р. деятельности на мирное время?

ОТВЕТ: Менгертом мне было поручено развернуть вербовку новых членов в организацию с целью создания боевых к.-р. повстанческих групп и через этих членов проводить в мирное время к.-р. агитацию, направленную на развал колхозов и срыв проводимых Советской властью мероприятий.

ВОПРОС: Что вами сделано во исполнение полученных заданий?

ОТВЕТ: Для создания боевых контрреволюционных групп для подготовки к восстанию мною завербовано, как я уже показал, шесть человек, каждому из завербованных я дал конкретные указания. Например, Быстрову Василию предложено подобрать надежных людей, завербовать их в организацию и через них готовить к моменту восстания поджог складов Заготзерно. Кулаку Сидорову поручено создать диверсионную группу на нефтескладе, которая должна готовить взрыв резервуаров с горючим на случай необходимости при восстании. Остальным поручено выявление к.-р. элементов и вербовка их в с. Зырянском и в Берлинке для подрывной деятельности в колхозах.

ВОПРОС: Известно ли вам, как выполнялись ваши задания?

ОТВЕТ: Мне известно, что Быстров Василий, Сидоров Иван создали диверсионные группы. Боголюбов Апполинарий также создал к.-р. повстанческую группу. От остальных я имел информации, что они приготовили кандидатуры для вербовки, но когда они завербовали, я информации не имел.

Протокол мною прочитан лично, записано с моих слов правильно, в чем расписуюсь – Ильинский.

Допросили:

Нач. Зырянского РО НКВД
Лейтенант госбезопасности
Сотрудник Зырянского РО НКВД
Верно:

Коробейников.
Паукаев.

**Выписка из протокола Постановления Президиума Томского
областного суда об отмене решения Тройки УНКВД
по Запсибкраю от 7 сентября 1937 года
о расстреле К.Н. Ильинского**

Секретно
Дело №44у-625

Президиум Томского областного суда в составе: Председателя президиума Скрябина и членов президиума Елагина и Безбородова с участием и.о. прокурора области Шевцова рассмотрел в заседании президиума уголовное дело по протесту прокурора Томской области на постановление бывшей тройки УНКВД по Запсибкраю от 7 сентября 1937 года – которым:

Ильинский Константин Николаевич, 1885 г. рождения, урожденный с. Семеновки Зырянского района Томской области, русский, гражданин СССР, беспартийный, без определенных занятий, в прошлом служитель религиозного культа, лишился избирательных прав, до ареста проживал в д. Берлинка Зырянского района, бывшего Запсибкрая осужден по ст.58-2, - 10 – 11 УК РСФСР к ВМН.

Протест принесен на предмет отмены постановления бывшей тройки УНКВД и прекращения делопроизводства.

Заслушав доклад члена президиума т. Елагина и заключения прокурора области, поддерживающего протест, президиум установил:

Ильинский обвинялся в том, что являлся участником монархической антисоветской повстанческой организации, готовившей вооруженное восстание против советской власти, проводил вербовку новых членов данной организации и занимался антисоветской агитацией среди окружающего населения.

Постановление тройки подлежит отмене по следующим основаниям:

Как видно из дела, к моменту ареста К.Н. Ильинского в распоряжении органов следствия материалов о преступной деятельности его не имелось, не обнаружено таких и при проверке по архивам УКГБ-УВД Томской области.

Проверкой по Томскому областному госархиву УВД установлено, что Ильинский К.Н. в 1924–27 годах лишился избирательных прав как служитель религиозного культа, данных о наличии кулацкого хозяйства у Ильинского в Госархиве не обнаружено. (...)

Допрошенные в процессе проверки в качестве свидетелей Трофимов Т.Ф., Шишкин П.Н. и Бирюков М.П., хорошо знавшие Ильинского, об антисоветской деятельности его показаний не дали и о наличии у него кулацкого хозяйства не подтвердили.

К следственному делу приобщена справка об имущественном положении Ильинского, из которой усматривается, что он имел кулацкое хозяйство. Справка подписана бывшим председателем Зырянского райисполкома Тяпкиным и секретарем этого же исполкома Медведко.

Будучи допрошенными в качестве свидетелей по другим делам Тяпкин и Медведко показали, что подобные справки на арестованных лиц составлялись сотрудниками органов НКВД, которым они верили и по их представлению подписывали без проверки наличия в райисполкоме подтверждающих материалов¹.

В годы Большого террора 1937–38 годов под каток репрессий попадали не только люди из разряда «бывших», но и те, кто считал себя активным строителем первого в мире государства рабочих и крестьян. Много было среди репрессированных творческой интеллигенции, сельских врачей и даже их учеников. Так, среди репрессированных по Зырянскому району оказался даже ученик 7-го класса из деревни Арышево Анатолий Екимов, который был осужден на пять лет ИТЛ. В это же время был арестован и осужден по обвинению в контрреволюционной деятельности шестнадцатилетний ученик из деревни Каштаково Даниил Алин, вернувшийся из мест заключения только через восемнадцать лет! О том, что пережил за эти годы, он рассказал в автобиографической книге «Мало слов, а горя реченька», изданной в 1997 году Томским обществом «Мемориал»².

В списках репрессированных в 1930-е годы **учителей** из нашего района нами выявлено 12 человек:

1. Бударин Василий Иванович, учитель Зырянской школы. Осужден на 5 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах;
2. Герасимова Анна Васильевна, четырнадцатилетняя учительница из с. Цыганово. Арестована в 1937 г., осуждена на 5 лет ИТЛ;
3. Дратковский Никита Петрович, учитель Зырянской школы. Арестован в 1937 г. Расстрелян;

¹ *Фаст М.В., Фаст Н.П.* Нарымская Голгофа. Материалы к истории церковных репрессий в Томской области в советское время. 2004.

² *Алин Д.Е.* Мало слов, а горя реченька. Томск, 1997.

4. Кузнецов Николай Гаврилович, учитель Симоновской семилетней школы. Осужден на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах;

5. Никитенко Григорий Иванович, учитель Иловской школы. Арестован в 1935 г., осужден на три года заключения;

6. Пектужев Петр Георгиевич, учитель Зырянской средней школы. 5 лет ИТЛ и три года поражения в правах;

7. Пектужев Виталий Петрович, учитель Зырянской средней школы. Осужден на 7 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах;

8. Сычева-Соколова Анна Ивановна, род. в Чердатах в 1884 г., учительница школы взрослых при МЭК. Арестована в 1937 году, расстреляна;

9. Федоринов Леонтий Павлович, 1919 г.р., учитель в с. Михайловка. Арестован в 1937 году, освобожден в 1938 году;

10. Хвостов Алексей Васильевич, директор Берлинской школы. Расстрелян в 1938 г.

11. Цубатов Николай Тимофеевич, учитель Михайловской школы. Арестован в 1937 году, освобожден в 1938 году «за отсутствием состава преступления»;

12. Сахарук Лука Петрович, директор Зырянской средней школы. Расстрелян в 1937 г. Его внук, житель села Зырянское **Александр Георгиевич Лебедев** рассказал о своем деде следующее:

«Дед мой был первым дипломированным директором Зырянской школы в середине 1930-х гг. Он закончил Ленинградскую педагогическую академию и был направлен учительствовать в Новосибирскую область. Здесь он познакомился с моей бабушкой, которая окончила престижную женскую гимназию. Родили они трех детей. Деда назначили на работу в село Зырянское, которое тогда административно входило в состав Новосибирской области. Бабушка даже в 1960–1970-е гг., когда уже позади

Л.П. Сахарук с супругой. Фото 1930-х гг.

остались страшные годы, упорно хранила молчание, ничего нам не рассказывала о том времени, так как страх был прочно привит в головы людей! Но она говорила, что дед стремился создать образцовую школу по последнему слову педагогической науки. Внедрение таких идей некоторых настораживало. Стремление дать не только прочные знания, но и азы благородства, свободного мышления, сочувствия к соплеменникам сделало его в понимании некоторых контрреволюционером. Его новаторство стало кому-то не по нутру, но кому – бабушка так и не открыла. Зависть тупиц не знает границ. В 1937 г. состряпали донос, мол, не тот курс партии и т.д. И забрали деда как врага народа, увезли ночью, даже не дав попрощаться. Это была обычная практика того времени. Осталась бабушка с тремя малыши детьми. Дальше – жизненная драма, которая в те годы коснулась многих. Вынесли унижение, отчуждение, но не ожесточились и были чувствительны к чужой боли. Из документа о реабилитации, что пришел в 1956 г., семья узнала, что дед умер в 1941 году от воспаления легких в советском концлагере. Но бабушка до конца дней не верила в его естественную смерть. Замуж она так и не вышла, хотя к такой красавице была очередь. И только по прошествии многих лет из документа о реабилитации 1990-х гг. узнали, что расстреляли деда в зловещем 1937-м. Светлая ему память... А за безвинно загубленных, я надеюсь, Господь покарал убийц и воздал каждому по делам их...»¹.

С осени 1937 г. в кампании террора обозначился также и национальный оттенок. Специальные приказы НКВД, начавшие поступать в этот период в местные управления НКВД за подписью комиссара НКВД Н. Ежова, требовали проведения «линейных» национальных операций. И такие операции органами НКВД были проведены в отношении многих проживавших в стране немцев, греков, финнов, корейцев, латышей, литовцев, эстонцев, поляков... Первой из них стала «польская операция». Согласно секретному приказу НКВД № 00585, одобренному и утвержденному Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г., аресту подлежали оставшиеся в СССР военнопленные польской армии, перебежчики из Польши, члены польских политических партий, в первую очередь поляки, работавшие в органах НКВД, в Красной Армии, на военных предприятиях и на транспорте; во вторую очередь – работавшие на промышленных предприятиях необоронного значения, в сельском хозяйстве, а также

¹ Воспоминание А.Г. Лебедева // Архив Зырянского краеведческого музея.

чиновники разных учреждений. Арестованных поляков, как правило, обвиняли в том, что они являются участниками якобы существующей по всей стране контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации «ПОВ» – Польской организации войсковой. В приказе особо отмечалось, что в «Западной Сибири находится 5000 перебежчиков из Польши, из которых учтено не более 1000, такое же положение с учетом политэмигрантов из Польши, поэтому необходима решительно широкая операция по их изъятию органами НКВД»¹. Из более чем двух тысяч поляков, арестованных в 1937–1938 гг. на территории Томской области, несколько десятков проживало перед арестом на зырянской земле. О некоторых из них мы узнали из писем и встреч. **Татьяны Анатольевны Скобля** поведала о судьбе своего дедушки: «Мой дед, Георгий Романович Жуковский,

Г.Р. Жуковский. Фото 1935 г.

родился в 1896 г. на территории Польши. До 1925 г. он проживал в 18 километрах от границы с Белоруссией, но потом почему-то решил, что Советская Россия – самое лучшее место на земле. Там – революция, там – свобода! И... перешел границу! В Слуцком ОГПУ он заявил о своем переходе, откуда был направлен в Минск, а уж оттуда «шпиона» выслали в Томск под надзор. Из Томска он выехал в село Новокусово, где работал страховым агентом, так как имел образование пять классов. В июне 1926 г. переехал в с. Зырянское, где также работал страховым агентом и бухгалтером. В 1936 г. его арестовали и по этапу отправили в Томск, но за неимением улики отпустили. 27 июня 1937 г. его арестовали вторично, предъявив обвинение: является членом группы, созданной директором Берлинской школы Лещинским, принимал активное участие в контрреволюционной шпионско-диверсионной повстанческой организации «ПОВ», вел активную

¹ Поляки в Томском крае в 1920–1940-е гг. Сборник архивных документов и материалов...

организаторскую работу среди рабочих и служащих райздравицы, среди населения с. Зырянского, распространял клеветнические слухи по отношению к руководителям партии и правительства, призывал к вооруженной борьбе с Советской властью. В группу якобы входили: Дратковский, Сахарук, Семешкович, Тихонович, Жуковский и еще два человека – всего семь человек. Цель группы – вести шпионско-диверсионную работу на территории Зырянского района. Георгий Романович свою вину не признал. Из села Зырянского его отправили 10 августа 1937 г., 18 октября 1937 г. принято постановление о его расстреле, а 4–5 ноября постановление приведено в исполнение. Моя бабушка, Ольга Семеновна, рассказывала, что во время первого ареста Георгий Романович подвергался пыткам: его били, не разрешали садиться, во время допроса свет от лампы направляли прямо в глаза, допросы длились всю ночь. Ольга Семеновна звала мужа уехать из Зырянского, но он не соглашался, так как верил, что невиновного нельзя в чем-то обвинить. Он разделял взгляды большевиков и собирался вступить в партию, был честным и исполнительным работником. Семья его жила рядом со зданием милиции по ул. Ленина. И пока отца не отправили еще в Томск, дети забирались на крышу сарая и звали: «Папа, папа!» Он показывался через решетки окна и махал им рукой, чтобы уходили. Его дочь Валентина, моя мама, до смерти помнила грустные глаза отца, наполненные слезами, его исхудавшее, небритое лицо. Моя бабушка ничего не знала о судьбе мужа, она ждала его всю жизнь, до самой смерти. Долгие годы она носила «звание» жены врага народа. На работу или не брали, или только на самую низкооплачиваемую. Старались унижить, в чем-то обвинить, смотрели с подозрением. На руках у нее остались три дочери, которые были детьми врага народа. Старшую за это не взяли на работу в суд. А средней, чтобы она не смогла получить красный диплом после окончания вуза, на госэкзаменах поставили «четверку», сказав прямо в глаза, что она дочь врага народа. После смерти Сталина пришла бумага о реабилитации дедушки, но правду о том, что его расстреляли, родные узнали только в 1980-е в архиве ФСБ...»¹.

У Валентины Карловны Гласковой, теперь уже бывшей жительницы с. Мишутина, поляком был отец – Карл Николаевич Санкевич. И участь, как у многих поляков в те годы.

¹ Воспоминание Татьяны Анатольевны Скобля // Архив Зырянского краеведческого музея.

К.Н. Санкевич. Фото 1930-х гг.

Рихард Някк – садовод райздрава. Фото 1936 г.

сы, чехи и даже эстонцы. Упоминаемые в разделе «Крестьянские репрессии» эстонцы Някк Густав Петрович и его сын Рихард были расстреляны как участники этой самой организации «ПОВ».

Семья Карла была сослана в Сибирь за польское восстание 1863 г. Были они людьми зажиточными. Валентина Карловна помнит, что видела фотографию, на которой бабушка была красиво одета и походила на барыню. «Карл родился в д. Игловск Томского района и почему-то рано ушел из родительского дома, – вспоминает Валентина Карловна. – Он очень бедствовал, но был обучен грамоте, закончил три класса. Переехал в Зырянку, где работал инспектором по налогам в райфинотделе. Много ездил по району на велосипеде. Потом переезжал из одной деревни в другую, работал секретарем в сельсоветах». Причину ареста отца в 1937 г. семья

так и не поняла. Конечно же, она была в его польском происхождении. Карла осудили на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Но через год он в лагере умер¹. Примечательно то, что репрессиям «по польской линии» подвергались не только поляки, но и люди других национальностей: русские, белорусы,

¹ Воспоминание Валентины Карловны Гласковой // Архив Зырянского краеведческого музея.

**ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Управление по Томской области

№ 1/10 от 20 октября 1995 г.

№ Д-81/10-П-2097
г. Томск

Томская область,
г. Троицкое,
ул. Заряная, 30
Лякин В.Г.

С П Р А В К А

Дана в том, что согласно материалам архивно-следственного дела Няки (Нли) Густав Петрович, 15 июня 1881 г.р., уроженец д. Тервалта Лифляндской губернии, Эстония, проживав в д. Верезовка Алейского района Новосибирской области, едущий/ник, был арестован 2 ноября 1937 года и необоснованно осужден "как активный участник контрреволюционной "Тольской" организации работников" по ст. 58-2, 10, 11 УК РСФСР.

Постановлением НКВД СССР 14 декабря 1937 года приговорен к ВМН - расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 декабря 1937 года в г. Томске.

Дело в отношении Няки Г.П. пересмотрено военным трибуналом СибВО 5 ноября 1957 года.

Согласно материалам архивно-следственного дела Няки Г.П. в 1918 году проживал в д. Верезовка Алейского района Новосибирской области. Имел кулацкое хозяйство: дом кирпичный-1, амбар, коровью надворную постройку, лошадей - 3, козак - 6, медвежьего скота до 30 гол., молозивку - 1, всякую - 1, конячку - 1, конные грабли - 1, лопку - 1.

В 1929 года лишен избирательных прав. Машину передана в колхоз, сельское хозяйство распродано за невыполнение государственных заданий".

На момент ареста в 1937 году факт конфискации имущества отсутствует.

Начальник подразделения

А.Д.Захаров

III. ДЕПОРТАЦИИ 1940–1950-х гг.

Новая волна репрессий в стране пришла на предвоенный 1940 г. и уже не прекращалась вплоть до смерти И.В. Сталина в 1953 г. Речь идет о такой форме репрессий, как массовые депортации (высылки) в Сибирь и Казахстан целых народов из мест своего прежнего проживания. С началом 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны и разделом между фашистской Германией и СССР поверженной Польши, а затем и вступлением в страны Прибалтики и на часть территории Румынии в 1940 г. советских войск начавшаяся там советизация «присоединенных территорий» в конечном итоге привела к массовым чисткам и депортациям в Сибирь огромного количества бывших польских граждан, прибалтов, молдаван и других «провинившихся» народов.

Если говорить о поляках, то уже в середине 1930-х гг. И. В. Сталин рассматривал поляков, проживающих на западных окраинах СССР, как «неблагонадежный элемент». В 1939 г. после присоединения западных районов Украины и Белоруссии в Сибирь и Казахстан стали выселять так называемых «беженцев» и «осадников». Польские осадники и беженцы – второй после кулаков большой отряд спецпереселенцев в Сибири. Осадниками называли бывших военнослужащих польской армии, у которых были земли в Западной Украине и в Западной Белоруссии. После вхождения этих земель в состав СССР их, приравняв к злейшим врагам СССР, стали высылать вглубь страны. Помимо них выслались и другие граждане бывшего польского государства, включая и беженцев из Польши после ее оккупации Германией, среди которых больше всех было евреев. Летом 1940 г. огромное количество этих людей было привезено в телячьих вагонах на территорию нынешней Томской области для размещения их по лагерям ТомАсинЛага и спецпоселкам для работы на предприятиях треста «Томлес». Согласно сведениям

УНКВД по Новосибирской области, в октябре 1940 г. спецпереселенцы с Запада расселялись по районам области. В Зырянском районе было 1260 семей, или 3439 человек, в Асиновском – 864 семьи, или 2480 человек, в Тегульдетском – 962 семьи, или 2968 человек, в Пышкино-Троицком районе – 184 семьи, или 936 человек. Это данные по районам Причудымья. Таким образом, согласно архивным документам их численность составляла 18,5 тыс. человек, из них около 6 тыс. человек нужно было разместить на территории Зырянского района. Но из-за очень плохих условий их переселили в другие районы. На 5 октября 1940 г. спецпереселенцев с Запада в Зырянском районе насчитывалось 3439 человек, или 1260 семей.

Режим спецпоселения для депортированных означал запрет на право выезда за пределы административного района расселения, нарушения строго карались. Расходы на содержание комендатур несли сами спецпереселенцы. Из зарплаты у них ежемесячно отчислялось около 10% на нужды комендатуры. Подавляющая часть спецпереселенцев была направлена на лесоразработки. В Зырянском архиве есть небольшая папка с уцелевшим списком спецпереселенцев ТомАсинЛага¹. Приказом по управлению ТомАсинЛага НКВД в октябре 1940 г. в Берегаевский ЛЗУ зачислялось 762 человека! Все фамилии нерусские. Приведем некоторые фамилии, в семьях которых было от двух до четырех человек: Шиф, Пороль, Шухендлер, Лернер, Маргульес, Фрак, Гифен, Шехер, Шер, Витчак, Вайнрайтер, Зайнраух и т.д. В списке беженцев сплавконторы треста «Томлес» 300 человек, фамилии почти все еврейские, изредка встречаются польские: Ежовские, Кузняцкие, Радзиковские, Кухарский и др. Казалось бы, что эти люди должны были, ненавидя эту систему, недобросовестно или откровенно плохо работать. Но в этих списках есть пометки: «к работе относится хорошо, не считается со временем» (И. Биренбаум, Л. Теренгольц, С. Стейнер). Есть другого типа пометки: «Удостоен звания ударника». Это С. Гляснер, Г. Коцол, Г. Янчук, В. Янчук. Среди них были не только рабочие, но и электрики, бухгалтер, экономист. Трудопоселенцев Симоновского ЛЗУ на 20.11.1940 г. числилось 99 человек, а на октябрь 1941 г. уже 230. Смогли ли эти заключенные вернуться на родину? Или их безымянные могилы заросли лесом? Жизнь в ТомАсинЛаге была очень короткой...

¹ Муниципальный архив администрации Зырянского района. Ф. 93. Оп. 2. Д. 3.

Однажды жизнь свела Светлану Федоровну Трипольскую, жительницу с. Берлинка, члена Союза журналистов России, с женщиной, история которой может многим показаться интересной. Вот что она записала: «Мое детство и юность прошли в Варшаве. Отец был врачом, мама умерла рано, меня окружали гувернантки. Этикет, язык, шарм – все начиналось с младых ногтей. Началась война, немцы вот-вот войдут в Варшаву, и мы бежим: евреи, поляки, и нам не препятствует такая великая держава, как красная Россия. Но потом что-то сработало. И нас огромным эшелоном везут в Запсибкрай. Мы оказались в пос. Лесозавод Зырянского района. Мне 19 лет. И я, еврейская Розочка Гиршман, иду вместе с другими на лесоповал. Это я, окончившая гимназию! Это я, жившая в Варшаве в Краковском предместье, неподалеку от памятника Адаму Мицкевичу. Я обрубаю ветки тяжелым топором, и ладони мои обмотаны грязными кровавыми тряпками и черны от смолы. Но я верю, что все эти испытания временные, ведь мы с отцом совершили паломничество в Иерусалим, и там, у священной для каждого еврея Стены Плача, я написала Богу свою сокровенную просьбу – дать мне разум, долгую жизнь и красивую любовь. Работать заключенные не хотели и не могли. А после того, как было объявлено, что всем будут выданы российские паспорта, поляки и евреи решили поднять восстание. Был создан национальный комитет, который возглавил мой отец. Местное население делало нам тележки за шубы, утварь, а то и за золото. И вот, погрузив маленьких детей, мы пошли по разбитой дороге к райцентру. Шли долго, километров сорок, ночевали в тайге. Мы были уверены, что добьемся справедливости, пели «Марсельезу». Но из Асина были уже вызваны стрелки, которых никто и не заметил. А когда раздались автоматные очереди и все увидели солдат, то кинулись бежать, бросив свой скарб на дороге. Стреляли по верх голов, но я бежала быстрее всех. Поэтому и не заметила, как забиралась в тайгу все дальше и дальше. Сколько скиталась, питаюсь лесной пищей, – не помню. Только однажды очнулась в помещении, на теплой лежанке. У стола сидел крепкий бородатый мужик и чистил ружье, а я хотела пить и есть, но не знала, как попросить. Он подошел сам и заговорил на немецком языке, повергнув меня в ужас. Оказалось, что он лесник. Сказал, что на Лесозаводе все нормально – лес рубят, дрова пилят. Вот только руководитель комитета застрелился, и все долго искали его дочь. Мне выходить из избушки не советовал. Он оказался такой же немец, как я полячка. Звали его

Сарвар. Когда я поправилась, он сложил в мешок шкуры соболей и норок и ушел на лыжах в Зырянку. А через неделю я держала в руках советский паспорт – то, чего так боялся отец, обернулось для меня спасением. Так на долгие годы я стала татаркой Розой Сарваровой Батрагареевой. Где-то далеко шла война, а здесь я была счастлива. Жизнь после отца одарила меня еще одним настоящим мужчиной. Мне было двадцать, ему – сорок два года... Лесник Сарвар на самом деле оказался Володей. То, как он ел, как перелистывал страницы книг, его осанка, его тактичность и жертвенность выдавали его происхождение. Тайга, речка Четь, лежневки, проложенные руками и спинами политзаключенных, узкоколейки и ... лагеря, лагеря. Когда вырубленный лес редел, еще молодых и сильных переводили на новое место, строились новые бараки, а вымотанных, надорвавшихся оставляли «охранять» старую зону. Закопанные кое-как во рвах, они прорастали земляникой и малиной. «Смотри, Роза, запоминай, когда-нибудь расскажешь своим внукам об этом российском позоре», – говорил Володя. И вот наступил 1945 год. Война еще не кончилась, но польский Красный Крест не забыл своих подданных. Володя вернулся как-то домой возбужденный: «Ну вот, будем прощаться, твоя Варшава уже два месяца ликует и поет». Мы попрощались с Тонгульским лесным кордоном. Ночью пришли на Лесозавод, на могилу отца. Война закончилась с внешним врагом, а лагеря наполнялись внутренними врагами. Володя сказал мне: «У вас, мадам, увы, не татарский профиль. Не будет врагов – найдут». И мы уехали в Красноярский край, где Володя снова работал лесником, где мы построили дом и почти не расставались. На мою красивую любовь, которую я когда-то выпросила у Бога, было отпущено короткие двадцать лет. Володя ушел из моей жизни также неожиданно, как и пришел. А я уехала в город и стала советской служащей». Роза давно жила только тем, что долгими ночами в полусне видела себя в Варшаве, а в краковском предместье, где на углу Трембацкой, ждал ее Володечка...¹ Местные жители рассказывали, что родственники погибших в лагерях ссыльных приезжали в 1990-е гг., выкапывали на лесозаводском кладбище останки дорогих им людей и увозили их на родину.

С приходом в 1940 г. в Прибалтику Красной армии и последующего так называемого добровольного присоединения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР здесь вскоре были установлены такие же

¹ Долинина С. Подожди меня на углу Трембацкой... // Хакасия. 2000. № 158. 23 авг.

порядки, что и по всей территории Советского Союза. 14 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли Постановление «О выселении социально-чуждого элемента из республик Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии». В Прибалтике устанавливался советский режим. В условиях военной обстановки Советское правительство стремилось в короткие сроки навести в крае порядок. Одним из таких путей виделся и путь через депортацию всех альтернативных советскому режиму сил. Последовала спешная депортация. В основном это были антисоветские и «социально чуждые» элементы: бывшие жандармы, полицаи, офицеры, помещики, фабриканты и другие категории граждан. Депортированное население из Прибалтики выселялись на 20 лет с поражением в гражданских правах. В 1952 г. их перевели на положение спецпереселенцев без права покидать установленное государством место жительства.

С началом Великой Отечественной войны многие тысячи советских немцев внезапно для себя оказались в роли подозрительного контингента, а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа о ликвидации Республики немцев Поволжья и массовой высылке всех этнических немцев с их прежнего места проживания в Сибирь и Казахстан и вовсе сделал их изгоями в собственной стране. Впрочем, гонения на немцев в СССР были и раньше. В начале 1930-х гг. в период коллективизации выселялись немцы-кулаки как «злостно антисоветский элемент». В 1936 г. из пограничной зоны вдоль советско-польской границы было выселено 45 000 немцев. **Валентина Ивановна Циммер (Заворохина)**, жительница г. Томска, позвонила в Зырянский музей, чтобы рассказать историю своей семьи. Ее предки жили в Польше, а в 1890 году купили 50 га земли у помещика в Житомирской области на Украине. Главой семьи был Фердинанд Трепто, а в семье ни много ни мало – 10 детей. В 1914 г., с началом Первой мировой войны, немцев стали выселять на Волгу, в Самару, но в 1917 г. им разрешено было вернуться в свою деревню Фасова Рудня. Построили дома, развели немалое хозяйство. В 1928 г. арестовали сына, Павла Фердинандовича, и выслали. Через два года он вернулся, но у семьи уже было предписание на высылку. Павлу в то время исполнилось 59 лет, а потому его не выслали, в ссылку отправлялась его жена, которой было 50 лет, и двое младших детей. Старшие работали в колхозе и не были высланы. Но как отец мог бросить их? Конечно, они отправились все вместе. С ними поехал и сын Юлиус. Они оказались под Томском в июне 1930 г. До Том-

ска ехали три недели в закрытых на замок вагонах, выпускали только одного вынести ведро. По прибытии работали на разгрузке вагонов, на лесозаготовке, а поздней осенью этапом были отправлены в Мариинск, куда шли целых пять дней. Во второй половине 1930-х годов потоками шли по сибирским трактам ссыльные немцы из Украины. Они были плохо одеты, замотаны тряпками – климат в Сибири известно какой. Дочь Павла Грита, которой было 13 лет, во время этого перехода обморозила ноги. Тех, кто не мог идти дальше, оставили в Тонгуле на целый месяц. Через Тонгул каждый день шли новые обозы. Семья Трепто поселилась в пос. Сибиряк, что находился в 20 километрах от пос. Берегаево и входил в структуру Зырянского леспромхоза. Павел в Берегаево купил амбар и баню, туда и перевез семью. Зиму прожили в амбаре. В Украине в то время начался голод, и к отцу, в далекую Сибирь, приехали семьи двух дочерей Павла – Ольги и Натальи, для которых отец купил на корню огород с картофелем и овощами. У Натальи в дороге умер сын. В 1933 г. она смогла купить домик, а семья Ольги долго жила в амбаре. 15 декабря 1937 г. забрали по линии НКВД мужа Ольги Циммера Вильгельма Августовича, мужа Натальи Гефке Павла и Юлиуса Трепто. Были они рабочими Зырянского ЛПХ из пос. Интернационал Тегульдетского района. Все расстреляны. А потомки их вышли замуж и женились на русских, растворившись в русском этносе.

С началом войны из армии стали убирать немцев, призванных на военную службу. Большинство из них были уволены из рядов РККА к концу 1941 г. Их отправляли к своим депортированным семьям, но кто-то попал в лагерь. В Симоновку прибыло около 200 немцев, которые строили лежнёвку (обледенелую дорогу из бревен) и по ней таскали лес к реке (часто на себе). В 1942 г. лагерь свернули, а немцев отправили в Казахстан. Девчонки, которые были в них влюблены, поехали за любимыми следом¹. Тотальная депортация немцев из Поволжья (АССР НП) по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. прошла в основном в первой половине сентября 1941 г. В нем говорилось, что среди немецкого населения десятки тысяч диверсантов и шпионов. Брать с собой разрешали только личные вещи и мелкий инвентарь. Основная масса российских немцев была переселена в Сибирь с сентября 1941 г. по январь 1942 г. Это были не только немцы Поволжья, но и Ростовской области и из Краснодарского края. На 01.01.1950 г. треть переселенцев в Томской области

¹ Рассказала С.Ф. Трипольская // Архив Зырянского краеведческого музея.

составляли немцы! Общее число немцев в середине 1950-х гг. составляло в области 54247 человек.

Немецкий язык стал считаться языком фашистов, за разговор на котором депортированные подвергались наказаниям, избиениям, унижениям. Следствием этого было стремление многих немцев скрыть свою национальность, сменить фамилию, записать своих детей русскими. Девушки-немки нередко выходили замуж за русских, только чтобы получить русскую фамилию. И порой, взяв фамилию мужа, быстро разво­дились. Даже по прошествии стольких лет несколько человек отказались рассказывать свои истории, потому что вокруг забыли кто они, у них русские фамилии, и они не хотят ворошить прошлое. А те, кто решился поведать свою историю, делали это очень осторожно и скуп­о. Их приучили не говорить лишнего нигде и никогда. Существование в чуждом этническом окружении привело к утрате у многих из них род­ного языка, оказав негативное влияние на образовательный и культур­ный уровень. И все же у каждого из них была своя история, своя трагедия, свой взгляд на пережитое...

Вильмар Яковлевич Тессман, 1929 г.р., с супругой Екатериной. Жителем с. Громышовка стал в 1941 г. Сейчас он живет в Германии, но связи с сибирским селом никогда не утрачивал. Фото 1957 г.

«В начале 1936 года, ночью, был арестован мой отец. За что, я до сих пор не знаю, – рассказывает **В.Я. Тесман**, – При воспоминании о нашей последней встрече у меня долгое время катились слезы по

щекам. Я уже спал, но проснулся от шума и увидел трех мужчин в черных кожаных пальто, стоявших у входа в комнату и вполголоса говоривших с родителями. О чем шла речь, я понять не мог и снова уснул. Утром спросил: «А где папа?» «Он скоро вернется», – сказала мама. Но он не вернулся, а мама узнала, что он в тюрьме в г. Нальчике. Получив разрешение на свидание, мы поехали к отцу. Его вывел конвоир, и родители тихо о чем-то разговаривали, но вскоре раздался зычный голос конвоира: «Свидание окончено!» Я смотрел вслед, пока отец не скрылся. Мы более полутора лет жили надеждой на возвращение отца. Но вот письмо, посланное ему мамой, вернулось, а на конверте красными жирными буквами было написано: «умер». Мама осталась с тремя детьми. Этой осенью я пошел в школу. Бедность была до нищеты. Но я приносил из школы похвальные грамоты. Детство мое было бурным, я никогда не унывал и имел пятерых друзей: двое русских, один немец, один грузин и один черкес. Никто не мешал нам дома говорить на родном языке «Hochdeutsch». Если бы не отсутствие отца, я был бы самым счастливым мальчишкой в округе. Шел 1941 год. Было объявлено: «Вечером всем явиться на пустырь, где будут делать переключку. Мне был присвоен номер 678. Наша четырехэтажная школа стала военным госпиталем. Чувствовался недостаток учителей, и не стало порядка. В конце сентября объявили, что нас будут выселять, но куда – никто не знал. Выехали мы из Пятигорска пятого октября, а прибыли на место «вечной ссылки» пятого ноября. Из села Громышовка, где мы оказались, почти все мужчины были уже на фронте, а вернулось после войны только четыре человека. Не было ни одежды теплой, ни обуви, ни продуктов, ни денег. Да и полки сельмага были совершенно пусты. Моя мама совсем приуныла и молила Бога о смерти. Наверное, он услышал ее молитву, и мама умерла весной 1942 г., наколол в поле подошву ноги. Я остался совершенно один, так как старших брата и сестру выслали в Казахстан. Обращаюсь к читателям, у которых еще живы пожилые родители: не огорчайте их, дарите им радость и создавайте человеческое тепло. В изданиях русско-немецких эмигрантов часто раздаются голоса: «Во всех бедах нашего народа виноваты Россия, Советы, коммунисты и даже простой народ». Надо быть реалистом и понимать, что все произошедшее – издержки двух мировых войн. Это война уничтожила республику на Волге, которую ранее узаконила Советская власть. Война согнала народы на бойню, война загнала нас в Сибирь, война лишила народы родных мест. Солжени-

цын сказал: «Родина у всех одна». Зачем чернить страну, где мы родились, работали, растили детей, где лежат в земле наши предки. Многих из нас уважали и ценили и как работников, и как нацию. Стоит ли обижаться на старушку, у которой погибли пять сыновей и муж, если она назовет нас фрицами?»¹

Р.С. Осиротевшему мальчишке, которого звали по-русски Валентин, стала помогать соотечественница Екатерина Тевс, сосланная тоже из Пятигорска. Валентин закончил курсы пчеловодов, а позже – трактористов. И вот его нашла сестра Мария. Она приехала в 1951 г., устроилась медсестрой в медпункт в Васильевке, и Валентин переехал к ней. В деревне он подружился с семьей Анастасии Ивановны Абрамовой, помогал ей в заготовке дров, сена, за что она угощала Валентина пышным караваем, испеченным на капустном листе. Юноша женился на дочери Екатерины Тевс, тоже Екатерине, и в 1961 г. они уехали в Киргизию, а в 1990-е гг. выехали в Германию. Но все годы его семья поддерживала связи с Зинаидой Герасимовной Шеховцовой, дочерью А.И. Абрамовой. Это ей, подруге своей юности, гражданин Германии прислал стихи о родине, о России:

У России моей берега выростали крутые,
По огромной реке я плыву без войны и с войной,
У России моей косы были и есть золотые,
А любовь на замке. Ты попробуй замок тот открой.
Как любили тебя все твои уходящие дети,
Расставаться с тобой приходилось у разных дорог,
Золотая моя, снись нам чаще всего на рассвете,
А дорогу домой пусть укажет всевидящий Бог.
О, Россия моя, твоя шаль на плечах у рассвета,
А букеты твои отцветали и снова цвели,
И, наверно, не зря ты в такие одежды одета:
Розы красные – кровь, розы белые – слезы земли.

Житель села Беловодовка **Райнгольд Эмильевич Иккерт**, 1935 г.р., тоже с Кавказа. Он рассказал следующее: «Наша семья жила на Кавказе, станица Горячевская, улица Саманная. Когда началась война, велено было за сутки собраться. Нас у отца было много детей. Погрузили в вагоны – и в путь. Кое-как доехали до Куйбышева, поезд бомбили, оторвало 4 вагона. На станцию Асино привезли в ноябре 1941 г. Вышли, холод лютый, одежонка плохая, народу ви-

¹ Из воспоминаний В.Я. Тессмана. 2013 г. // Архив Зырянского краеведческого музея,

димо-невидимо, шум, крик, плач и стенания... Шло распределение кого куда. Отдельного жилья не было, подсаляли в семьи, условия были крайне тяжелые. Гоняли туда-сюда, тесно, скученно. За эту зиму наша семья схоронила четырех младших детей! Потом дали дом, но он был без крыши. Отец нанял быка и возил на нем солому, дом накрыли и кое-как перезимовали. Отца взяли на фронт переводчиком, так как он знал несколько языков. В 1943 г. он вернулся раненый, но все равно много работал: делал бочки, выделывал кожи. Я в 1962 г. решил уехать на родину. Но отцово имущество не вернули, прописки в Ставрополье не было: ни жилья, ни работы. В 1967 г. вернулся, так и живу здесь, сибиряк поневоле»¹.

Раиса Иосифовна Шнайдер историю репрессированных немцев знает не понаслышке. Она вышла замуж за немца и долгое время жила с его родителями. Иногда вечерами они вспоминали свою родину, свой дом, рассказывали о своей жизни. Она слушала и думала о своем. О том, что и ей жизнь выпала не очень сладкая, что она тоже из семьи репрессированных, только не немцев, а кулаков. «Семья моего свекра, Адама Ивановича Шнайдера, – поведала Раиса Иосифовна, – была родом из Ставропольского края села Константиновка. Он имел большой дом, который построил своими руками. Поскольку он не прибегал к найму работников, то его в свое время не раскулачили. В 1941 г. его, жену Лидию Александровну и троих детей выслали в Томскую область. Перед депортацией они упаковали вещи и подняли их на крышу дома. Думали, что когда вернуться после войны, то будут жить как прежде. У них была старшая дочь, которая вышла замуж за русского, носила русскую фамилию, а потому ее не сослали вместе с родителями. Но когда пришли немцы, то Софью с двумя детьми угнали в плен в Польшу, муж погиб на войне. В 1944 г., с приходом советских войск, она смогла вернуться домой, но дом уже был совхозный, а вещи и посуда, бережно поднятые на крышу, лежали на прилавке магазина. Ссылные Шнайдер попали в деревню Павловка. На постой их определили к Федору Краснову, домик которого был маленький, ютились кое-как. При такой скученности жили, наверное, тихо ненавидя друг друга. Несмотря на то, что работали, есть было нечего, и сын Петр, 1935 г.р., умер от голода в восьмилетнем возрасте. Позже семья получила жилье в доме, во второй половине которого была кузница. У них же в комнатке вдоль стен были нары, а дети спали на полу. Старикам до самой смерти снился их большой дом с

¹ Из воспоминаний Р.Э. Иккерт. 2010 г. // Архив Зырянского краеведческого музея.

садом, в углу которого росла высокая груша, а аромат ее цветения весной разливался на всю округу. Но никогда ни слова упрека в чей-то адрес, никаких жалоб, никаких обвинений. Они боялись. Страданий хватило. Особенно издевалось начальство. Когда сын Яков вырос,

Яков Шнайдер. Фото 1950-х гг.

русской, построил дом и взял стариков к себе. В 1966 году мы ездили к нему на родину. Яков с сестрой Софьей ходили к директору совхоза. Тот сказал: «Пожалуйста, оставайтесь. Работа будет, в очередь на жилье поставим. Но есть одно условие: вы напишите заявление, что не имеете к совхозу никаких имущественных претензий». А Яков свой дом узнал, хотя ему при высылке было всего четыре года. Узнал по старой груше в углу сада...»¹.

Супруги Шнайдер.
Фото 1950-х гг.

¹ Воспоминание Раисы Иосифовны Шнайдер // Архив Зырянского краеведческого музея.

ОТДЕЛ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Административного управления
Зырянского района
Иркутской области
Иркутск

С П Р А В К А

20.05.92
Дана в том, что гр-н Шнайдер Адам Иванович 1883 года рождения, уроженец Ставропольского края Горячеводского района с.Константиновка, немец, действительно находился на учете спецкомендатуры Зырянского РОВД Томской области с 1941 года по февраль 1956 года. Снят с учета на основании Указа ПВС СССР № 129/23 от 13.12.55 года

умер 1964 - 8 февр. 1964

Основание: архив РОВД.

и.о. Начальника Зырянского РОВД
Томской области
майор милиции

А. Раттахов
А. Раттахов/

ОТДЕЛ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Административного управления
Зырянского района
Иркутской области
Иркутск

С П Р А В К А

20.05.92
Дана в том, что гр-ка Шнайдер Лидия Александровна 1886 года рождения, уроженка Ставропольского края Горячеводского района с.Константиновка, немка, действительно находилась на учете спецкомендатуры Зырянского РОВД Томской области с 1941 года по февраль 1956 года. Снята с учета на основании Указа ПВС СССР № 129/23 от 13.12.55 года

умерла 1968-21с

Основание: архив РОВД.

и.о. Начальника Зырянского РОВД
Томской области
майор милиции

А. Раттахов
А. Раттахов/

В деревню Павловку были сосланы еще две семьи немцев: Мария Райхер с дочерью Эльвирой и Анна Реймер с четырьмя детьми. Муж Анны на Кавказе имел конеферму, где выращивал племенных рысаков, за что был раскулачен и сослан на Колыму. В Павловке Анна умерла от голода в 1942 г., и дети остались одни. Как они выжили, что пережили – всего не расскажешь. Их отец после войны освободился, разыскал своих детей и приехал к ним в Павловку. Отношение к немцам было негативное, презрительное, одна старуха все говорила: «Оне – хрицы!»

Анна Корнеевна Реймер (1894–1942) и Франц Яковлевич Реймер (1892–1964).
Похоронены в Павловке. Дети: Валентин и Яков. Фото 1924 г.

Сестры Итерман. Фото 1960-х гг.

Жительница с. Зырянское **Лилия Гербертовна Щеголева (Итерман)** рассказала о своей семье следующее:

«Предки моих родителей приехали в Россию по приглашению императрицы Екатерины Второй, которая позвала образованных немцев послужить России. Родители жили в с. Николаевка Новоград-Волынского района Житомирской области. Работали они у помещика. Мама, Августина Иоановна, доила коров, а отец, Герберт Эмельянович, ухаживал за лошадьми. Мне было только пять лет, когда началась война, но в память врезались страшные моменты тех лет. Отец уже работал путейцем, мы жили в большом кирпичном доме, который стоял прямо около дороги. По шоссе грохотали танки, пехота шла через всю деревню. И вдруг – налет немецкой авиации, началась бомбежка! Мама схватила нас, четырех детей, увела в деревянный домик на краю села, затолкала всех под кровать и закрыла перинами. Истребители издавали настолько жуткий вой, что он до сих пор стоит в моих ушах. Ужас сковывал маленькое детское

сердце, мы зажимали уши ладонями, не зная чего ждать. Солдаты бросились в сад, в надежде укрыться под деревьями. Но бомба попала именно в сад и задела наш дом, нас всех завалило под обломками. Меня ранило в голову, а старшую сестру в бок. Остались мы без жилья, без имущества, поэтому перебрались в другое село. С обеих сторон то наступали, то отступали, снаряды летели с разных сторон. Однажды началось наступление немцев, нас родители запихали в подпол, туда же поместили раненого русского солдата. Жители села решили уйти вглубь России, подальше от военных действий. Обоз уже двинулся в путь, но группа мотоциклистов преградила нам дорогу. Немецкие войска вторично заняли деревню. В 1943 г. началось отступление противника, и они угнали с собой российских немцев. А дальше были Польша, Чехословакия, где мы останавливались в опустевших помещичьих усадьбах. Наконец нас привезли в Германию, в городок Шкёлен, разместили в здании детского сада. После войны часть города оказалась в зоне американской оккупации, а часть – в советской. После Победы все российские немцы в советской зоне оккупации стали изменниками Родины, включая детей. Их отправили назад, в СССР. Но своей родины мы уже никогда не увидели. Адрес был один: Сибирь. В скотских вагонах, под прицелом автомата, составы прибывали в декабре 1945 г. на станцию Асино. Зима в тот год выдалась лютая. Люди без теплой одежды выходили в морозный дым, и снова ужас сковывал их сердца. Нас отправили на телегах в Берегаево для работы в леспромхозе. Поместили в бараке со сплошными нарами, каждая семья отгораживалась простынями и другим подручным материалом. Старшей сестре было всего 14 лет, но ее отправили на лесоповал сучкорубом. Потом она работала на сплаве, где босыми ногами заходили в ледяную воду, сталкивая бревно в русло реки. Ничто не проходит даром, она теперь лежит больная, так как отказали ноги и позвоночник¹. Отец опять работал конюхом, благодаря ему семья выжила, и никто не умер с голода. Старший конюх тайком давал отцу по горстке овса, из которого варили кашу. Мы до сих пор дружим с этой семьей. Мама шила людям на машинке «Зингер». Шло время, отец построил дом, родилось еще двое детей, но мы оставались «фашистами»,

¹ Пока собирался материал для этого издания, она умерла.

а в Германии мы были «русские свиньи». Дети обзывались, и я яростно дралась с ними, пытаюсь доказать, что мы не враги. После окончания школы мне очень хотелось поступить в педагогический институт, но у меня даже документы не приняли! После реабилитации нашего народа я все-таки получила образование. Мы, три сестры, стали учителями немецкого языка, хотя даже дома по-немецки дети не разговаривали, боялись. Меня распределили на работу в Зырянское, и я всю семью переманила сюда»¹.

Роза Лаврентьевна Монгайзер, 1923 г.р., большую часть жизни прожила в селе Шиняево.

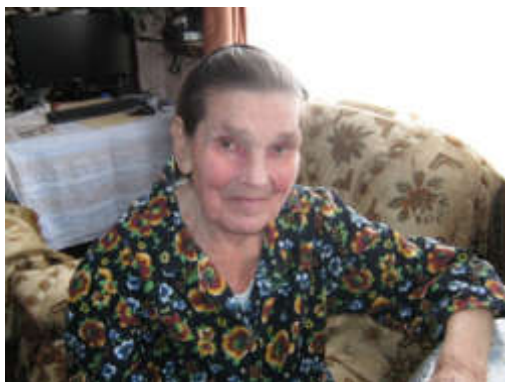

Сестры Роза и Екатерина Монгайзер. Фото 2009 г.

«Наша семья жила в Саратовской области в селе Гебельс, – вспоминает Роза Лаврентьевна, – мама, Екатерина Кондратьевна Митших, 1895 г.р. Отца звали Монгайзер Лаврентий Кондратьевич. В 1938 г. его взяли в трудармию для работы на шахтах Кемеровской области, он даже не узнал, что у него родился сын. Только после перестройки мы узнали, что отец умер на шахтах в 1943 г. от болезни крови. А мы переехали в Ростов. С началом войны нас, маму, меня и сестру Екатерину, отправили в Сибирь. Несколько семей попали в

¹ Из воспоминаний Л.Г. Щеголевой. 2013 г. // Архив Зырянского краеведческого музея.

с. Шиняево, откуда меня увезли в Новосибирск для работы на военном заводе, где мы делали снаряды. Мы, молодые девушки, стояли рядом с мужчинами и работали как мужчины. После войны меня привезли назад, в Шиняево. Мы, немцы, были под спецкомендатурой, но сами не ходили отмечаться, к нам приезжали и всех поголовно пересчитывали. Куда же мы могли деться при всем желании? От надзора невозможно было скрыться! С 1946 по 1956 г. я работала на свинарнике, а сестра Катя дояркой. Когда свиноферму закрыли, работала где попало разнорабочей. Отношение местного населения к нам было хорошее, им не на что было обижаться, так как мы работали как ломовые лошади. А замуж я вышла за председателя сельсовета Якушина и прожили мы с ним до 1980-х годов, пока он не утонул. А вот детей Бог не дал. Свекровь все говорила, чтобы мы взяли из детдома, но муж не хотел. Жизнь моя прошла в беспросветной работе, особо и нечего вспомнить»¹.

А вот другая история, рассказанная жительницей с. Зырянское **Валентиной Карповной Боровиковой (Бервальд)**, 1933 г.р.: «Я родилась на Кавказе, в городе Эссентуки Ставропольского края. Отец разошелся с мамой и меня с братом Сашей

взял к себе. Однажды, осенью 1941 г., мы остались одни, а папа с мачехой куда-то уехали. Утром за нами приехала машина. Что мы, дети, должны были понять? Я плакала от испуга. И вот нас, малых детей, погрузили с мешками и привезли на перрон. Народу видимо-невидимо, кто-то кого-то зовет, крик и плач. А мы сидим, как два воробья, на мешках, крутим головой и не понимаем в чем дело. Я хотела убе-

¹ Воспоминание от 2009 г. Розы Лаврентьевны Монгайзер. Умерла в 2010 г. // Архив Зырянского краеведческого музея.

жать к маме, но брат не разрешил. И вдруг подошел брат отца: «Детки, а где ж Карпо?»

– А мы не знаем.

– Да как же вы одни?

– Не знаем...

Он взял наши мешки, а мы бежали за ним как щенята. Оказались все в скотском вагоне, где уже находились три брата отца: Федор, Константин и Александр. Здесь мы успокоились. Доехали до станции Пухово. Тут началась бомбежка и вздыбилась земля. Состав был раскурочен и спереди, и сзади, а мы посередине, как на кочке. Когда началась бомбежка, все люди выскочили из вагона, а мы не смогли спрыгнуть, было очень высоко. Брат придавил меня мешками, один из них пробило, и тонкой струйкой потекла мука. Я брала ее пальчиками и ела. Было очень голодно. Потом я осторожно выползла, гляжу. А на проводах висят голова, руки... Спрашиваю брата. А он говорит, что это люди. Когда путь восстановили – покатали дальше. На какой-то станции входит конвоир и спрашивает: «Есть тут дети Бервальд? Батька ваш нашелся, под конвоем привели!». Мы бросились к нему: «Папа, папа!». Эшелон прибыл в Асино, все долго сидели на перроне. Наконец прибыли подводы, и нас привезли то ли в Семеновку, то ли в Цыганово. Не помню, мала была. Поселили у стариков, где мы почти все время сидели на полатах. Сколько так прожили – не знаю. Отец устроился на Мотофлот пилить доски, а в январе 1943 г. его забрали в трудовую армию в г. Сталинск (Новокузнецк). Мы же с тетями поехали на Лесозавод. В то время там было много ссыльных немцев, евреев, поляков. Там я водилась с дочкой моей тети Груни. В школу она меня не пускала, но я разбивала окно и убегала. Ребенка я таким образом застудила, и он умер, за что тетя выгнала нас из дома. Мы ушли в барак, где было страшно холодно, а веточками натопить не удавалось. Решили мы пойти ночевать в баню. Но одна сердобольная женщина (Вяльцева) не позволила. Нельзя, мало ли что! Она вымыла нас и взяла к себе, а у нее своих было десять детей! Так мы и жили, пока не вернулся отец. Ему вагонеткой раздавило низ туловища, от чего он очень страдал. Отец стал пасти овец, а я вместе с ним в 10 лет начала работать. В 13 лет я уже взяла группу телят, но нигде не осталось об этом никакой записи, эти годы не вошли в трудовой стаж. В 1948 г. переехали в Симоновку. Там я вышла замуж, родилось трое детей. С 1969 г. стали жить в Зырянском, жизнь продолжалась...»¹

¹ Воспоминания Валентины Карповны Боровиковой (Бервальд) // Архив Зырянского краеведческого музея.

Энгель Иосиф Иосифович, сослан из с. Гаттунг Унтервальдского р-на Саратовской области в 1941 г.
В 1950 г. сослан навечно на рудники Якутской АССР.
В 1956 г. приехал в Зырянский район

Тропман Иван Иванович, сослан из г. Ессентуки в 1941 г.
Фото 1983 г.

С окончанием в 1945 году войны с фашистской Германией в СССР стали насильственно возвращать тех граждан СССР, кто оказался в силу разных обстоятельств в странах Европы. Так, за 1945 г. на территорию Томской области было доставлено 4387 репатриированных немцев. В Зырянском районе в 1953 г. числилось 393 немца-спецпереселенца. Немцы стали первым депортированным народом, освобожденным от спецпоселения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. Но им запрещено было возвращаться в места довоенного проживания, и не было никакой денежной и натуральной компенсации за конфискованное имущество. 1956 г. считать переломным в жизни советских немцев, так как для них был отменен унижительный комендантский надзор, разрешено свободное перемещение по стране.

Свадьба Преис Александра и Дуговой Анастасии. Фото 1953 г. Трое справа: Преис Матильда, 1911 г.р., с сыновьями Александром и Виктором. Сосланы в 1941 г. из г. Ессентуки. Трое слева –Дугови: Анастасия Степановна, 1934 г.р., Анастасия Фоминична, 1906 г.р., и Иван Степанович, 1927 г.р. Были высланы из с. Богословка в 1932 г.

В 1944 году на территории Томской области оказались представители ещё одного «наказанного народа» – калмыки. В их судьбе роковую роль сыграло ложное обвинение всех калмыков без исключения в поголовном соотрудничестве с гитлеровцами. В 1942 г. часть территории Калмыкии была оккупирована германскими войсками. Там был создан Калмыцкий кавалерийский корпус, который вел борьбу с партизанским движением на Украине и в Польше. Этого было достаточно, чтобы наказать весь многотысячный калмыцкий народ. 27 декабря 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР...». В 1944 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР выселялись из Калмыкии все её коренные жители. На 1 октября 1944 г. в Томской области было размещено 1942 спецпереселенца-калмыка. Из их чис-

ла только небольшое количество были признаны пригодными для работы в лесной отрасли, остальные были нетрудоспособными. Люди были раздеты и разуты, они оказались совершенно беспомощными в суровых сибирских условиях и не подготовлены к продолжительной холодной сибирской зиме. Многие ходили босыми, в ободранных одеждах и стояли на грани смерти. Мало кто из них пережил те страдания. Чтобы поддержать их, в 1945–1946 гг. калмыки освобождались от обязательных поставок государству сельхозпродуктов, от уплаты сельхозналога и подоходного налога. Спецпереселенцам-калмыкам решением Томского облисполкома от 02.06.1945 г. выдавался крупный рогатый скот. Руководителей хозяйственных организаций, в которых работали калмыки, обязывали скот обеспечить стойловыми помещениями и оказывать содействие в заготовке кормов на 1945–1946 гг. В Зырянском районе в 1946 г. проживал 31 спецпереселенец-калмык. Им было выдано в июне 1945 г. восемь коров. В 1953 г. в районе числилось только семь калмыков-спецпереселенцев. А когда в 1957 г. автономия калмыцкого народа была восстановлена, то практически все выселенные калмыки и их потомки, родившиеся в ссылке, возвратились на родину.

С окончанием в 1945г. Кровопролитной войны с фашистами начался новый виток депортаций в Сибирь людей с освобожденных территорий Западной Украины, Белоруссии, прибалтийских территорий. Так, с лета 1945 по 1952. на основании распоряжения Л.П. Берии от 16 апреля 1945г. и Постановления Правительства из Литовской ССР было произведено выселение «семей бандитов и националистов», а также пособников бандитов – кулаков с семьями. Литва из прибалтийских республик пострадала больше других. Там выселялись все совершеннолетние члены семей и их близкие родственники, проживающие совместно. Несовершеннолетние и нетрудоспособные должны были следовать к месту выселения со своими родными. На 1 июля 1948 г. в Зырянском районе числилось 40 семей литовцев (138 человек).

Один из них – Ионас Стасявичус – был в то время ребенком, учился в школе пос. Торба. Он написал в музей, что до сих пор светит солнце его деревни, где такие красивые места, где он со сверстниками знал все лесные тропинки и рыбные озерки. Детство везде детство. У взрослых же работа да забота. Да еще жизнь на чужбине.

**Список депортированных литовцев в 1947 г.
в поселок Лесозавод Зырянского района ТомАсинЛага
НКВД СССР**

1. Бронюс Стасявичус, 49 лет, семья из 6 человек, 4 детей
2. Соломея Гритенене, 59 лет, семья из 6 человек, 4 детей
3. Иозас Ужжурайтис, 67 лет, семья из 2 человек
4. Она Кудрейкене, 26 лет, семья из 2 человек, 1 ребенок
5. Ионас Стокас, 50 лет, семья из 3 человек
6. Бронюс Тваска, 37 лет, семья из 3 человек, 1 ребенок
7. Ирена Ринкявичене, 24 года, семья из 2 человек
8. Екатерина Лапенене, 38 лет, семья из 2 человек, 1 ребенок
9. Алексас Даукас, 66 лет, семья из 2 человек
10. Пранас Вайтекунас, 61 год, семья из 5 человек
11. Морта Ряубене, 55 лет, семья из 4 человек
12. Иозас Машаускас, 61 год, семья из 7 человек, 3 детей
13. Петрас Пакштас, 42 года семья из 5 человек, 3 детей
14. Констанция Тамошюнене, 60 лет, семья из 3 человек
15. Иозас Зуоза, 70 лет, семья из 2 человек
16. Она Аленчикене, 59 лет, семья из 4 человек, 1 ребенок
17. Бируте Сперскене, 66 лет, семья из 5 человек, 1 ребенок
18. Ионас Раманаускас, 40 лет, семья из 2 человек
19. Вероника Лапенене, 69 лет, семья из 5 человек, 2 детей
20. Пранас Будрейка, 57 лет, семья из 5 человек, 1 ребенок
21. Казимира Спургене, 50 лет, семья из 2 человек
22. Вероника Станкевичене, 51 год, семья из 7 человек, 5 детей
23. Винцас Руткаускас, 65 лет, семья из 8 человек, 4 детей
24. Альфонсас Сташис, 52 года, семья из 5 человек, 3 детей
25. Игнас Раманаускас, 57 лет, семья из 6 человек, 3 детей
26. Полония Ринкявичене, 56 лет, семья из 5 человек
27. Емилия Тваскене, 56 лет, семья из 7 человек, 4 детей
28. Маре Сметонене, 59 лет, семья из 2 человек
29. Вале Гальвидене, 38 лет, семья из 4 человек, 2 детей
30. Мария Баронене, 63 года, бабушка и 5 внуков
31. Вероника Картонене, 54 года, семья из 4 человек, 3 детей
32. Ева Кведороскайте, 86 лет

Итого в поселок прибыло 32 семьи, это 133 человека, из которых было 50 детей.

Ссылные литовцы на похоронах Симонаса Гритенаса.

Слева – Аполония Пакштене, дочь – Алеся Гритенайте,
сын – Бронюс Гритенас, Констанция Тамошюнене. Пос. Лесозавод. Фото 1948 г.

Часть литовцев так и не вернулись домой, их похоронили на кладбище того же поселка. Это:

Симонас Гритенас	умер 12 мая 1948 г. в 87 лет
Марта Ряубайте,	умерла 17 августа 1949 г. в 56 лет
Винцас Рауткаускас,	умер 24 августа 1949 г. в 67 лет
Иозас Машенаускас,	умер 1 октября 1949 г. в 89 лет
Антонина Рамановская,	умерла 23 марта 1950 г. в 52 года
Бронюс Стасявичус,	умер 23 марта 1950 г. в 52 года
Иозас Зуоза,	умер 30 мая 1959 г. в 73 года
Ева Кведоровскайте	умерла 19 января 1951 г. в 88 лет
Вероника Лапенене	умерла 12 января 1952 г. в 72 года
Иозас Сперскис	умер 19 мая 1954 г. в 63 года
Соломея Ринкевичене	умерла 19 августа 1954 г. в 63 года
Дана Зуозене	умерла 10 декабря 1954 г. в 84 года
Соломея Гритенене	умерла 10 февраля 1954 г. в 60 лет
Она Машанаускене	умерла 24 ноября 1959 г. в 77 лет
Вилюс Тваска	умер в 1953 г. в возрасте 11 месяцев

Ссылная Алеся Гритенайте на могиле отца. Томская обл.
Зырянский р-он п. Лесозавод 1949г.

29 января 1949 г. вышло постановление Правительства о выселении с территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями и семей «националистов-бандитов». Из Прибалтики было выселено много женщин, детей и стариков. Депортированные были отправлены железнодорожными составами в конце марта 1949 г. Выселение было мстью членам семей и родственникам за сопротивление, которое их близкие оказали советскому режиму до и после войны. Высланные на вечное поселение в Томскую область расселились по районам и должны были использоваться для работы в сельском хозяйстве. Для районов существовала разрядка, согласно которой они принимали целые эшелоны на определенной станции разгрузки. Для Зырянского района предназначался эшелон № 97323, для Тегульдетского – № 97324, для Асиновского – № 97337, для Пышкино-Троицкого – 97324 и т.д. Эшелон № 97327 для Зырянского район прибывал 8 апреля 1949 г. с 1448 ссыльными. Условия перевозки были тяжелые, о чем можно судить по воспоминаниям. Среди прибывших 4 апреля было 8 человек, больных дизентерией. Их госпитализировали в Ново-Кусковскую больницу. Для перевозки выселенцев по колхозам предоставлялся транспорт – лошади и восемь грузовых машин. Начальник Зырянского РО МВД т. Букатенко обязан был предоставить водный транспорт – 4 катера и 4 паузка для

перевоски с пунктов выгрузки (пристаней) к месту расселения по колхозам. В то время основными транспортными магистралями района были реки. В Зырянское, согласно решению Зырянского райисполкома от 29 марта 1949 г., выгружалось 269 семей, в Бихтулино – 61 семья, в Чердакты – 40 семей и в Каштаково – 30 семей. Председатели сельсоветов обязаны были до 10 апреля обеспечить ремонт имеющихся жилых помещений. Они несли персональную ответственность за своевременное обеспечение жильем. Облпотребсоюз обязан был выделить для строительства и ремонта жилья 400 кв. м стекла и одну тонну строительных гвоздей. К тому же выселенцам сельсоветы должны были выделять приусадебные участки, оказывать помощь в хозяйственном и жилищном устройстве¹. Райком и райисполком специально посылали уполномоченных по выявлению отдельных свободных жилых помещений, а также лишней жилплощади в порядке добровольного подселения к хозяевам жилплощади. В местах расселения работа эта была проведена быстро с оформлением документов, кому и сколько человек должно быть подселено. В местах расселения райпотребсоюз создавал необходимый запас продовольственных товаров. Поток спецвыселенцев продолжал прибывать. В апреле 1949 г. было получено сообщение о прибытии 540 семей в количестве 1451 человека для Зырянского района на станцию Асино. В период с 08.04 1949 г.

Ссылные литовцы на работе на верхнем складе (слева – Альфонса Тамошюнайте) возле газогенераторного трактора, топливом для которого служили дрова.

Пос. Торба. Фото 1950 г.

¹ *Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки. Сборник документов и материалов.* Томск, 2001.

по 12.04.1949 г. в колхозы Зырянского района было вывезено 1104 человека, а 344 человека осталось на станции Асино до открытия навигации, так как дальнейшее движение через реку было невозможно. Часть выселенцев умерли по дороге (в документе указано, что от старости). Колхозники охотно принимали людей, потому что в колхозах, где труд был слабо механизирован, не хватало рабочей силы. Согласно справке Томского обкома ВКП(б) от 6 июня 1949 г. в районах Томской области запланировано было расселить 7000 семей, а возможности расселения составляли 10615 семей. Из них в Зырянском районе намечалось расселить 400 семей, в Тегульдетском и Асиновском – по 500 семей¹. По районам Томской области расселялось 5132 семьи латышей, это 15381 человек. В Зырянский район направлялось 446 семей, или 1419 человек; в Асиновский – 555 семей, или 1704 человека; в Тегульдетский – 426 семей, или 1162 человека, в Пышкино-Троицкий – 429 семей, или 1376 человек. Из спецконтингента Томской области в Зырянский район, согласно справке УМВД на 14.06.1949 г., направлялось, кроме латышей, также 142 литовца и 2455 эстонцев. **Эрвин Августович Крузе** из села Вамболы сказал, что ссыльные эстонцы в нашем районе не задержались, их отправили куда-то дальше на север. В 1953 г. в Зырянском районе числилось из числа ссыльных 19 поляков, 96 литовцев, 997 латышей, 437 молдаван, 7 белорусов, 4 эстонца и даже 2 грека². По похозяйственным книгам Зырянского муниципального архива можно проследить, что с 1949 г. во всех селах района находились спецпоселенцы из числа ссыльных из западных регионов страны. К примеру, в пос. Октябрь (Прушинский) украинцев было 4 семьи (18 человек), латышей 20 семей (64 человека). В Иловке: украинцев – 3 семьи, молдаван – 3 человека, латышей – 21 семья (59 человек). Это семьи Берзинь, Золит, Вельде, Шейбелис, Корклинс, Звердзинь, Чокорнис, Замуэлис, Рубен и другие.

В докладной записке директора Зырянского леспромхоза Иощенко управляющему трестом «Томлес» от 31 марта 1950 г. дана дислокация размещения спецконтингента на мастерских участках Зырянского ЛПХ. В ней говорится, что заброска спецконтингента до 15 апреля до поселков Бихтуил и Тайга возможна еще санным путем. В летний период от Томска до пристани Перевоз по реке Чулым перевозка была организо-

¹ *Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки. Сборник документов и материалов.* Томск, 2001.

² Там же.

вана пароходами, а от пристани до поселка Тайга – гужевым транспортом. Спецконтингент, который предназначался для размещения в пос. Бихтуил, от Томска забрасывался пароходами до Зырянки, а от Зырянки до поселка Яранка по реке Четь с открытием навигации катерами мотофлота сплавконторы. Жилфондом прибывающих для работы на лесозаготовках должны были обеспечить, в наличии жилфонда – 1100 квадратных метров. В пос. Бихтуил жилфондом обеспечивались 73 семьи, в пос. Тайга – 30 семей¹. Тем же, кто прибывал позже, приходилось ждать открытия навигации.

В период 19–20 апреля 1950 г. в адрес треста «Томлес» на станцию Асино прибыл эшелон с общим количеством до 10000–12000 человек, которые до открытия навигации должны были оставаться в Асине, а с первыми пароходами подлежали отправке в леспромхозы: в Тегульдетский – 300 человек, в Берегаевский – 700 человек, в Зырянский – 200 человек и т.д. Директорам ЛПХ со стороны треста выдавались указания о размещении прибывающего контингента в специально подготовленные помещения барачного типа. В дальнейшем спецконтингент использовался на строительстве общежитий квартирного типа, куда после окончания строительства и размещали выселенцев. На станцию Асино Томской железной дороги очередной эшелон прибыл 17 июня 1950 г., в было 1012 человек. В соответствии с планом расселения они трудоустроивались в следующие леспромхозы: Зырянский ЛПХ – 300 человек, Тегульдетский ЛПХ – 200 человек, Берегаевский ЛПХ – 200 человек, Пышкино-Троицкий – 200 человек, Лайский ЛПХ – 112 человек. По Чулыму спецконтингент перевозили до пристаней, а оттуда к местам назначения. В апреле 1951 г. из-за весенней распутицы не смогли прибыть к местам работы 631 человек. Распоряжением Томского облисполкома их должны были в суточный срок временно разместить в бараках Асиновского лесоперевалочного комбината, создав необходимые санитарные условия. После ледохода они отправлялись в леспромхозы Асиновского и Зырянского районов. Так осваивались лесные богатства Причудульмья. Спецконтингент украинцев в 1953 г. в Зырянском районе составлял 738 человек. В 1956–1957 гг. многие ссыльные прибалтийцы смогли вернуться на родину. Отдельные категории спецпоселенцев из Прибалтики были освобождены от спецпоселения только в 1965 г. Люди, пережившие депортацию и спецпоселения, потеряли веру в добро и справедливость, законность и право. У каждой семьи своя история, у каждой семьи репрессированных своя боль.

¹ *Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки. Сборник документов и материалов.* Томск, 2001.

Нина Федоровна Кулаковская, жительница села Зырянское, рассказывает: «Семья деда Пулиший Дмитрия Федоровича жила в Ивано-Франковской области в селе Небылово. Во время войны эта территория была оккупирована немцами, и жителей отправили в Германию. В Германии они стали батраками. С приходом советских войск их сразу сослали в Сибирь, в поселок лесозаготовителей Кыцы Тегульдетского района. В нем работали сосланные украинцы и латыши. Отец, Федор Дмитриевич, был с 1933 года рождения, но он, ребенок, тоже был выслан «как пособник украинских националистов». Из Германии отец привез два аккордеона «Вольтмейстер» и большую губную гармошку. Он настолько замечательно играл, что такую игру можно было слышать только в фильмах. Приехали они практически на пустое место, рубили лес, ставили избы. Отец работал на тракторе, и однажды лесина упала на него, повредив позвоночник. Но тогда все благополучно обошлось, он не стал инвалидом, просто был такой эпизод в его жизни. Отец на украинском языке читал лучше, чем на русском, а дед мог разговаривать на немецком и латышском языках, так как с латышами рядом и жили, и работали. Мы же, дети, украинского языка не знаем. Бабушка Зося не вынесла тягот каторжной жизни. У нее было 4 сына, приехали босые и раздетые. Есть было нечего. Чтобы не умереть с голода, они купили корову. Бабушка умерла от сердечного приступа прямо возле этой коровы. Поселок просуществовал недолго, где-то до 1960 г. Отец был старшим сыном, женился на русской девушке еще в Кыцы, но ее мать была украинкой. Была ли она из репрессированных – не знаю. Фамилия отца была Пулюшевский, но во время репрессий документы были утеряны, и он стал писаться Пулиший или Пулюший. Жил в Зырянке, а позже переехал в Томск. Он рассказывал об ужасающей нищете, что каждый лишний рот в семье был в тягость и семьи, порой, старались избавиться от ребенка. Отец как-то шел по берегу реки и услышал плач ребенка. Он пошел на голос и прямо около берега реки нашел большой чемодан, в котором оставили умирать ребенка. Отец принес его в поселок, ребенок вырос хорошим человеком. Так получилось, что женился он на девушке, от которой ее родители тоже хотели избавиться...»¹.

¹ Воспоминание Нины Федоровны Кулаковской // Архив Зырянского краеведческого музея.

В строжильческих селах украинцев было немного, по несколько семей. Это можно проследить по похозяйственным книгам муниципального архива. Они в основном отправлялись на разработку леса. Большая группа «оуновцев» (426 человек) прибыла в Зырянское 26 июня 1950 г., а 21 января 1951 г. прибыла еще группа из 552 человек. Часть ссыльных оказалась в поселке Торба. Спецпоселенцы, среди которых было немало молодых людей из Львовской области, были членами ОУН (организации украинских националистов), за что и были сосланы.

Семья Д.Ф. Пулиший. Фото 1953 г.

Выехали они 5 июня, а прибыли на станцию

Асино 17 июня, где были погружены на баржу, которую буксировал катер вверх по Чулыму. В поселке Черный Яр всех высадили и разместили в бараках лесозаготовительных поселков: Черный Яр, Туйла, Тайга, Торба, Лесозавод и других. Они должны были заниматься зачисткой берегов, т.е. стаскивать деревья, оставшиеся по берегам, в воду. Порой их переводили на работы в лес, где ребята встретились с украинскими девушками-сучкорубами, которые жаловались на комаров, от которых не было житья, и на вербованных парней.

Начальник Зырянской спецкомендатуры капитан Павлюченко комплектовал группу спецпереселенцев из Черного Яра для другого лесозаготовительного участка. Бригада должна была объездить 10 коней, привезенных из Монголии. Две пары из них запрягали в подводы, а остальные должны были ходить под седлом. Только двое из бригады знали, как обращаться с лошадьми, а одному конь

попался совсем не объезженный. Он приманил его хлебом, обхватил коня за шею и волочил так до тех пор, пока конь не сдался. Парень погладил его и дал другой кусочек хлеба. Так они начали дружить. Когда люди добрались до поселка Торба, то начальник сказал: «Лошадей на конюшню, а людей – в барак!»

– Так там же все места заняты!

– На чердак их!

В бараке было два ряда лежанок из неструганных досок, по середине стояла железная печь, около которой сушилась мокрая одежда. И некоторым спецпереселенцам действительно пришлось жить на чердаке. В поселке работала баня: три дня в неделю для мужчин, и три дня – для женщин. Началось строительство новых барakov. Строителям обещали в них жилье, и они работали изо всех сил. Мастер был доволен: «Студенты, а работают как мужики». Всех напрягало приближение холодов, спешили, материалов не хватало, пилорама работала в три смены. И вот к зиме парни жили в новом бараке без тараканов и клопов. Комната была размером шесть на пять метров, в ней было два окна и две двери с выходом в коридор, а посередине – железная печь. Кто хотел, разделил комнату на две меньшие. Установили легкую перегородку, сделали другую печь и разделились на две семьи. А парни-то были не простые: любили петь украинские песни, играть на бандуре. Сундук одного из членов этого общежития был и сундуком, в который вмещалось все имущество, и лежанкой, и низким столом. Сдвинутые тумбочки образовали письменный стол, несколько табуреток были многофункциональны. Лежак у стены, гвозди в стенах вместо вешалок. Под лежаком стоял медный таз, который выполнял функцию умывальника. Завтракали и ужинали в бараке, обедали на работе. Там была повариха, которая в чугунном котле готовила нехитрую еду. И вот как-то Ивась Сирский предложил изготовить самим бандуры. Молодежь с энтузиазмом взялась за это дело: кто строгал, кто шлифовал, в механическом цеху изготовили долота и рубанки, в бригаде трактористов изготовили колки и ключи для настраивания. Идея захватила всех. В письмах домой они попросили выслать клей и лак, а также струны для мандолин и гитар. Текст шифровали, чтобы письма пропустила цензура. Сначала изготовили маленькую экспериментальную бандуру.

Капелла бандуристов и хор в пос. Торба. Фото 1952 г.

Опробовали на ней инструмент, материал, струны. Сильного звука эта бандура не издавала. Затем братья Сирские смастерили еще две самые настоящие бандуры, но до бандур мастеров им было, конечно, далеко. На внутренней стороне бандур поместили наклейки с надписью: «Made in Torba». Репетиции молодежь проводила в помещении школы по вечерам. И вот 6 сентября 1950 г. состоялся первый концерт в Торбе с участием бандуристов, который был посвящен 33-й годовщине Октябрьской революции. Парторг проверил репертуар, начальник ЛЗУ проверял текст. После этого концерта стали активнее заниматься работой над репертуаром и бандуристы, и певцы. Надежда Цюцюра собрала вокальную группу, Владимир Чучман начал вести журнал ансамбля бандуристов Торбинского ЛЗУ. За 1950 г. бандуристы дали 33 концерта, а братья Жеплинские пели дуэтом. Они считали, что именно капелла поможет поднять дух украинских спецпереселенцев и не утратить надежду на возвращение на родную землю. К ансамблю присоединились певцы, появились желающие обучаться игре на бандурах. После нескольких успешных концертов в Торбе ансамбль попросили выступить в поселке Яранка накануне выборов 18 января 1951 г. Выступали в школе, где было много зрителей из украинцев. Местные колхозни-

ки тоже выражали восхищение, особенно нравились грустные украинские песни. Было одиннадцать участников: 3 бандуриста и 8 певцов. Руководителей ЛЗУ предупредили, чтобы они были бдительными, так как в Торбе поют националистические песни, в результате чего украинцы могут объединиться и сбежать. В одном домике жил фотограф Ярослав Москва, где оборудовали фотолaborаторию. Ярослав запечатлел историю того времени, немало фотографий было выслано родственникам. С ним жили еще три украинца, которые любили петь не только народные песни, но и националистические. Они были уверены, что никто их не слышит и никто об этом не узнает. Но однажды ночью жителей этого дома увезли куда-то далеко за Томск, на север.

При морозах ниже 35 градусов на работу не ходили, тракторы были газогенераторными, и их завести при такой низкой температуре было практически невозможно. Работа выматывала, поэтому в 1951 г. было дано всего семь концертов. Первого мая 1951 г. ансамбль выступал в поселке Бихтуил, где было много украинцев. Они пришли на концерт в вышитых сорочках, а после все вместе пели песни на родном языке. Шел 1952 г. Это был год несбывшихся надежд: не удавалось устроиться по специальности, продолжить учебу, на прошениях была обычно резолюция: «...не предоставляется возможным». Но некоторым все же удалось переехать в село Зырянское. Наступил 1953 г. И вот разнеслась весть о смерти Сталина. Бывшие студенты и ученики снова взялись писать прошения о восстановлении их в вузах и техникумах. Первой стала Галина Хмель. Она была принята в политехнический институт, но уехала из Черного Яра без разрешения, за что родителей лишили огорода, сенокоса и запретили брать воду из колодца около конторы.

Ансамблем бандуристов заинтересовалось районное руководство, и районная комиссия рекомендовала областной комиссии посмотреть бандуристов. И вот 2 марта 1954 г. капелла бандуристов защищала честь Зырянского района на областном смотре и была допущена до заключительного концерта. Они получили диплом первой степени. Это был триумф бандуристов! Молодежь встречала их овациями, их фотографировали, брали автографы. Братьев Жеплинских рекомендовали для учебы в музыкальном училище, и Роман стал его студентом. Богдан же стал студентом политехнического института. Когда Роман уезжал, комендант его напутствовал: «Выучишься на Шляпина – приезжай к нам на гастроли». Роман играл на концерте, посвященном 350-летию Томска. 1954 г. прошел в разъездах и концертах, выступали не только в районе, но и по области. Те, кто доби-

лись восстановления на учебе, переводились из Зырянской комендантуры в Томскую. В конце 1955 г. и в 1956 г. украинские спецпереселенцы получили освобождение и выехали на родину. Многие из тех, кто стали студентами томских вузов и техникумов, получив образование в Томске, тоже вернулись домой. А бандуры, изготовленные в Сибири в поселке Торба, передали в музей.

Барак в пос. Торба, в котором проживали украинцы. Фото 1951 г.

Ссылные литовцы, молдаване, украинцы, русские, немцы и крымские татары на работе в лесу в обеденный перерыв. Пос. Торба. Фото 1949 г.

Владимир Александрович Андриянов всю сознательную жизнь прожил в Зырянском, он человек в районе известный. А ведь он тоже сибиряк поневоле. «Семья моей матери проживала в деревне Щеплоты Яворского района Львовской области. Земля эта сейчас недалеко от границы с Польшей, а до 1939 г. она входила в состав Польши, – делится воспоминаниями Владимир Александрович, – семья была очень большая, жили крайне бедно. Брат моего деда от этой нищеты уехал в Канаду. И вот мой дед Михаил и бабушка Екатерина решили от беспросветной нужды тоже уехать в Америку. Они уже получили визу и поехали в Варшаву за какими-то документами, но Польшу заняли немцы, и им пришлось вернуться домой. Это был 1939 г. С началом войны три брата моего деда, Николай, Иван и Петр, ушли на фронт, а дед был уже в возрасте и призыву не подлежал. Николай попал в плен, прошел Бухенвальд, в 1944 г. был освобожден американцами. Но союзники узников концлагерей передали нашей стороне. В итоге из одного концлагеря дядя Николай попал в советский лагерь, где он валил на севере лес. По этой причине с нами в ссылку в Сибирь не попал. Отец мой из города Тогучин Новосибирской области. Его взяли в армию весной 1941 г. В 1942 г. он был направлен в Саратовскую танковую школу, воевал на Курской дуге. Посчастливилось человеку уцелеть в этой мясорубке. А вот в 1944 г. под Львовом его ранило, и когда он долечивался в санатории, то познакомился с симпатичной хохлушкой Аксиньей Михайловной Герасим, 1927 г. рождения. После выздоровления отец продолжал воевать, в Кёнигсберге получил тяжёлое ранение, и его комиссовали. Отец поехал к невесте, родня которой никак не хотела признать «москаля», но молодые люди не подчинились воле родителей, и свадьба состоялась. Родились дети: сестра Света и я. В 1948 г. практически всех жителей нашей деревни согнали в пересыльный лагерь. Отца посадили в тюрьму, а у нас в лагере родился брат. (Его зарегистрировали только в Зырянке, поэтому он репрессированным не числится). А потом нас набили в эшелон и везли в товарнике до станции Тайга. Выслали всю семью Герасим, возможно, за то, что младший брат деда был ОУНовцем. На дворе холодный декабрь. Буржуйка в вагоне стояла, да топить её было нечем. В лед превращались и вода, и моча. У деда Ивана жена Роза в дороге родила, застуженный ребенок прожил всего несколько месяцев. А ведь Иван Дмитриевич прошел всю войну, был ранен! В Тайге нас разделили: у кого дети были постарше – отправили

в Красноярский край, а с малыми детьми – на станцию Асино. Из Асина нашу семью в Зырянку вез дед Ефим Савин. Он снял с себя тулуп и нас, детей, закутал в него в сани, ведь были мы в легких курточках и сапожках. А взрослые бежали за санями, чтобы не замерзнуть. Мой дед, Михаил Дмитриевич, когда стал совсем плох, наказывал нам, чтобы Савину Ефиму подавали, когда попросит и что попросит, в любое время, так как благодаря ему остались мы живы. Скитались по квартирам, пока не построили маленький домик. И были

Семья Андрияновых. Фото 1950-х гг.

врагами народа: обзывали, оскорбляли, посылали на самую тяжелую и грязную работу. Тетя Роза таскала мешки на баржи в Заготзерно, получила заболевание позвоночника и в результате обезножила. Дед Михаил был мастеровой мужик, плотник и столяр, под его руководством построили первую мельницу с электродвигателем в конце улиц Егорова–Спартака. Мама работала на ферме. Мы, дети, ждали выходных, как большого праздника, потому что по выходным бабушка Катя, бывало,

напечет хлеба, а потом откроет сундук, достанет холщовый рушник, а в нем – кусок сала! Отрежет по ломтику, положит на горячий хлеб, а сало тает, становится белым, от запаха (или от голода) кружится голова – и нет ничего вкуснее! В 1956 г. к нам, освободившись, приехал отец. Нас, конечно, реабилитировали, но уехать мы не смогли, не на что было, денег в колхозе не платили. У нас, ребятни, на троих был всего один комплект одежды, и, чтобы побегать на улице, мы ждали своей очереди. Жизнь стала налаживаться только в 1960-е гг. Бабушка умерла в 1970-х, а дедушка в 1980-х гг. Родственники иногда собираются вместе, вспоминают свою жизнь – и плачут. Не забыть, не простить...»¹.

Евгения Ивановна Мелкозерова стала сибирячкой в 13 лет, с 1951 г. живет в селе Чердаты. Родилась же она в селе Николаив Лопатинского района, что во Львовской области. «Там у семьи был хороший дом, крытый белым железом, но приглянулся он кому-то из районного начальства, – делится воспоминаниями Евгения Ивановна. – В России борьба с кулаками развернулась в начале 30-х, а на Западной Украине уже после войны. Семья не была зажиточной, работников не имела, но и не бедствовали. Мама Евгении пошла как-то на уже сжатое колхозное поле, собрала колоски и высыпала курам. Мать арестовали, осудили на семь лет и сослали отбывать наказание в г. Комсомольск-на-Амуре. Семью же отправили на пересыльный пункт, и пока они там находились, дом разобрали и вывезли в районный центр. В начале декабря 1950 г. эшелон увез их в Сибирь: это были отец, Иван Иванович Стрихарчук, двое детей и тетья отца –Татьяна Петровна Лесковская, 1905 г. рождения. Она-то детей и растила. Ехали две недели. Страху натерпелись, маленькому брату было всего четыре года. Перед Новым годом прибыли на станцию Асино, откуда на лошадях увезли нас в Чердаты. Мама о судьбе близких ничего не знала, и, когда ее через два года освободили (попала под амнистию), то

Мелкозерова Евгения Ивановна.
Фото 2013 г.

и, когда ее через два года освободили (попала под амнистию), то

¹ Из воспоминаний В.А. Андриянова //Архив Зырянского краеведческого музея.

через станцию Тайга она проехала в Украину, а там ни дома, ни семьи. Работала домработницей целых два года, пока нашла нас и тоже приехала в Сибирь»¹. Отец Евгении 44 года проработал в колхозе, а мама работала в детском доме и в школе разнорабочей. Евгения хорошо знала русский язык, он ей легко давался, но и родной украинский не забыла. Ей ведь тогда всего 13 лет было, очень хотелось учиться, и она пошла к директору школы. Он в то время что-то обсуждал с завучем.

– Что тебе, девочка? – спросили они.

– Я учиться хочу...

– И в каком же классе ты хочешь учиться?

– Не знаю, в пятом или в шестом.

Они в два голоса рассмеялись и ... – не взяли. Евгения до сих пор не знает почему. «Наверное, директива какая-то была, чтобы детей ссыльных не обучали»², – сделала вывод Евгения Ивановна.

Иван Иванович Павликивский, выслан с семьей из с. Радчав Лисецкого р-на Станиславской области в пос. Прушинский как член семьи участника ОУН в 1950 г. Снят с учета спецпоселения 29 июня 1958 г.

Нина Белая. Выслана в Зырянское как дочь пособника украинских националистов. Фото 1953 г.

¹ Из воспоминаний Евгении Ивановны Мелкозеровой // Архив Зырянского краеведческого музея.

² Там же.

Михаил Дмитриевич и Иван Дмитриевич Герасимы, высланы как члены семьи ОУНовца из Львовской области в 1950 г. Фото 1960-х гг.

Каролина Николаевна Костик,
1922 г.р. Выслана в 1950 г.
из Золочевского р-на Львовской
области. Фото 1980 г.

Инара Августовна Юмбургс, жительница с. Цыганово, вспоминает: «Наша семья жила на хуторе Пурмали Эвельского сельсовета Валкского района. Отец, Юмбургс Август Германович, смолоду лет пятнадцать служил в армии, после чего ему дали поместье в Пурмали, где он и построил дом. Женился в 1933 году на Эмме Августовне Вейнбергс, родилось трое детей: в 1936 году Вия, в 1938 году Роман и в 1943 году я, Инара. Отца как более грамотного и знающего русский язык при приходе Красной армии выбрали председателем сельсовета. Когда пришли немцы, он оставался при своей должности, только теперь эта должность стала называться старостой. А когда вновь пришли советские войска, ему дали за это десять лет лагерей и в 1946 году отправили в Тайшет, а затем в Братск.

Семья наша имела крепкое хозяйство, мы держали десять коров, свиней, овец, кур. Было много надворных построек, большой сеновал, трактор, крупорушка. В нашем владении было семь гектаров леса и 30 гектаров земли. В 1949 году неожиданно к дому подъехала подвода, и на сборы нам дали всего полчаса. Мама с бабушкой лихорадочно кидали в мешки теплые и ценные вещи, продукты. Набралось девять мешков, и мама взбунтовалась: «Ничего не возьму! Как я это на себе потащу!» Но кто-то сказал: «Не глупи, у тебя ведь дети. Возьми хоть швейную машинку, будешь шить там женщинам да какую-то копейку зарабатывать!» Дома из детей была только я, младшая, а брат с сестрой жили в соседнем городке в интернате, учились в школе. Мама отчаянно кричала, что без детей не тронется с места! И когда она их обняла, прижала к себе, то облегченно вздохнула: «Ну вот, теперь хоть в Америку». Нашей «Америкой» оказалась Томская область. С нами выслали дедушку, Августа Карловича, и бабушку, Анну Карловну. 25 марта 1949 г. в Риге нас погрузили в товарняк, где стояли и кони, а я все убегала посмотреть на красивую лошадь. Пищу себе готовил каждый как мог на железной печурке, изготовленной из бочки. В условиях антисанитарии у бабушки открылась дизентерия.

На железнодорожную станцию Асино состав прибыл седьмого апреля. Там уже прибывших ожидало несколько саней из д. Цыганово. Их отправил за переселенцами председатель колхоза. Одиннадцать семей погрузили детей и свой скарб на сани, а взрослые шли пешком от Асина до самого Цыганова. Хорошо помню, как переправлялись через Яю. Моста тогда не было, уже образовалась наледь, брели по воде. И вот наконец-то мы прибыли на постоянный

двор деревни. Людей уже предупредили, чтобы они разбирали спецпоселенцев по домам. Нас взяла Матрена Федоровна Давыдова. Домик у нее был совсем небольшой, две комнатки. Нас хозяйка поселила в горнице и накормила. По деревне шли слухи, что привезут откуда-то рогатых, хвостатых и с тремя глазами.

Наша бабушка очень подружились с хозяйкой, они были одного года рождения и умерли в один год. Муж её был инвалидом, застудил ноги на военном заводе и ходить не мог. Кстати, это их дочь, Антонина Моисеевна Давыдова, участница войны, награждена орденом Ленина. Прожили мы у них целых три года! А потом мама купила полдомика. Но на семью обрушились несчастья. Сибирский климат оказался губителен для здоровья нашей семьи: в 1952 г. умерла моя сестра Вия от менингита, ей было 14 лет. Через год, 27 сентября 1953 г., умер наш братик Ромочка от пневмонии. У мамы моей было зоотехническое образование. Надо сказать, что вся латышская родня была образованной. Но работать зоотехником она отказалась и все годы трудилась телятницей. В 1954 г. её бодал бык, проткнул рогом селезенку, мама долго лежала в больнице. Я после окончания начальной школы училась в Берлинке, жила на квартире. В сельсовет ежемесячно приезжали из комендатуры, и мы ходила отмечаться. В 1954 г. пришел отец, отсидев ровно десять лет. Ему можно было вернуться в Латвию или уехать к семье в Сибирь, другие перемещения не полагались. Он выбрал семью. Отец быстро освоился, он много знал и умел, был очень работящим, поэтому пользовался у местного населения уважением.

В 1957 г. умер дедушка, Август Карлович, в возрасте 78 лет. В этом же году латышей реабилитировали и разрешили вернуться на родину. Все латышские семьи из Цыганова уехали, но мама отказалась уезжать. Там уже не было ни дома, ни хозяйства. Она сказала: «Здесь остались лежать мои дети, и я тоже останусь здесь». В 1963 г. мама съездила в Латвию, посмотрела и, вернувшись, сказала: «Будем жить в Сибири». Отец ездил на родину в 1967 г., привез оттуда железную корзину картофеля для посева, над чем деревня долго потешалась. Только первый год от тех семян был хороший урожай. Отец по Латвии не горевал, так как постоянно находился в работе. Работал заведующим фермой, фуражиром, рано уходил и поздно приходил. Был он физически очень сильным, на коромысле воду от колодца носил не в ведрах, а во флягах. Бабушка моя, Анна Карловна, умерла в 1974 г. Я была

очень маленькой, когда нас выслали, вся сознательная жизнь прошла в Цыганово. Эта земля стала мне второй родиной, здесь выросли мои дети, здесь дорогие мне могилы...»¹.

Семья Юмбургс. Фото 1963 г. С. Цыганово

Илга Яновна Свиная (Далиньш), жительница села Семёновка, рассказала свою историю: «Моих родителей звали Далиньш Янис Петрович и Эмма Теодоровна, жили мы в Валкском районе на хуторе Калнрижас. Мы с братом Эдгарсом ходили в школу за пять километров, и, хотя там был интернат, оставаться в нем не хотели, и каждый день шли домой. Родители обрабатывали землю и держали скот: три коровы, две лошади, свиней и другую живность. Я до сих пор помню, что в амбаре в огромной кадке стояли в соленой воде свиные ребрышки, их вымачивали и варили. Дом у нас был бревенчатый, не штукатуренный. В 1948 г. в Латвии стали организовывать колхозы, отец отказался вступить в колхоз, за что получил ярлык кулака. Я же, дочь кулака, всю жизнь прожила как нищая. Нас выгнали с родной земли, а все имущество забрали в колхоз. Но многие

¹ Воспоминания Инары Августовны Юмбургс // Архив Зырянского краеведческого музея.

из соотечественников, имеющие средства, откупились, и их не выслали. Никакого имущества взять с собой не разрешили. В Асино за нами приехали подводы из Арышева, в эту деревню попали около десяти семей латышей, тех, кто в Латвии были соседями. Поселили нас в большом пустом доме, четыре семьи, каждой по комнате. Председателем колхоза был тогда Константин Егорович Швайко, он переселенцев не обижал, и у меня о нем самые добрые воспоминания. Работали в колхозе, мама была занята на обмолоте льна и всегда могла принести немного льняного семени, на нем-то мы и выжили. Поджаренное льняное семя толкли, мешали с картошкой – вкусная еда! Мы с братом стали

И.Я. Свинарева. Фото 2013 г.

учиться в соседнем селе Семеновке. Я после школы выучилась на бухгалтера и с 1958 года стала работать там же, в Семеновке. Брат выучился на электрика и работал в Томске. В 1957 г. родители вернулись в Латвию, а мы отказались, но брата они все же потом переманили к себе. Дом наш родителям не вернули, он уже принадлежал колхозу, в нем родителям выделили только

Ссылные литовки Яни и Казимира Сташите (1,3) и польки Ванда и Ядвига Романовские (2,4).
Пос. Лесозавод. Фото 1956 г.

одну комнату. Мы с мужем ездили в гости в Латвию несколько раз, но уехать туда мне никогда не хотелось. Жизнь прошла здесь, к этой земле я приросла, став сибирячкой...»¹.

Александр Янович Скуя, 1928 г.р.
Был выслан 25 марта 1949 г.
из хутора Яунсалас Бирзальской
волости Огрского уезда
Латвийской ССР вместе с матерью
Алисой Петровной и братом
Виктором как семья кулака

Следует отметить, что зырянская земля приняла в те годы не только ссыльных русских крестьян, депортированных украинцев, поляков, немцев, прибалтов, но также и спецпереселенцев и заключенных с Кавказа. Согласно справке УМВД по Томской области о национальном составе спецпереселенцев в районах области на 10 сентября 1953 г., кавказских народов, кроме одного армянина, в Зырянском районе тогда уже не было. Они были в Шегарском, Васюганском, Парбигском и Пышкино-Троицком районах. Эта справка за 1953 г.,

Айна Каулине. Сслана
в пос. Новосельский Зырянского
района. Фото 1950-х гг.

¹ Воспоминания Илги Яновны Свиначевой // Архив Зырянского краеведческого музея.

однако жители вспоминают, что перед войной в одном из лагерей ТомАсинЛага находилась довольно большая группа заключенных с Кавказа. Об этом свидетельствует **Светлана Федоровна Трипольская**, жительница с. Берлинка, член Союза журналистов России. Из ее рассказа следует, что представители кавказских народов тоже побывали в заключении на зырянской земле. «Моя мама, Воскресенская Фаина Дмитриевна, – пишет С.Ф. Трипольская, – работала в Зырянском райкоме ВЛКСМ. Девушек райкома в 1942 г. направили в Сухой Лог разобрать письма заключенных. Это были письма грузин на родину, но их почему-то не отправили. Письмами была буквально до потолка забита одна комната, за один год столько писем не могло образоваться. Задача девушек состояла в том, чтобы рассортировать эти письма по фамилиям, складывая в пачки. Они эти письма перебирали, читали, над какими-то из них плакали. Из писем можно было понять, что заключенные были совсем не простые люди. О судьбе заключенных девушки ничего не знали. Лагерь был еще до войны, находилось в котором человек сто. Стояли вышки для стрелков, лентами тянулись рвы. С началом войны лагерь свернули. Куда делись эти люди – трудно сказать. Можно только догадываться. После этой сортировки весь архив вывезли. Мама тайком взяла три письма, спрятала их на себе, а позже отправила их из г. Новосибирска по адресам, указанным на конвертах»¹.

В апреле 1951 г. Зырянский район пополнился новой категорией ссыльных – это были иеговисты. Преследованиям и гонениям иеговисты подвергались практически все годы советской власти. 19 февраля 1951 г. на имя Сталина была подана записка МГБ СССР с предложением выселить из пределов Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии выявленных иеговистов с семьями в Иркутскую и Томскую области «в целях пресечения антисоветской деятельности иеговистского подполья». Совет Министров Союза ССР постановил: «...Выселение произвести навечно...в конце марта 1951 г.» В апреле 1951 г. из названных республик в Томскую область на спецпоселение прибыло 3094 сектанта-иеговиста. Этот контингент расселялся в пяти районах области: Асиновском – 946 чел., Зырянском – 660 чел., Томском – 193 чел., Туганском – 649 чел. и Пышкино-Троицком – 646 человек. В 1951 г. в Торбинский ЛЗУ прибыла группа молдаван-сектантов. Они отказывались служить в армии, участвовать в выборах. Местные жители удивлялись их самоорганизованности и дисциплине.

¹ Воспоминания С.В. Трипольской // Архив Зырянского краеведческого музея.

Они никогда не прогуливали работу и не отлынивали от дел. В сообщении управления МТБ по Томской области от 21 ноября 1951 г. отмечалось, что после закрепления на жительство иеговисты развернули работу, направленную на вовлечение местного населения в свою секту¹. Райкомам давались указания об усилении агитационно-массовой работы среди колхозного крестьянства и другого населения с целью противодействия вербовочной деятельности иеговистов. Со стороны УМГБ были приняты меры к пресечению антисоветской деятельности актива сектантов. Многие из них были арестованы, осуждены и отправлены в лагеря. Одним из них был **Эрих Иванович Дик**. Приводим его бесхитростный рассказ-исповедь:

Э.И. Дик с матерью и сестрами в Сибири. Фото 1950 г.

¹ЦДНИ ТО. Ф.607. Оп. 1. Д. 949. Л. 111–115.

«Наша семья проживала в Запорожье, где на землях помещика Морозова во времена Екатерины Второй образовалась немецкая колония. Мы имели хороший дом и сад. Отец, Иван Яковлевич, работал в колхозе конюхом. У нас были бабушки и дедушка, нас очень любила тетя Ида, и мы, дети, были вполне счастливы. Но в 1936 г. умерла мама, и у отца осталось трое детей. Я был самым старшим, мне было девять лет, а сестрам было всего шесть и два года. Отец вынужден был через 8 месяцев жениться, чтобы растить нас, но в 1937 г. его забрали по линии НКВД, и мы ничего не знали о его судьбе. Наша вторая мама, Екатерина Корнеевна, была женщиной верующей. Может, поэтому она не оставила нас, чужих детей, и растила нас в вере в Бога. В 1943 г., при отступлении немецкой армии, нас угнали в Германию. Там мы потеряли свою бабушку, тетя вынуждена была ее просто закопать в снегу. Также потерялись следы и тети Иды. Мы работали на бауэра, местного помещика. После Победы наша семья оказалась в зоне американской оккупации, и у нас был выбор: уехать в Америку (как сделали наши родственники) или вернуться в СССР. Мы думали, что отец ждет там нас, и решили ехать домой. Но дом свой мы уже никогда не увидели. Нас ждала Сибирь. В декабре 1945 г. состав пришел на станцию Асино. Поскольку мама была портниха, то нас взяли для работы в открывающийся промкомбинат. Я был инвалидом детства и для работы на лесоповале не годился. Я выучился на пимоката, сестра Мария работала на изготовлении кирпичей. Теплой одежды не было, и лютые сибирские холода пагубно отражались на здоровье: у нас с сестрой Аннушкой болели уши, и мы стали плохо слышать. Долго мыкались по квартирам, по ночам тело горело от укусов клопов, о которых мы прежде не знали. А днем везде ползали полчища тараканов. Наконец мама смогла купить домишко. Однажды я заглянул в крошечный домик к нашей соотечественнице Эмилиии Рац погреться и увидел у нее брошюру религиозного содержания, которую попросил почитать. И когда я ее прочитал, то будто прозрел, как будто увидел впереди свет. Я увидел то, чего не хватало в нашей вере баптистов. И обрел надежду. Я понял, что наши беспросветные мучения только на этой грешной земле. Что придет время, когда мы, верующие, обретем вечную жизнь на обновленной земле и уже никогда не будем страдать. Мы с мамой и еще три человека стали собираться по вечерам и изучать Библию и литературу свидетелей Иеговы. Но кто-то на нас донес. Нас арестовали в 1951 г. и конфи-

сковали имущество: дом, сарай, крытый соломой, подушки, недошитую обувь, так как богатства у нас никакого не было. А то, что в доме жили еще две мои младшие сестры, никого не интересовало, их просто выкинули на улицу. Нас осудили за антисоветскую деятельность по ст. 58,2 и дали по двадцать пять лет каждому. Но о какой контрреволюционной деятельности шла речь?! Мы никогда не выступали против власти, так как в Библии сказано: «Всякая власть от Бога». Да, в армию наша молодежь не могла идти, так как есть заповедь Христа «Не убий», наши братья не могут брать оружие в руки. Это сейчас появилась альтернативная служба. Срок я отбывал в Кемеровской области, где прошел семь лагерей. Уже в тюрьме я получил известие, что моя младшая сестра Аннушка умерла от менингита. Ей было только 18 лет! Мама срок отбывала в Иркутской области. В 1955 г. нас освободили: 26 и 27 октября. После возвращения мы стали жить в Асино, я работал плотником и столяром на деревообрабатывающем комбинате. В 1958 г. я женился, и мы с мамой уехали из Сибири, но в 1963 г. меня снова арестовали. Хромой и глухой человек представлял опасность для страны. Я был женат, росло трое детей, младшей дочери было всего восемь месяцев. Когда спросили об отце, я ответил, что ничего о нем не знаю. И вот мне дали читать мое многотомное дело, в те годы это уже разрешалось. Листаю, листаю и ... натываюсь на документ о расстреле моего отца еще в 1937 г.! Такое захлестнуло горе, такая боль сжала сердце, что я крикнул: «И вы хотите, чтобы я вас любил?» Начальник успокаивал: «Ну, ладно, Эрих Иванович, не ты же один».

– А мне от этого не легче!

В этот раз я отсидел десять лет от звонка до звонка в Мордовии, где прошел пять лагерей: № 1, № 5, № 11, №1 7, № 19. Чтобы облегчить участь моей жены Елены, ее сестра взяла на воспитание нашу среднюю дочь. После освобождения было еще пять лет ссылки в Красноярский край. Сейчас мне уже 86 лет, но я ни на миг не усомнился в правильности выбранного мной пути. Я твердо верю, что Бог Иегова воскресит нас к новой вечной жизни, где не будет горя, страдания и болезней, где я увижу мою сестру и отца, где я не буду хромым, ибо в Библии сказано: «Праведные наследуют Землю». Мы пострадали безвинно, поэтому мое имя и имя моей мамы, Екатерины Корнеевны Дик, есть в книге «Боль людская»¹.

¹ Из воспоминаний Эриха Ивановича Дика // Архив Зырянского краеведческого музея.

Не секрет, что преследованию подвергались не только иеговисты, но и последователи любой другой конфессии. Так, в сообщении Управления МГБ по Томской области в Томский обком ВКП(б) указывалось на антисоветскую религиозную деятельность в поселке Торба Зырянского района спецпереселенца Богдана Богдановича Сенета. Был он уроженцем Польши, имел высшее духовное образование и служил священником униатской церкви во Львовской области, в 1950 г. выслан из Львовской области как «активный бандит и пособник украинских националистов». Выслан за то, что якобы поддерживал преступную связь с бандитами ОУН и систематически оказывал им материальную помощь». На самом деле, он не подписался за переход греко-католической церкви в православную. В поселке Бихтуил он работал на лесоповале вручную. Затем его перевезли в поселок Торба, где работы были уже механизированы. Антисоветская деятельность его в ссылке заключалась в том, что и здесь, в ссылке, Сенета оказывал религиозное влияние на людей. Несмотря на то, что советская власть боролась с религией десятки лет, но полностью искоренить веру в Бога ей не удалось. По-прежнему, несмотря на запреты, у многих людей была потребность в исполнении религиозных обрядов и треб. И когда за этим обращались к ссылкеному священнику, тот не мог отказать. Из Украины ему прислали церковную утварь, и он тайно крестил детей местного населения, в том числе даже детей членов ВКП(б). Так, согласно доносу секретного сотрудника, «18 марта 1951 г. он окрестил ребенка члена ВКП(б) Ивана Егоровича Шамина – рабочего Торбинского ЛЗУ. 22 апреля 1951 г. он провел крещение ребенка секретаря первичной парторганизации лесозаготовительного участка Михаила Яковлевича Грибанова. В конце марта он крестил ребенка рабочего участка Некрасова Федора, причем на крестинах присутствовал начальник ЛЗУ, член ВКП(б) Власов и коммунист Шиняев». Кроме крещения, священник проводил литургию, венчал молодых. В Торбе Богдан Сенета пробыл до 1953 г., откуда отправился в Хабаровск, где прожил 20 лет и подпольно продолжал пасторскую деятельность. В 1975 г. он выехал в Украину, где также был священником. Умер в 2004 г.¹

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 142–43.
Р. Жеплинский. Мои дороги. Дрогобыч, 2010.

IV. «ОТКРЫЛИ ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ»

В пятницу, 12 июля, на трассе Зырянское – Тегульдет в районе свертка на село Михайловку состоялось открытие памятного знака жертвам политических репрессий: «Еще одним святым местом на земле и в нашем районе стало больше», – трогательно произнес на открытии памятного знака житель села Зырянского Василий Алексеевич Ефремов. Идея установить памятный знак в нашем районе, который состоит из креста и камня, принадлежит руководителю Зырянского краеведческого музея Нине Егоровне Флигинских. Нина Егоровна в ходе работы научно-практической конференции с международным участием «Шатиловские чтения – 2012»: «Музей, социум, человек: в поисках новой мировоззренческой (онтологической) и коммуникационной парадигмы» узнала, что в одном из районов области на собранные гражданами деньги был поставлен памятник репрессированным. Захотелось, чтобы и в нашем районе увековечили память жертв политических репрессий.

Предложение Нины Егоровны поддержали районная администрация и политсовет местного отделения партии «Единая Россия». У благого начинания нашлись спонсоры. В списке людей, бескорыстно откликнувшихся на благое дело, – индивидуальные предприниматели и руководители А.В. Новиков, В.И. Герасимов, Е.В. Рыжов, Ю.В. Маслов, В.И. Фарахов, а также муниципальные служащие Ю.П. Повстьянов, М.В. Волков, С.А. Жмылев, В.С. Ефремов, А.Д. Мо-тивосов, Х.А. Юсупов. Благодаря этим людям в короткий срок был поставлен огромный камень с надписью «Жертвам политических репрессий», а еще большой крест. Всем зырянцам, приложившим усилия в строительстве памятного места, глава района, открывая митинг, выразил большую признательность и благодарность. Открытие памятника вылилось в большое политическое мероприятие, на которое прибыли не только жители нашего района, но и гости из Томска. Это были директор музея Истории образования Том-

ского района С.Ф. Вершинина, директор Российско-немецкого дома А.В. Гейер, а также председатель общества «Мемориал», директор Томского мемориального музея «Следственная тюрьма НКВД» г. Томска В.А. Ханевич. Выступая на митинге, он сказал, что инициативу зырянцев по увековечению памяти репрессированных общество охотно поддержало. Каждый выступающий говорил трогательно и искренне, а эмоциональный настрой митингу задала руководитель Зырянского музея, завершая свое выступление словами: «Им – наши слезы и скорбь, наша вечная память...».

На долю нашего народа выпало немало испытаний: две мировые и гражданская война, восстановление народного хозяйства после Великой Отечественной... Самой же печальной и трагической вехой в истории нашего государства стала страница, связанная с политическими репрессиями, начавшимися в тридцатых годах. Пострадали тогда более десяти миллионов человек. На территорию Зырянского района было сослано 15 тысяч человек, осужденных по разным статьям. В основном это были политические статьи... В Зырянском районе было организовано два лагеря для спецпереселенцев – в поселках Тайга и Симоновка. Право открыть памятный знак было предоставлено внукам репрессированных – Любови Павловне Бобиной и Василию Алексеевичу Ефремову.

«Я хочу поблагодарить нашу районную администрацию за то, что поставили памятный знак, – сказал В.А. Ефремов. – Для нас он равноценен памятнику Неизвестному солдату. Большая благодарность директору нашего музея. Никто точно не знает, сколько людей погибло в стране в тюрьмах и лагерях, в шахтах и на лесоразработках... Колесница тридцатых годов коснулась и нашей семьи. В 1932 г. забрали по линии НКВД моих дедов по материнской и отцовской линии, а отца, как сына кулака, отправили на Ижморскую шахту. Ребятишек с бабушкой выгнали из дома...» Любовь Павловна Бобина рассказала о трагической судьбе ее бабушки и ее малых детей, ехавших в начале тридцатых годов из родной Захарьевской заимки в Тегульдетский район. Отцу Любови, самому маленькому ребенку, был всего один год. По архивным документам установлено, что деда Любови Павловны, Василия Ивановича Игнатова, расстреляли в екатеринбургской тюрьме.

Проникновенным стало выступление и председателя Думы Зырянского района Асипа Салиховича Фаттахова, жизни которого, пусть и косвенно, но тоже коснулись тяготы политических репрес-

сий: родители его супруги Людмилы Львовны были высланы в Сибирь из Поволжья в 1941 г. В день открытия памятника по православным традициям священнослужители призвали собравшихся ко всеобщей молитве и освятили крест. Желаящие возложили к подножию памятного камня венки и цветы – в знак уважения и вечной памяти. Вокальная группа «Радуга» исполнила песню о России, лейтмотивом которой стали слова: «Пока мы живы, Россия жива!»¹.

Что же послужило побудительным мотивом для людей, участвовавших в установке памятника? Оказалось, что у индивидуального предпринимателя Александра Владимировича Новикова была репрессирована семья деда по материнской линии – Вереитина Федора Уваровича, история которого изложена в теме «Крестьянские репрессии». У Владимира Ивановича Герасимова, начальника Зырянского участка областного ДРСУ, в семье супруги бабушка Прасковья Кириченко попала под «закон о колосках». Арсен Джангирович Мотивосов, главный ветеринарный инспектор по Зырянскому и Тегульдетскому районам, не понаслышке знает о страданиях спецпереселенцев в Сибири, у него были репрессированы и отец, и мать. Юрий Викторович Маслов, Велюр Исрафилевич Фаррахов, Евгений Валентинович Рыжов – индивидуальные предприниматели, они откликнулись потому, что убеждены: историю своей страны нужно помнить, чтобы этого больше никогда не повторилось. Им нравится делать добро, они понимают, насколько важным оказалось дело, в котором они принимали участие. Виктор Семенович Ефремов, главный специалист по ГО и ЧС районной администрации, тоже участвовал от души. Его семью счастливо обошла злая участь, но он считает, что новое поколение должно знать свою историю, какой бы она ни была. Чтобы помнили.

Начальник управления сельского хозяйства администрации Зырянского района Юрий Петрович Повстьянов сказал, что ему безмерно жаль пострадавших людей. Его участие – это его дань безвинно пострадавшим, он считает, что извинился от имени власти перед потомками репрессированных. Дед и бабушка Юрия Петровича не считаются репрессированными, но когда им объявили, что завтра будут арестованы, то они за ночь собрали котомки и бежали из Омской области в Томскую. Максим Валерьевич Волков, главный специалист управления сельского хозяйства, откликнулся на просьбу

¹ Носова Т. Открыли памятник жертвам репрессий // Сельская правда. 2013. № 78 (9195). 16 июля.

участвовать в установке памятника, так как не мог остаться в стороне, когда его коллеги трудились...Хусейн Агданович Юсупов с болью в голосе рассказывает о репрессиях против его народа – чеченцев. Идут годы, изменился в стране строй, нет государства, которое боролось со своим народом. Но живы потомки страдальцев, жива память. Жизнь продолжается. И хочется, чтобы она была счастливой.

Народный коллектив «Радуга» в конце митинга пел песню «Россия жива», заключительные слова которой такие:

Топорная, загульная, крылатая,
Жестокая, ленивая, распятая,
Березовая, тонкая, красивая,
Какая есть, ты вся моя любимая.

Рабочие моменты установки памятника

Использованная литература

Боль людская. Книга Памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов: в 5 т. Томск: Управление ФСБ РФ по Томской области, 1991 – 1999.

Жеплинский Р. Мои дороги. Дрогобыч, 2010.

Из истории земли томской. 1917–1921. Народ и власть. Сборник документов и материалов. Томск, 1997.

Из истории земли томской. 1921–1924. Сборник документов и материалов. Томск, 2000.

Из истории земли томской. 1925–1929. Сборник документов и материалов. Томск, 2000.

Из истории земли томской. Народ и власть. 1930–1933. Сборник документов и материалов. Томск, 2001.

Из истории земли томской. Невольные сибиряки. 1940–1956. Сборник документов и материалов. Томск, 2001.

Поляки в Томском крае. 1920–1940-е гг. (Сборник архивных документов и материалов). Томск, 2013.

Садовский С. Петр Лубков: палач или герой? // Сельская правда. 1998. 27 окт.

Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). Томск, 2012.

Фефелова О.А. Репрессии среди крестьян на территории Западной Сибири в 1930-е годы. <http://www.bibliofond.ru/view.aspx>

Научное издание

Кто испишет имена ваша...

*Из истории политических
репрессий на территории
Зырянского района Томского края*

Редактор В.С. Сумарокова

Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 30.06.2014.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 8,6; усл. печ. л. 8,3; уч.-изд. л. 8,1. Тираж 300. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Учебно-производственная типография ТГУ, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 66